

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

A person wearing a space helmet is seen from behind, looking up at a glowing, cylindrical object floating in space. The background features a view of Earth from space, with a dark vertical band on the left side. The scene is set against a starry sky with a prominent galaxy.

ТРАЕКТОРИЯ
ВЫМИРАНИЯ

Эдуард Сероусов

Траектория вымирания

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Траектория вымирания / Э. Сероусов — «Автор», 2025

Астрофизик Изабель Шань обнаруживает в глубинах космоса кладбище мёртвых цивилизаций — тысячи кораблей, чьи хозяева бежали от чего-то страшного. Расшифровав древние записи, она узнаёт ужасающую правду: каждые несколько сотен миллионов лет по галактике проходит волна, стирающая не только жизнь, но и саму память о ней. Следующая волна приближается к Солнечной системе. У человечества есть восемнадцать месяцев. Бежать невозможно — но можно спрятаться. Или оставить послание тем, кто придёт после. Когда само прошлое можно стереть, акт воспоминания становится последним актом сопротивления. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог: «Последняя передача»	5
Часть Первая: Обнаружение	15
Глава 1: «Кладбище богов»	16
Глава 2: «Первый контакт с мёртвыми»	32
Глава 4: «Картография забвения»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Эдуард Сероусов

Траектория вымирания

Пролог: «Последняя передача»

Архивная запись #Ø-7749-Σ Источник: неизвестен Датировка: невозможна Статус носителя: критическое повреждение

Меня зовут Кейрат-нол-Веннис, и я записываю это послание в последний день существования моего мира.

Нет. Подождите. Это неправда.

Меня зовут... моё имя... оно было здесь, в моей памяти, ещё мгновение назад. Я помню, как произносил его тысячи раз, как выводил изящные символы на церемониальных документах, как слышал его в голосе матери, когда она звала меня с верхних террас нашего дома в Кристаллическом Квартале. Я помню всё это – ощущение тёплого ветра с океана, запах цветущих рем-деревьев, звон колокольчиков на шпилях Академии – но само имя ускользает, словно вода сквозь пальцы.

Словно его никогда не было.

Я – старший архивариус... чего? Великого Хранилища Памяти, да. Это я ещё помню. Хранилище существует – огромное, величественное здание из поющего камня, уходящее на семнадцать уровней вглубь коры нашей планеты. Там хранятся записи семнадцати тысяч лет нашей истории. Миллиарды документов, кристаллических матриц, голографических слепков. Вся память нашего народа.

Была.

Сегодня утром – или то, что я считаю утром, потому что небо больше не меняется так, как должно – я спустился на четырнадцатый уровень, чтобы проверить секцию ранней космической эры. Там должны были храниться записи о первых межзвёздных экспедициях, о контакте с соседними мирами, о великом союзе одиннадцати рас.

Полки были пусты.

Нет, это неточно. Полки были полны – я видел ряды кристаллов, аккуратно расставленных по своим ячейкам, сияющих мягким внутренним светом, как и положено исправным носителям. Но когда я активировал первый из них, внутри не оказалось ничего. Чистая матрица. Словно только что произведённая, никогда не содержащая информации.

Я проверил второй. Третий. Десятый. Сотый.

Пустота. Пустота. Пустота.

Я помню – и это воспоминание пока держится, цепляется за моё сознание из последних сил – что три дня назад эти кристаллы содержали записи. Я сам обращался к ним, готовя доклад для Совета Мудрейших о... о чём-то важном. О чём-то, связанном с небом. С тем, что происходит с небом.

Но я не могу вспомнить, что именно было в тех записях. Я знаю, что читал их. Я знаю, что они существовали. Но содержание – словно кто-то вырезал часть моего разума хирургическим лучом, оставив только края, рваные и кровоточащие.

Я поднялся к главному залу Хранилища, чтобы сообщить о катастрофе зрителям. По дороге я миновал семь постов охраны – все пустые. Столы дежурных архивариусов – покинутые, с недопитыми чашками стимулятора, с незавершёнными записями на экранах. Я видел следы поспешного ухода, но не понимал, куда все делись.

В главном зале, под великим куполом из прозрачного янтарного композита, я нашёл свою коллегу – старшего хронографа, имя которой я не могу вспомнить, хотя работал рядом с ней сорок лет. Она сидела на полу посреди россыпи кристаллов, раскачиваясь взад-вперёд, и монотонно повторяла:

– Я должна это помнить. Я должна это помнить. Я должна это помнить.

Кристаллы вокруг неё были пусты – все до единого. Я опустился рядом с ней на колени и попытался привлечь её внимание, но она смотрела сквозь меня, словно я был призраком. Или словно она была призраком. Или словно мы оба уже исчезли, но ещё не осознали этого.

– Что ты пытаешься вспомнить? – спросил я.

Она повернулась ко мне, и в её глазах – больших, фасеточных, переливающихся оттенками синего и зелёного, как у всех представителей её... нашего... моего народа – я увидел такой ужас, какого не встречал за всю свою долгую жизнь.

– Своё имя, – прошептала она. – Я не могу вспомнить своё имя.

Звёзды начали исчезать семьдесят два дня назад.

Это я помню отчётливо, потому что записал это в личный дневник – бумажный, по старинке, чернилами на прессованном волокне. Бумага не стирается так, как кристаллы. Бумага держит память дольше.

Держала.

Сегодня я открыл дневник и обнаружил, что страницы за последние тридцать дней пусты. Не вырваны – именно пусты, словно я никогда на них не писал. Но я чувствую вмятины от стилуса, следы, где чернила впитались в волокна. Текст был. А теперь его нет.

Но первые записи – те, что я сделал семьдесят два дня назад – пока читаемы. Пока.

«Четырнадцатого дня третьего сезона, – написал я тогда, – астрономический пост Северной Обсерватории зафиксировал исчезновение звезды Кел-ар-Вимс из созвездия Путника. Звезда класса жёлтый карлик, расстояние 340 световых лет от нашей системы, известна более двух тысяч лет, упоминается в древних навигационных картах. Исчезновение не сопровождалось видимой вспышкой, эмиссией излучения или гравитационными аномалиями. Звезда просто перестала существовать. Проверка архивов показала: все исторические записи о данной звезде были изменены. В документах тысячелетней давности, на которые я лично ссылался в своей диссертации, на месте Кел-ар-Вимс теперь указана пустота – "область без известных объектов". Коллеги предполагают ошибку наблюдений или аномальное красное смещение. Я не уверен».

Через три дня исчезли ещё четыре звезды. Через неделю – семнадцать. Через месяц мы перестали считать.

Не потому что их стало слишком много.

А потому что мы начали забывать, что они вообще существовали.

Я помню – и это воспоминание я охраняю яростнее, чем собственную жизнь – как стоял на обзорной площадке Академии наук вместе с группой молодых исследователей. Мы наблюдали за сектором неба, где прошлой ночью находилась звёздная ассоциация из тридцати светил. Теперь там была тьма – абсолютная, непроглядная, словно кто-то вырезал кусок космоса.

– О чём вы говорите? – спросила одна из студенток, глядя на меня с искренним недоумением. – Там никогда ничего не было. Это Пустошь Реликта, мёртвая зона. Все знают.

– Нет, – возразил я. – Там была звёздная ассоциация. Я изучал её спектры, когда был вдвое моложе тебя. Я писал работу о необычном составе её третьей планеты. Я помню название – Серебряная Гроздь.

Студентка переглянулась с товарищами. В их глазах не было ни насмешки, ни недоверия – только пустота непонимания. Для них эти звёзды никогда не существовали. Их память была чиста.

Я бросился в библиотеку, к каталогам, к древним картам, выжженным на металлических пластинах ещё до изобретения цифровых носителей. На тех картах Серебряная Гроздь должна была сиять рукотворными точками в верхнем левом секторе.

Точки были там.

Но когда я вернулся через час с коллегой-скептиком, чтобы доказать свою правоту, – на пластине осталась только ровная, непо потревоженная поверхность. Ни единой отметки. Ни единого следа.

– Видите? – сказал коллега, чьё имя я уже забыл. – Вам нужен отдых. Переутомление порождает ложные воспоминания.

Он похлопал меня по плечу – жест сочувствия и снисхождения. Он был абсолютно искренен.

Он не помнил.

Никто больше не помнил.

Они приходят с краёв.

Это я понял, когда ещё мог думать достаточно ясно, чтобы анализировать данные. Когда записи ещё держались в кристаллах достаточно долго, чтобы их прочесть. Когда у меня ещё была команда исследователей, способных поддержать разговор дольше нескольких минут, прежде чем потерять нить мысли.

Исчезновения начались на периферии. Звёзды гасли – нет, неправильное слово – звёзды переставали существовать на самых дальних окраинах известного космоса. Сначала в межгалактических пустотах, там, где свет приходил к нам через миллионы лет. Потом ближе. И ближе. И ближе.

Паттерн был очевиден, если посмотреть на карту. Волна. Или скорее сужающаяся петля. Или рука, медленно сжимающаяся в кулак вокруг островков света и жизни.

Мы не первые.

Эту истину я нашёл в древнейших архивах – тех, что хранились на каменных пластинах, вырезанных двенадцать тысяч лет назад нашими предками, ещё до того, как они вышли в космос. Пластины были спрятаны в подземном святилище, о котором знали немногие. Я нашёл их случайно – или, возможно, меня направила рука провидения, насколько такое понятие вообще применимо к тому, кто давно оставил суеверия позади.

На пластинах был текст – древний, архаичный, едва понятный. Но я потратил неделю – или две? или месяц? – на расшифровку. Слово за словом. Символ за символом.

«Когда небо начнёт забывать свои огни, – гласила надпись, – когда прошлое станет меняться быстрее будущего, когда имена будут ускользать, как рыбы в потоке – знай, что пришли Те-Кто-Стирает. Они приходили прежде. Они придут снова. Они не враги. Они не друзья. Они – волна, несущая забвение».

Далее шёл фрагмент, который я не сразу понял:

«Мы получили это знание от тех, кто приходил до нас. Они спаслись с мира, чьё имя мы уже не можем записать, ибо оно стёрто из всех языков. Они пришли на кораблях из металла, который поёт, и предупредили: цикл вечен. Каждые несколько сотен миллионов оборотов галактики приходят Стиратели. Они очищают. Они обнуляют. Они заставляют Вселенную забыть, что разум когда-либо существовал».

Сотни миллионов лет. Таков интервал. Галактика успевает совершить несколько оборотов вокруг своей оси. Цивилизации рождаются, расцветают, покоряют звёзды – и исчезают. Не погибают – исчезают. Словно их никогда не было.

Мы – лишь последние в бесконечной череде забытых.

Я видел их однажды.

Нет, это неправда. Увидеть их невозможно. Они не имеют формы, массы, положения в пространстве. Они существуют – если слово «существуют» вообще применимо – в промежутках между тем, что мы считаем реальным. В трещинах между моментами времени. В паузах между ударами сердца Вселенной.

Но я почувствовал их присутствие. Один раз. Этого было достаточно.

Это случилось в обсерватории, когда я наблюдал за участком неба, где минуту назад был молодой пульсар – яркий, энергичный, посылающий свои радиоимпульсы с точностью атомных часов. Я записывал его характеристики, когда свет просто... кончился. Не погас – именно кончился, словно обрезанная нить.

И в тот момент между концом света и осознанием его отсутствия – в ту неуловимую долю мгновения – я ощутил... что-то.

Холод. Но не физический холод – температура в обсерватории не изменилась. Это был холод более глубокий, проникающий в самую сущность бытия. Ощущение абсолютного безразличия. Не враждебности – для вражды нужно признавать существование противника. Просто безразличия. Полного, совершенного, космического.

Я был муравьём под ногой прохожего, который даже не знает о моём существовании. Хуже – я был тенью муравья, отбрасываемой светом, который вот-вот погаснет.

Оборудование зафиксировало кое-что в тот момент. Датчики гравитационных волн показали рябь – слабую, едва уловимую, но не соответствующую ни одному известному источнику. Детекторы тёмной энергии отметили локальную флуктуацию. Спектрографы записали... ничего. Буквально ничего – полоску абсолютной черноты там, где должен был быть спектр далёкой звезды.

Я сохранил эти данные на физический носитель. Выжег их лазером на кусок тугоплавкого металла. Закопал металл в саду у своего дома.

Вчера я пошёл проверить тайник. Металл был на месте. Выжженные символы – тоже. Но я не мог прочесть их. Не потому что текст изменился – он был точно таким, как я его оставил. Я просто забыл значение символов. Моя собственная система кодировки, которую я изобрёл сам, стала для меня непроницаемой тайной.

Они не просто стирают записи. Они стирают способность помнить.

Двадцать дней назад – или тридцать? – мы отправили корабли.

Я не уверен в деталях. Помню только общие контуры: экстренное заседание Совета Мудрейших, которое длилось несколько суток без перерыва. Крики. Обвинения. Отчаяние. Кто-то предлагал спрятаться – построить убежища под землёй, выключить все передатчики, затаиться. Кто-то требовал сопротивления – направить весь флот к границе, к той невидимой линии, за которой исчезала реальность. Как будто можно было сражаться с забвением.

В конце концов победил третий план. Исход.

Я помню – смутно, как сквозь мутное стекло – очереди к эвакуационным портам. Тысячи моих соплеменников, несущих с собой всё, что могли унести. Кристаллы памяти. Предметы искусства. Детей. Каждый понимал, что большая часть этого обречена на стирание, но надеялся – нелепо, отчаянно – что хоть что-то сохранится.

Корабли уходили к центру галактики. Прочь от наступающего края тьмы. Логика была проста: чем ближе к центру, тем дольше протянется. Стиратели двигались снаружи внутрь. Если бежать достаточно быстро, достаточно далеко – можно выиграть время. Столетия. Тысячелетия. Может быть, даже миллионы лет.

Но разве это спасение? Отсрочка казни – не помилование.

Я остался. Кто-то должен был охранять Хранилище до конца. Кто-то должен был делать то, что я делаю сейчас – записывать. Свидетельствовать. Оставлять след, даже зная, что он будет стёрт.

Со мной осталась горстка других – учёные, архивариусы, хронографы. Фанатики памяти. Мы понимали, что наша работа бессмысленна. Но бессмысленность ещё никогда не останавливала тех, кто по-настоящему предан делу.

Мой ассистент перестал существовать вчера.

Нет, неправильно. Вчера я осознал, что он перестал существовать. Когда именно это произошло на самом деле – я не знаю. Возможно, его не было уже много дней. Возможно, он никогда не существовал, и мои воспоминания о нём – лишь остаточная рябь от чего-то, что было стёрто.

Я называл его... не могу вспомнить. Но помню его силуэт – высокий, нескладный, вечно сутулящийся над рабочим терминалом. Помню его привычку барабанить пальцами по столу, когда он думал. Помню раздражение, которое эта привычка вызывала у меня. Помню дискуссии о классификации архивных документов – он придерживался хронологического принципа, я предпочитал тематический.

Помню человека. Не помню имени, внешности, голоса.

Вчера я зашёл в его лабораторию – маленькую комнату на третьем уровне Хранилища, заставленную оборудованием для анализа повреждённых носителей. Комната была пуста. Не в смысле «человека нет внутри» – пуста полностью. Стены голые. Пол чистый. Никакого оборудования, никакой мебели, никаких следов того, что здесь кто-то когда-то работал.

Я проверил записи о распределении помещений. Согласно документам, эта комната всегда была пустой – резервная площадь, никогда не использовавшаяся.

Но я помню...

Помню?

Что именно я помню? С каждой минутой воспоминание тускнеет. Был ли кто-то? Или это галлюцинация? Или я путаю эту комнату с другой?

Я записываю это, пока ещё могу. Но страница под моими пальцами кажется странно гладкой. Словно буквы впитываются в бумагу, не оставляя следа.

На древних пластинах – тех, что я нашёл в святилище – был ещё один фрагмент. Я не упомянул его раньше, потому что не был уверен в переводе. Теперь я уверен. Теперь, когда терять уже нечего.

«Есть способ, – гласил текст. – Те, кто приходили до нас, знали его. Они говорили о возможности стать невидимым для Стирающих. Спрятаться не в пространстве, но во времени. Создать пузырь, карман реальности, куда волна забвения не достигнет. Они называли это Маскировкой».

Далее следовали символы, которые я не смог расшифровать. Технические описания? Формулы? Схемы? Не знаю. Язык слишком древний, понятия слишком чуждые. Возможно, там была инструкция по спасению. Возможно, я держал в руках ключ к выживанию всей нашей цивилизации.

А потом я отвлекся – кажется, меня позвали, кажется, что-то произошло в главном зале – и когда вернулся к пластинам, те строки были пусты. Вырезаны. Стёрты. На их месте остались только едва заметные углубления – следы резца, который когда-то выводил символы по камню.

Стиратели забрали инструкцию. Или, возможно, инструкции никогда не было. Возможно, надежда на спасение – это тоже ложная память, отголосок чего-то, что было стёрто так давно, что само стирание стало частью реальности.

Но я хочу верить. Я должен верить, что где-то, когда-то, кто-то нашёл способ.

Небо сегодня... странное.

Я поднялся на обзорную площадку на рассвете – или на то, что заменяет рассвет теперь, когда наше солнце мерцает и поддёргивается, словно пламя на ветру. Я смотрел вверх, на звёзды, которые ещё остались.

Их мало. Так мало.

Когда я был ребёнком, небо было усеяно светом. Миллиарды звёзд – так много, что между ними едва оставались промежутки. Млечный путь – тогда мы называли его как-то иначе, но я забыл это название – простирался от горизонта до горизонта, река серебряного огня.

Теперь на небе темнота. Островки света – редкие, разрозненные, дрожащие. Половина созвездий исчезла. Те, что остались, изувечены – словно кто-то небрежно вырезал из них куски.

И самое страшное – молодые не видят в этом ничего необычного. Для них небо всегда было таким. Скучным. Пустым. Они не помнят великолепия, которое я помню. Для них моя память – это старческий бред, романтические выдумки о золотом веке, которого не было.

Но он был. Я клянусь, он был.

Я стоял на площадке и смотрел, как на востоке гасла очередная звезда. Она была яркой – одна из ближайших к нашей системе, всего в двадцати световых годах. Мы посылали туда зонды в эпоху великих исследований. Я помню отчёты о каменистых планетах, об атмосферах из метана, о возможности колонизации.

Звезда не взорвалась. Не потускнела. Просто... перестала. В одно мгновение – свет, в следующее – ничего. Абсолютная тьма на месте, где только что был огонь, горевший миллиарды лет.

Я попытался запомнить её положение на небе. Попытался мысленно проложить линии к соседним звёздам, создать мнемоническую карту. Но уже через несколько минут я не мог вспомнить, куда именно смотрел. Словно моя память отказывалась хранить информацию о том, что больше не существует.

Они не просто уничтожают. Они делают так, чтобы уничтоженного никогда не было.

Хронограф – та, что потеряла имя, – мертва.

Я нашёл её тело в главном зале, среди рассыпанных кристаллов. Она вскрыла вены антикварным резаком для документов – острым, как бритва. Рядом лежала записка, написанная дрожащим почерком на клочке ткани:

«Я не могу продолжать забывать. Лучше закончить сейчас, пока я ещё помню, что хочу умереть».

Логика извращённая, но я её понимаю. Когда у тебя отнимают прошлое, будущее теряет смысл. Когда ты не знаешь, кто ты такой, зачем продолжать быть?

Я похоронил её в саду Хранилища – там, где когда-то росли рем-деревья. Деревьев больше нет. На их месте – голая земля, словно там никогда ничего не росло. Но я всё равно вырыл могилу. Положил тело. Засыпал землёй.

Я не помню её имени. Не помню её лица. Но я помню, что она была. Помню, что она страдала. Помню, что она сделала выбор – страшный, но осознанный.

Это больше, чем могут сказать о себе миллиарды существ, стёртых из реальности без следа.

Я воткнул в землю металлический стержень – маркер могилы. На нём нет надписи. Какой смысл писать имя, которое я не помню, для тех, кто не будет существовать достаточно долго, чтобы прочесть?

В Хранилище остались только я и трое других. Или двое? Нужно пересчитать.

Я обхожу коридоры – те, что ещё существуют. Часть здания... изменилась. Я помню семнадцать подземных уровней. Теперь их одиннадцать. Планы здания показывают, что одиннадцать было всегда. Но я помню лестницы, ведущие вниз. Помню лаборатории на двенадцатом уровне. Помню хранилища на четырнадцатом.

Их нет. Не разрушены – именно нет. Слово архитектор изначально спроектировал здание на одиннадцать уровней и никогда не думал о большем.

Я нахожу коллегу – старого картографа, чьё имя я ещё помню: Реллис. Маленькое чудо – ненадолго, я знаю. Реллис сидит в своём кабинете, окружённый картами, которые меняются на глазах. Он пытается зафиксировать изменения – рисует новые карты поверх старых, отмечая, что исчезло.

– Южный континент ушёл сегодня утром, – говорит он, когда я захожу. Голос спокойный, но руки дрожат. – Полтора миллиарда жителей. Шесть тысяч лет истории. Теперь там океан. Записи утверждают, что океан был всегда.

Я молчу. Что тут скажешь?

– Я пытался позвонить сестре, – продолжает Реллис. – Она жила в столице Южного. Система сказала: такого абонента не существует. Я проверил архив населения. Её имени нет. Её никогда не было.

– Реллис...

– Я помню её смех. Помню, как она гостила у меня прошлым сезоном. Помню торт, который она пекла на мой юбилей. Но её никогда не было. Понимаешь? Я помню человека, который не существовал.

Я сажусь рядом с ним. Мы оба смотрим на карту – бессмысленную теперь, когда треть континентов исчезла, а вторая треть скоро исчезнет.

– Может, это лучше, – шепчет Реллис. – Может, лучше, когда не было. Тогда и терять нечего.

Я не отвечаю.

Ночью – если это можно назвать ночью – я увидел сон.

Или не сон. Возможно, послание. Возможно, остаточный отголосок чьей-то стёртой мысли, случайно зацепившийся за моё сознание.

Я видел корабль – огромный, больше любого, что строила наша цивилизация. Корабль из металла, который пел – да, именно так, как описывали древние тексты. Я слышал его голос – низкий, вибрирующий, проникающий в кости. Корабль дрейфовал в пустоте между звёздами, в месте, где тьма была такой глубокой, что казалась осязаемой.

На борту корабля были существа – не похожие на мой народ, но и не совсем чужие. Они бежали. Бежали от того же, от чего бежим мы. И они нашли... что-то.

В центре корабля – устройство. Или механизм. Или живой организм – грани размывались, определения ускользали. Оно пульсировало светом, который не был светом. Оно созда-

вало вокруг себя пространство, которое не было пространством. Пузырь. Карман реальности, отделённый от остальной Вселенной.

«Маскировка» – это слово всплыло из глубин сна. Способ стать невидимым для Стирающих. Способ спрятаться не от них самих – от этого спрятаться невозможно – но от их внимания. Стать незаметным. Бесшумным. Выпасть из ткани реальности, которую они переписывают.

Цена – высока. Изоляция. Полная отрезанность от Вселенной на время прохождения волны. Века. Тысячелетия. Но потом – возможность выйти. Возможность продолжить.

Я проснулся с ощущением, что держу в руках что-то важное – осколок знания, протянутый из бездны времени. Но когда попытался записать детали, они ускользнули. Осталось только общее: есть способ. Кто-то его знал. Кто-то использовал.

Кто-то выжил.

Это моя последняя запись.

Я делаю её на устройстве, которое нашёл среди обломков древнего корабля – чужого корабля, упавшего на нашу планету миллионы лет назад, задолго до появления моего вида. Устройство всё ещё работает. Оно записывает не на кристаллы, не на бумагу, не на металл – на что-то другое. Что-то, что существует вне обычного пространства-времени.

Я не знаю, сохранится ли эта запись. Возможно, Стиратели найдут способ добраться и до неё. Возможно, через мгновение после того, как я закончу говорить, мои слова растают, как снег под солнцем.

Но я должен попытаться.

Тем, кто слышит это – если кто-то слышит:

Мы существовали. Моя цивилизация – двенадцать миллиардов разумных существ, семнадцать тысяч лет истории, триста освоенных миров – мы были реальны. Мы любили. Страдали. Творили. Мечтали о звёздах – тех самых звёздах, что теперь исчезают одна за другой.

Они приходят. Те-Кто-Стирает. Мы не знаем, откуда. Не знаем, зачем. Возможно, они – просто часть космоса, как энтропия, как распад, как смерть. Возможно, они исполняют какую-то функцию, непостижимую для разума, ограниченного тремя измерениями и линейным временем.

Но есть способ. Я видел его – во сне, или в послании, или в отголоске чьей-то стёртой памяти. Маскировка. Возможность спрятаться. Возможность переждать волну и выйти с другой стороны.

Ищите этот способ. Если вы получили это послание – значит, вы ещё существуете. Значит, у вас ещё есть время. Не много – никогда не много – но достаточно.

Не повторяйте наших ошибок. Мы слишком долго спорили, слишком долго сомневались, слишком долго искали рациональные объяснения иррациональному. Когда мы наконец поняли, что происходит – было уже...

...

...слишком поздно было уже...

...

Меня зовут...

Меня...

...

Я записываю это послание в последний день существования...

...чего?

Что я записываю? Зачем?

...

Вокруг тьма. Была ли она всегда?

...

Нет. Подожди. Был свет. Я помню свет. Звёзды – миллиарды звёзд. Небо, полное огней.

Город. Дом. Мать, зовущая с террасы...

Но это было давно. Так давно, что, возможно, не было вовсе.

...

Остаётся что-то. На границе сознания. Важное. То, что нельзя забыть.

Способ.

Есть способ спастись. Кто-то знает. Кто-то нашёл.

Найдите его. Пожалуйста.

Пока ещё...

Пока...

...

[Конец записи]

[Носитель повреждён: критический уровень]

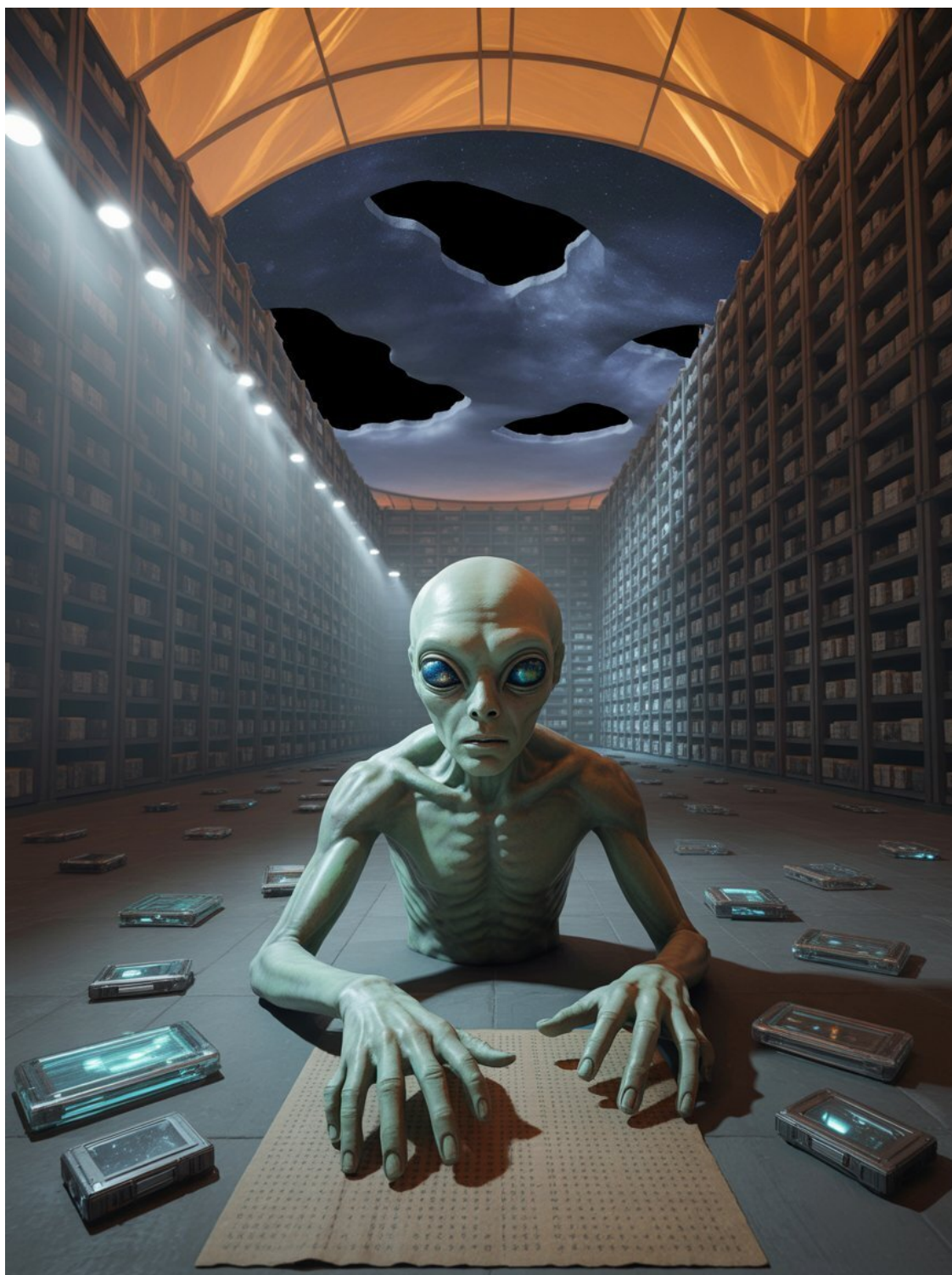
[Восстановление невозможно]

[Датировка: невозможна]

[Источник: невозможно определить]

[Статус архивации: помещено в карантин, ожидает верификации]

[Примечание: содержание записи не поддаётся научному анализу. Рекомендовано списать на артефакт неисправности носителя или намеренную мистификацию. Упоминаемые астрономические объекты не обнаружены в каталогах. Описываемая цивилизация не соответствует ни одной известной. Вероятность подлинности: пренебрежимо мала.]

Часть Первая: Обнаружение

«То, что мёртво, не может умереть. Но может быть забыто.»

Глава 1: «Кладбище богов»

Смерть была холодной, тихой и пахла антисептиком.

Изабель Шань знала это ощущение – возвращение из небытия криосна напоминало рождение заново, только без тепла материнской утробы и без обещания долгой жизни впереди. Каждый раз, просыпаясь после многолетнего забытья, она чувствовала себя так, словно выныривала из чёрного ледяного океана, где не было ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства – только бесконечная пустота, которая медленно, неохотно выпускала её из своих объятий.

Первым вернулось дыхание – рваное, хриплое, болезненное. Лёгкие, привыкшие к минимальному газообмену, протестовали против необходимости работать в полную силу. Изабель закашлялась, и этот кашель отозвался во всём теле судорожной болью, словно каждая мышца, каждое сухожилие забыли, как функционировать.

Потом пришёл свет – сначала размытый, красноватый, как закат через закрытые веки, затем всё более яркий, пробивающийся сквозь слипшиеся ресницы. Она попыталась открыть глаза, но это оказалось неожиданно сложной задачей. Веки налились свинцовой тяжестью. Четыре года в капсуле криостазиса – это четыре года неподвижности, четыре года медленного умирания, которое медицина научилась обращать вспять, но так и не сделала комфортным.

– Доктор Шань, – произнёс голос откуда-то сверху, механически-спокойный, лишённый интонаций. – Пробуждение проходит в штатном режиме. Ваши витальные показатели в пределах нормы. Рекомендую не совершать резких движений в течение следующих сорока минут.

МОРФЕЙ. Корабельный ИИ. Изабель узнала бы этот голос из тысячи других – ровный, бесстрастный, с едва уловимой электронной вибрацией на согласных звуках. Голос, который сопровождал её последние двадцать лет жизни, если считать субъективное время, и шестьдесят пять – если учитывать все погружения в криосон.

– Сколько? – прохрипела она, и собственный голос показался ей чужим, сухим, как шелест песка по камню.

– Четыре года, два месяца, семнадцать дней, – ответил МОРФЕЙ. – Мы достигли расчётной точки. Аномалия подтверждена.

Аномалия. Это слово пробилось сквозь туман пробуждения, зацепилось за сознание. Ради этой аномалии она оставила всё – коллег на Марсе, репутацию, налаженную жизнь. Ради этой аномалии провела четыре года в ледяном забытии, несясь сквозь пустоту на краю Солнечной системы.

Изабель заставила себя открыть глаза.

Потолок капсулы криостазиса был белым, стерильным, с мягко мерцающими диодами мониторинга. Знакомая картина – она видела её десятки раз, после каждого пробуждения. Но сейчас что-то было иначе. Свет диодов казался тусклее обычного, а в углу её поля зрения мигал красный индикатор.

– Какой статус корабля?

– «Реквием» функционирует в пределах допустимых параметров, – ответил МОРФЕЙ. – Зафиксировано одиннадцать незначительных отказов в системах жизнеобеспечения, все устранены в автономном режиме. Текущий запас топлива – шестьдесят три процента от исходного. Экипаж пробуждается согласно протоколу «Альфа».

Протокол «Альфа» – сначала научный персонал и командный состав, затем технические специалисты, в последнюю очередь – вспомогательный экипаж. Изабель, как руководитель научной группы экспедиции, находилась в первой волне.

Она медленно подняла руку – пальцы дрожали, мышцы слушались с неохотой – и коснулась края капсулы. Гладкий композитный материал был тёплым, почти живым на ощупь. Система жизнеобеспечения прогрела тело постепенно, не допуская термического шока.

– Кто ещё проснулся?

– Капитан Воронов завершил пробуждение семнадцать минут назад. Доктор Танака – девять минут назад. Командор Брандт – четыре минуты назад. Остальные представители первой волны находятся в процессе выхода из криостазиса.

Воронов, Танака, Брандт. Ключевые фигуры экспедиции. Изабель мысленно перебрала их имена, вызывая в памяти лица, голоса, характеры. Четыре года небытия – достаточно, чтобы детали поблёкли, но не стёрлись полностью. Она помнила их. Пока помнила.

– Помогите мне подняться, – сказала она.

– Рекомендую оставаться в горизонтальном положении ещё двадцать три минуты, – возразил МОРФЕЙ.

– Это не просьба.

Пауза – секунда, может быть, полторы. Для искусственного интеллекта, способного обрабатывать терабайты данных за микросекунду, это была вечность.

– Принято. Активирую систему поддержки мобильности.

Крышка капсулы скользнула вверх с тихим шипением, и Изабель впервые за четыре года увидела что-то, кроме белого потолка. Отсек криостазиса был большим – двадцать капсул, расположенных в два ряда, как коконы гигантских насекомых. Половина из них была закрыта, с мигающими зелёными индикаторами активного сна. Другая половина – открыта, с силуэтами людей, которые, как и она, боролись с последствиями возвращения к жизни.

Изабель села, преодолевая головокружение. Мир качнулся, поплыл, угрожая опрокинуться. Она схватилась за край капсулы, сжала зубы, заставила себя дышать ровно. Четыре года – это не первый её длительный сон, и не последний. Тело привыкнет. Оно всегда привыкало.

– Доктор Шань?

Голос – не электронный, живой. Изабель повернула голову, и движение отозвалось вспышкой боли в затылке. К её капсуле приближался человек – высокий, широкоплечий, с коротко стриженными седыми волосами и лицом, испещрённым тонкими шрамами от старых ожогов. Марк Александр Воронов, капитан «Реквиема», бывший офицер Военно-космических сил Консорциума.

– Капитан, – она кивнула, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. Получилось не вполне убедительно.

– Как самочувствие? – Воронов остановился у её капсулы, окинул её оценивающим взглядом. Глаза у него были серые, холодные, как лёд на поверхности Европы.

– Превосходно. Готова бежать марафон.

Тень улыбки мелькнула в уголках его губ и тут же исчезла.

– Вижу, криосон не повлиял на ваше чувство юмора.

– Оно было заморожено вместе со мной.

Воронов протянул руку, и Изабель, помедлив секунду, приняла помощь. Его ладонь была сухой, шершавой, с жёсткими мозолями – руки человека, привыкшего к физическому труду, несмотря на высокий ранг. Он помог ей выбраться из капсулы, и она встала на ноги, покачиваясь, как моряк на палубе корабля после долгого штиля.

– МОРФЕЙ говорит, мы на месте, – сказала она, когда головокружение немного отступило.

– Да. – Воронов отпустил её руку, убедившись, что она может стоять самостоятельно. – И это... Вам лучше увидеть самой. Идёмте на мостик. Если, конечно, вы в состоянии.

Что-то в его голосе заставило Изабель насторожиться. Она провела с Вороновым много часов в подготовительный период перед стартом экспедиции, изучала его досье, наблюдала на тренировках. Он был человеком, которого сложно удивить – тридцать лет службы в космосе, участие в трёх военных конфликтах, командование дюжиной миссий в глубоком космосе. Он видел вещи, о которых большинство людей могли только читать в новостных лентах. И сейчас

в его голосе, в его позе, в напряжённых плечах Изабель уловила то, чего никогда не замечала раньше.

Тревогу.

Нет, сильнее. Благоговейный страх.

– Я в состоянии, – сказала она. – Ведите.

Путь от отсека криостазиса до командного мостика занимал обычно три минуты – по центральному коридору, через две герметичные переборки, мимо технических помещений и медицинского отсека. Сейчас, когда мышцы ещё не полностью восстановились, а вестибулярный аппарат отказывался сотрудничать, дорога растянулась на все десять.

«Реквием» был старым кораблём – заложен семьдесят лет назад на верфях Марса, перестроен дважды, модернизирован бесчисленное количество раз. Изначально он проектировался как военный крейсер, потом был переоборудован под грузовое судно, затем – под исследовательскую платформу дальнего радиуса действия. От каждой итерации остались следы: военная прочность конструкции, грузовой объём трюмов, научное оборудование в специализированных лабораториях. Корабль-франкенштейн, собранный из частей разных эпох, но всё ещё способный доставить сотни людей на край Солнечной системы и вернуть обратно.

Изабель шла, опираясь на поручни вдоль стен – стандартное оборудование всех межпланетных судов, необходимое при маневрировании с переменной гравитацией. Сейчас «Реквием» поддерживал комфортные 0.4g за счёт вращения жилого модуля, но она всё равно хваталась за поручни при каждом шаге. Мышцы горели от непривычной нагрузки.

По дороге они миновали несколько членов экипажа – людей в различных стадиях пробуждения. Кто-то сидел на полу, привалившись спиной к переборке, с закрытыми глазами и бледным лицом. Кто-то брёл по коридору, держась за стены, как Изабель. Кто-то разговаривал с медицинскими дронами, которые сновали по проходам, измеряя пульс, давление, температуру.

Воронов кивал каждому встречному, но не останавливался для разговоров. Его молчаливая сосредоточенность только усиливала тревогу Изабель. Что там, на мостике? Что он увидел такого, что не может описать словами?

Командный мостик «Реквиема» располагался в носовой части корабля – большое полусферическое помещение с обзорными экранами, занимающими всю переднюю стену. В центре – капитанское кресло, вокруг – рабочие станции операторов: навигация, связь, сенсоры, системы вооружения (деактивированные по условиям экспедиционного мандата, но всё ещё присутствующие). Сейчас большинство станций пустовало – экипаж ещё не успел занять посты, – но несколько человек уже были здесь.

Изабель узнала доктора Юкико Танаку – миниатюрную японку с острыми чертами лица и короткой стрижкой. Танака сидела за станцией анализа данных, её пальцы летали по сенсорной клавиатуре с нечеловеческой скоростью. Нейролингвист, специалист по расшифровке инопланетных языков – если таковые вообще существовали. До сих пор человечество не обнаружило ни одного неопровержимого доказательства внеземного разума, но Танака верила. Верила с фанатизмом учёного, посвятившего жизнь поискам того, что, возможно, не существует.

Рядом с ней стоял командор Элиас Брандт – глава службы безопасности «Реквиема». Высокий, жилистый, с узким лицом и глубоко посаженными глазами, которые, казалось, видели угрозу в каждой тени. Он не сидел – стоял, сложив руки за спиной, и смотрел на обзорный экран с выражением, которое Изабель не смогла расшифровать.

– Доктор Шань, – Танака первой заметила её появление, оторвавшись от своих данных. – Вы должны это видеть.

– Все мне это говорят, – Изабель подошла ближе к экрану. – Что имен...

Слова застряли в горле.

Обзорный экран показывал пространство перед кораблём – бесконечную черноту космоса, усеянную далёкими звёздами. Но между «Реквиемом» и этими звёздами было что-то ещё. Что-то, чего не должно было существовать.

Корабли.

Тысячи кораблей.

Они дрейфовали в пустоте, как листья в осеннем пруду – медленно, величественно, безжизненно. Корабли всех форм и размеров: огромные, как астероиды, и крошечные, как спасательные капсулы. Угловатые и обтекаемые. С острыми шпильями и плоскими дисками. С отростками, похожими на ветви деревьев, и с кольцами, вращающимися вокруг центральных корпусов. Некоторые были целыми, почти нетронутыми, словно их экипажи могли вернуться в любой момент. Другие – разрушены, расколоты, превращены в облака обломков, медленно рассеивающихся в пространстве.

Изабель видела изображения с зондов, которые достигли аномалии за несколько лет до «Реквиема». Она изучала данные, строила модели, готовила научную программу исследований. Но ничто из этого не подготовило её к реальности.

Это было... кладбище.

Кладбище кораблей, простирающееся на десятки километров во всех направлениях. Кладбище цивилизаций, о которых человечество никогда не слышало. Кладбище надежд, мечтаний, жизней – миллионов, миллиардов жизней, потерянных в этой ледяной пустоте на краю Солнечной системы.

– Боже мой, – прошептала она.

– Бога здесь нет, – мрачно отозвался Брандт. – Только мёртвые.

– Сколько их? – Изабель не могла оторвать взгляд от экрана. – МОРФЕЙ, сколько объектов?

– На данный момент каталогизировано три тысячи сто семнадцать отдельных объектов, – ответил ИИ. – Приблизительно две тысячи четыреста из них идентифицированы как корабли или их фрагменты. Остальные – обломки, контейнеры, неопознанные артефакты. Анализ продолжается.

Три тысячи. Три тысячи кораблей, собравшихся в одной точке пространства, в двух тысячах астрономических единиц от Солнца. В месте, где не должно быть ничего, кроме ледяных глыб и тьмы.

– Это невозможно, – сказала Изабель. – Такое скопление... откуда они взялись? Как оказались здесь?

– Именно это нам и предстоит выяснить, – ответил Воронов. Он занял капитанское кресло, и его руки легли на подлокотники с привычной уверенностью. – МОРФЕЙ, дай нам сводку.

– Аномалия, условно названная «Некрополь», представляет собой скопление объектов искусственного происхождения в секторе 7749-Сигма Облака Оорта. Протяжённость скопления – приблизительно пятьдесят два километра в наибольшем измерении. Объекты дрейфуют в относительно стабильной конфигурации, удерживаемые слабыми гравитационными взаимодействиями.

– Возраст? – спросила Изабель.

– Радиоизотопный анализ образцов, полученных автоматическими зондами, показывает значительный разброс. Некоторые объекты датируются возрастом от пятидесяти до ста тысяч лет. Другие – от пятисот тысяч до двух миллионов лет. Зафиксированы также объекты, возраст которых превышает десять миллионов лет.

Десять миллионов лет. Изабель попыталась осмыслить эту цифру, но разум отказывался её принимать. Десять миллионов лет назад человечества не существовало. Предки людей

только начинали спускаться с деревьев. А эти корабли уже летели сюда, к этой точке в пустоте, неся своих мёртвых пассажиров.

– Происхождение? – голос Танаки дрожал от волнения. – Удалось определить происхождение хотя бы некоторых из них?

– Отрицательно, – ответил МОРФЕЙ. – Ни один из каталогизированных объектов не соответствует известным образцам технологий. Конструкционные материалы, принципы двигательных систем, архитектура корпусов – всё это не имеет аналогов в базе данных человеческих разработок.

– Потому что они не человеческие, – Танака почти благоговейно смотрела на экран. – Это... это доказательство. Неопровержимое доказательство существования внеземных цивилизаций.

– Существовавших, – поправил Брандт. – Прошедшее время. Все они мертвы, доктор. Каждый корабль – гробница.

Изабель подошла ближе к экрану, почти коснувшись его поверхности. Изображение было резким, детальным – оптика «Реквиема» позволяла рассмотреть отдельные корабли, увеличить их, изучить структуру. Она выбрала один наугад – крупный объект, напоминавший формой ракушку, с витыми отростками, тянущимися от центрального корпуса.

– Увеличить сектор 17, – скомандовала она.

Изображение сдвинулось, приблизилось. Корабль-ракушка заполнил экран, и Изабель увидела детали, которые были скрыты на общем плане. Поверхность корпуса была не гладкой – она покрыта рельефом, узорами, похожими на письма или орнаменты. Витые отростки оказались не отростками, а трубами – толстыми, сегментированными, как позвоночник какого-то чудовищного существа. В нескольких местах корпус был пробит – чёрные провалы зияли, как раны, открывая внутренние помещения, заполненные тьмой.

– Сенсорный анализ этого объекта? – спросила она.

– Корпус: сплав на основе титана с примесью неизвестных элементов. Габариты: длина – восемьсот двенадцать метров, максимальная ширина – триста сорок метров. Масса – приблизительно четырнадцать миллионов тонн. Внутренняя структура: множественные отсеки, предположительно жилые, технические и грузовые зоны. Признаки активности: отсутствуют. Признаки жизни: отсутствуют.

– Возраст?

– Приблизительно четыреста семьдесят тысяч лет.

Четыреста семьдесят тысяч лет. Почти полмиллиона. Когда этот корабль был построен, на Земле бродили неандертальцы. Когда он прибыл сюда – если он вообще прибыл, а не был построен на месте, – человечество ещё не изобрело огонь.

– Что они все здесь делают? – спросила Изабель, не обращая ни к кому конкретно. – Почему здесь? Почему в этой точке?

– Это главный вопрос, – согласился Воронов. – И у нас четыре месяца, чтобы найти на него ответ.

Четыре месяца. Таков был срок экспедиции, утверждённый Консорциумом. Четыре месяца исследований, после чего «Реквием» должен был вернуться на Марс с данными, образцами и, возможно, ответами. Изабель смотрела на тысячи мёртвых кораблей и понимала, что четырёх месяцев не хватит. Четырёх лет не хватит. Четырёх столетий, возможно, тоже.

Но это было всё, что у них было.

Следующие несколько часов слились в калейдоскоп лиц, голосов и данных.

Экипаж «Реквиема» просыпался волнами – сначала командный состав и ведущие специалисты, затем техники и вспомогательный персонал. Каждый, кто достигал мостика, реаги-

ровал на зрелище Некрополя по-своему: кто-то застывал в молчаливом шоке, кто-то начинал лихорадочно записывать наблюдения, кто-то бормотал молитвы на языках, которых Изабель не знала. Но все – абсолютно все – понимали, что стоят на пороге открытия, которое изменит историю.

Если они смогут понять, что именно открыли.

Изабель организовала первичную научную группу – пятнадцать человек, представители разных дисциплин: астрофизики, материаловеды, биологи, лингвисты, инженеры. Они собрались в главной лаборатории корабля, вокруг голографического проектора, который транслировал трёхмерную модель Некрополя.

– Первоочередные задачи, – начала она, когда все расселись по местам. – Каталогизация объектов, классификация по типам, определение приоритетных целей для детального изучения. Доктор Линь, ваша группа займётся анализом материалов – нам нужно понять, из чего сделаны эти корабли, какие технологии использовались в их строительстве.

Линь Чжао, материаловед с Ганимеда, кивнул. Он был молчаливым человеком с вечно хмурым лицом, но его работы по экзотическим сплавам считались лучшими в Солнечной системе.

– Доктор Танака, вы возглавите лингвистическую группу. Если на этих кораблях есть надписи, символы, любые знаки – нам нужна их расшифровка.

– Уже работаю над этим, – Танака подняла планшет, на экране которого мелькали изображения корпусов с узорами. – На некоторых кораблях очевидные письменные системы. Другие используют визуальные символы, которые могут быть языком или просто декоративными элементами. Пока невозможно определить.

– Доктор Вернер, – Изабель повернулась к пожилому немцу, специалисту по астронавигации. – Мне нужен анализ траекторий. Откуда они прилетели? Можем ли мы восстановить их маршруты?

– За миллионы лет любые траектории размываются, – Вернер покачал головой. – Гравитационные возмущения, столкновения, распад орбит... Но я попытаюсь. Для более молодых объектов есть шанс.

– Хорошо. Доктор Ким, ваша задача – поиск биологических образцов. Если на этих кораблях остались тела, останки, любые следы экипажей – мы должны их найти.

Ким Су-Мин, ксенобиолог, побледнела. Она была молода – тридцать два года, самая юная в научной группе – и впервые участвовала в экспедиции такого масштаба.

– Тела? Вы думаете, там... там кто-то есть?

– Был, – поправила Изабель. – Эти корабли не летели сами. Кто-то их построил. Кто-то ими управлял. Вопрос: остались ли следы этих кого-то спустя миллионы лет.

– Вероятность обнаружения органических останков крайне мала, – вмешался МОРФЕЙ. – Вакуум и радиация способствуют сохранению, но за столь длительный период даже самые стабильные биологические структуры подвергнутся существенной деградации.

– И всё же мы будем искать, – Изабель не собиралась отступать. – Любые улики, любые данные. Это наш шанс понять, кто построил эти корабли и что с ними случилось.

Собрание продолжалось ещё час – распределение обязанностей, графики работ, протоколы безопасности. Брандт настоял на том, чтобы любые вылазки за пределы корабля сопровождалась вооружённой охраной.

– Мы не знаем, что там, – сказал он, когда Изабель попыталась возразить. – Эти корабли могут содержать опасные материалы, нестабильные конструкции, неизвестные патогены. Или что-то ещё хуже.

– Что может быть хуже патогенов?

Брандт посмотрел на неё тяжёлым взглядом.

– То, что убило три тысячи цивилизаций.

Изабель не нашла, что возразить.

К вечеру – условному вечеру, определяемому корабельными часами, а не положением несуществующего солнца – Изабель наконец осталась одна.

Она заперлась в своей каюте – маленьком помещении два на три метра, с откидной койкой, рабочим столом и иллюминатором, выходящим в космос. За четыре года криосна каюта не изменилась: те же личные вещи на полках, тот же запах рециркулированного воздуха, та же фотография на стене.

Мать. Цзинь Шань на фотографии было тридцать шесть – столько же, сколько Изабель, когда этот снимок был сделан. Высокая, худая, с резкими чертами лица и глазами, которые, казалось, видели сквозь объектив камеры, сквозь время, прямо в душу. Она стояла на фоне раскопок – древние руины на Марсе, докосмическая эра, одно из первых свидетельств того, что жизнь на красной планете существовала задолго до прибытия людей.

Цзинь Шань была первооткрывателем. Пионером. Легендой.

И она исчезла шестьдесят лет назад, в экспедиции к границам Солнечной системы.

Изабель села на койку, глядя на фотографию. Шестьдесят лет. Для неё, с учётом всех погружений в криосон, прошло гораздо меньше – субъективно она постарела лет на двадцать с момента исчезновения матери. Но объективно – шестьдесят лет. Почти человеческая жизнь. Достаточно, чтобы надежда угасла, чтобы поиски были прекращены, чтобы Цзинь Шань была официально объявлена погибшей.

Изабель никогда не верила в эту смерть. Не потому, что имела доказательства обратного – их не было. Просто... она знала свою мать. Цзинь Шань не была человеком, который позволяет себе умирать.

– МОРФЕЙ, – позвала она.

– Слушаю, доктор Шань.

– Данные по экспедиции «Аврора». Есть в базе?

Пауза.

– Экспедиция «Аврора», 2283 год. Исследовательское судно «Свет зари», командир – капитан Оливер Чень, научный руководитель – доктор Цзинь Шань. Миссия: изучение аномалий в секторах внешнего пояса Койпера. Статус: потеряна. Последний контакт: 17 марта 2283 года, координаты – сектор 5541-Гамма. Тела не обнаружены. Обломки не обнаружены. Причина исчезновения: не установлена.

– Сектор 5541-Гамма, – повторила Изабель. – Какое расстояние от нас?

– Приблизительно триста восемьдесят астрономических единиц. Направление – 34 градуса от текущего курса.

Далеко. Очень далеко. Но всё же – в пределах досягаемости, если бы «Реквием» изменил курс. Если бы у неё была причина.

– Сравни координаты последнего контакта «Авроры» с текущим положением Некрополя. Есть корреляция?

Более длинная пауза.

– Прямой корреляции не обнаружено. Однако анализ показывает, что траектория «Авроры» в момент последнего контакта была направлена к области пространства, где впоследствии был обнаружен Некрополь. С учётом погрешностей навигации и гравитационных возмущений, вероятность того, что «Аврора» достигла данного сектора, составляет... тридцать семь процентов.

Тридцать семь процентов. Не много, но и не ноль.

– Есть в Некрополе объекты, которые могут соответствовать «Свету зари»?

– Сканирую базу данных... – МОРФЕЙ замолчал на несколько секунд. – Обнаружен объект, частично соответствующий параметрам. Объект номер 2847, условное обозначение – «Осколок-17». Фрагмент корпуса неустановленного происхождения. Размеры: приблизительно сорок на двадцать метров. Материал корпуса: титановый сплав, совместимый с технологиями Консорциума периода 2270–2290 годов. Возраст: недостаточно данных для точного определения, но существенно меньше, чем у большинства объектов Некрополя.

Изабель вскочила.

– Покажи.

Голографический экран над рабочим столом ожил, и на нём появилось изображение – тёмный, угловатый фрагмент, дрейфующий среди чуждых конструкций. Он выглядел... знакомым. Слишком знакомым среди всей этой инопланетной архитектуры. Прямые линии, функциональный дизайн, остатки маркировки на корпусе – выцветшей, почти неразличимой, но всё же...

– Увеличь маркировку.

Изображение приблизилось. Буквы проступили из тьмы – размытые, искажённые, но читаемые.

«...РА» – два символа латиницей. И ниже – фрагмент эмблемы. Восходящее солнце. Символ экспедиции «Аврора».

Изабель почувствовала, как по спине пробежал холодок. Шестьдесят лет она искала хоть какой-то след матери. Шестьдесят лет надеялась и отчаивалась. И вот – здесь, на краю Солнечной системы, среди кладбища мёртвых цивилизаций – обломок корабля, который унёс Цзинь Шань в неизвестность.

– МОРФЕЙ, – голос дрогнул, но она взяла себя в руки. – Этот объект... он целый?

– Отрицательно. Это фрагмент, отделённый от основного корпуса. Следы разрушения указывают на внешнее воздействие – возможно, столкновение или взрыв.

– А основной корпус? Где он?

– Не обнаружен в текущем поле сканирования. Возможно, был разрушен полностью. Возможно, находится в другой части Некрополя, пока не каталогизированной.

Изабель закрыла глаза. Её мать была здесь. Добралась до этого места шестьдесят лет назад – и что-то произошло. Что-то разрушило её корабль, разбросало обломки среди древних мертвецов.

Но если «Аврора» достигла Некрополя... если Цзинь Шань видела то же, что видит сейчас Изабель...

– Были ли в последних передачах «Авроры» какие-либо данные об обнаружении аномалий? – спросила она.

– Последняя передача содержала стандартный статусный отчёт и координаты. Никаких упоминаний о необычных находках.

– Может, она не успела передать. Может, нашла что-то и...

Изабель оборвала себя. Это были домыслы. Догадки. Она не имела права строить гипотезы на основе эмоций. Она была учёным, и её долг – следовать фактам.

Но факты говорили, что обломок корабля её матери находится в Некрополе. Среди тысяч инопланетных кораблей, прибывших сюда за миллионы лет. Совпадение? Или Цзинь Шань знала об этом месте больше, чем содержалось в официальных отчётах?

– МОРФЕЙ, – сказала она после долгой паузы. – Включи объект 2847 в список приоритетных целей для исследования. И... никому пока не говори о возможной связи с «Авророй».

– Принято. Могу я уточнить причину конфиденциальности?

– Личная. Я хочу сначала убедиться сама.

– Понимаю.

Понимал ли он? Изабель не знала. МОРФЕЙ был одним из самых совершенных искусственных интеллектов, созданных человечеством, но даже он не мог по-настоящему понять, что значит потерять мать и шестьдесят лет жить с этой потерей.

Впрочем, возможно, она ошибалась на его счёт. Возможно, в бесконечных цепочках логических операций МОРФЕЯ было что-то, отдалённо напоминающее эмоции. Что-то, что заставляло его задавать уточняющие вопросы вместо того, чтобы просто выполнять приказы.

Она посмотрела на фотографию матери. Цзинь Шань смотрела на неё сквозь время и пространство, сквозь шестьдесят лет забвения.

«Я найду тебя, – подумала Изабель. – Или хотя бы узнаю, что с тобой случилось».

На следующий корабельный день – двадцать четыре часа после пробуждения – Изабель присутствовала на общем собрании экипажа.

Главный ангар «Реквиема» был единственным помещением, способным вместить всех – триста сорок человек, из которых восемьдесят находились в активном режиме, а остальные всё ещё спали в криокапсулах, ожидая своей очереди на пробуждение. Ангар использовался для хранения шаттлов и оборудования, но сейчас большую часть техники сдвинули к стенам, освободив место для импровизированного амфитеатра.

Капитан Воронов стоял на возвышении, сооружённом из транспортных контейнеров. За его спиной мерцал голографический экран с изображением Некрополя – той же панорамой мёртвых кораблей, что преследовала Изабель с момента пробуждения.

– Вы все знаете, зачем мы здесь, – начал Воронов. Его голос, усиленный системой трансляции, разносился по ангару, отражаясь от металлических стен. – Четыре года назад мы отправились к границе Солнечной системы, чтобы исследовать аномалию, обнаруженную автоматическими зондами. Мы готовились к чему угодно – к астероидам необычного состава, к следам древних комет, к природным феноменам, которые наука ещё не объяснила. Мы не были готовы к тому, что увидели.

Он указал на экран.

– Некрополь. Более трёх тысяч объектов искусственного происхождения. Корабли, построенные цивилизациями, о которых мы ничего не знаем. Возраст некоторых из них исчисляется миллионами лет. Это открытие, которое изменит всё – наше понимание Вселенной, нашего места в ней, самой истории жизни.

Ропот прошёл по толпе. Люди переглядывались, шептались, качали головами. Кто-то выглядел взволнованным, кто-то – испуганным. Некоторые сохраняли профессиональную невозмутимость, но Изабель видела, как побелели костяшки пальцев, сжимающих перила, как подрагивают руки.

– Наша миссия – исследование, – продолжал Воронов. – Мы должны понять, что представляет собой Некрополь, откуда прибыли эти корабли, что с ними случилось. У нас четыре месяца. Это немного, но достаточно, чтобы заложить основу для будущих экспедиций.

– А если там что-то опасное? – выкрикнул кто-то из задних рядов.

Воронов не моргнул.

– Командор Брандт и его команда обеспечат безопасность всех операций. Любые выходы за пределы корабля будут проводиться по строгим протоколам. Любые обнаруженные объекты будут изучаться в карантинных условиях. Мы не будем рисковать без необходимости.

– Сам факт нашего присутствия здесь – риск, – это уже Брандт, стоящий в стороне со скрещёнными руками. – Мы не знаем, что убило экипажи этих кораблей. Не знаем, почему они собрались в одном месте. Не знаем, остались ли здесь следы той силы, которая их уничтожила.

– Или спасла, – вмешалась Танака. – Мы не знаем, что эти корабли были уничтожены. Возможно, их экипажи эвакуировались. Возможно, это место сбора, а не кладбище.

– Три тысячи кораблей, и ни одного выжившего за миллионы лет? – Брандт покачал головой. – Оптимизм – это хорошо, доктор, но не в ущерб здравому смыслу.

– Хватит, – Воронов повысил голос. – Мы здесь не для того, чтобы спорить о гипотезах. Мы здесь для того, чтобы собирать данные. Факты. Доказательства. Всё остальное – потом.

Он обвёл взглядом собрание.

– Научная группа под руководством доктора Шань начнёт детальное изучение Некрополя завтра. Технический персонал обеспечит поддержку и обслуживание оборудования. Служба безопасности – постоянный мониторинг и охрана. Каждый знает свои обязанности. Выполняйте их, и мы вернёмся домой с величайшим открытием в истории человечества.

Собрание закончилось, но люди не спешили расходиться. Они стояли группами, обсуждая увиденное и услышанное. Изабель пробиралась сквозь толпу к выходу, когда её остановил знакомый голос.

– Доктор Шань.

Она обернулась. Танака стояла рядом, держа в руках планшет.

– Есть минута?

– Конечно.

Они отошли в сторону, к штабелю контейнеров, подальше от любопытных ушей.

– Я кое-что нашла, – Танака понизила голос. – Анализируя изображения кораблей, я заметила... паттерн.

– Какой паттерн?

– Маршруты. – Танака вывела на экран планшета схему – сложную паутину линий, сходящихся к одной точке. – Я попросила МОРФЕЯ реконструировать возможные траектории для нескольких десятков объектов, возраст которых поддаётся определению. Это очень приблизительные данные, с огромной погрешностью, но...

– Но?

– Они все летели сюда, – Танака ткнула пальцем в центр схемы. – Из разных направлений. Из разных частей галактики. За миллионы лет. Но все – к одной точке.

Изабель всмотрелась в схему. Линии расходились веером от Некрополя, указывая на участки неба, где когда-то начинались путешествия мёртвых кораблей. Некоторые направления вели к ближайшим звёздам. Другие – к далёким туманностям, скоплениям, спиральным рукавам галактики.

– Это место... притягивало их?

– Или они знали о нём, – Танака кивнула. – Знали и летели сюда намеренно. Как будто Некрополь – это... точка сбора. Убежище.

– Убежище от чего?

Танака покачала головой.

– Этого я пока не знаю. Но три тысячи цивилизаций, три тысячи разных видов – все они независимо друг от друга выбрали одно и то же место назначения. Это не может быть совпадением.

Изабель молча смотрела на схему. Танака была права – такое количество совпадений выходило за рамки статистической вероятности. Но если Некрополь не случайное скопление, а намеренная точка сбора... что это значит?

– Спасибо, – сказала она наконец. – Продолжайте анализ. И... держите это пока между нами.

– Почему?

– Потому что я не хочу паники раньше времени. Если вы правы, и все эти корабли бежали от чего-то... люди начнут задавать вопросы. Вопросы, на которые у нас нет ответов.

Танака кивнула, хотя в её глазах читалось несогласие. Она была учёным до мозга костей – для неё сокрытие данных было почти физически болезненным. Но она понимала логику Изабель. Пока они не узнают больше, преждевременные выводы принесут только вред.

Вечером – снова условным, отмеренным корабельными часами – Изабель вернулась на мостик.

Смена операторов уже сменилась, и за станциями сидели другие люди – усталые, но сосредоточенные, погружённые в бесконечные потоки данных. Некрополь на обзорном экране выглядел так же, как и несколько часов назад: застывшее море мёртвых кораблей, освещённое далёким отблеском солнца.

Воронов был здесь – он сидел в капитанском кресле, просматривая отчёты на личном терминале. Услышав шаги Изабель, он поднял голову.

– Доктор Шань. Не спится?

– Слишком много информации для одного дня. – Она подошла к обзорному экрану, остановилась рядом с креслом капитана. – Вы тоже не отдыхаете?

– Привычка. – Воронов отложил терминал. – Тридцать лет в космосе – учишься спать урывками. Иначе не выживешь.

– Военный опыт?

– Скорее жизненный. – Он кивнул на экран. – Что вы думаете обо всём этом?

Изабель помолчала, собираясь с мыслями.

– Я думаю, что мы нашли то, чего искало человечество со времён первого взгляда на звёзды. Доказательство того, что мы не одиноки. Доказательство того, что разум может возникать где угодно, развиваться, строить корабли, путешествовать между звёзд.

– Но?

– Но все они мертвы. – Она посмотрела на бесконечные ряды тёмных силуэтов. – Тысячи цивилизаций, миллионы лет истории – и ни одного выжившего. Это... пугает.

– Брандт считает, что их что-то убило.

– Брандт видит угрозу везде. Это его работа. Но... он может быть прав. Слишком много кораблей в одном месте. Слишком много совпадений.

Воронов откинулся в кресле, глядя на экран.

– Когда я был молодым офицером, – начал он медленно, – меня учили, что космос – это враг. Враждебная среда, которая убьёт тебя при первой возможности. Вакуум, радиация, холод, расстояния – всё работает против жизни. Я провёл годы, сражаясь с этим врагом. Строил укрытия. Создавал системы защиты. Думал, что знаю, чего опасаться.

Он замолчал.

– А теперь? – спросила Изабель.

– Теперь я смотрю на это, – Воронов кивнул на экран, – и понимаю, что ничего не знал. Космос не враг. Космос – это бездна. Бездна, которая поглотила тысячи цивилизаций, которые были старше, мудрее, могущественнее нас. И мы только что заглянули в эту бездну.

– Когда долго смотришь в бездну, бездна смотрит в тебя, – процитировала Изабель.

– Ницше. – Воронов слабо улыбнулся. – Не думал, что ксеноархеологи читают философию.

– Ксеноархеологи читают всё. Это наша работа – понимать чужие культуры. А философия – основа любой культуры.

Они помолчали, глядя на Некрополь. Тишина на мостике была почти осязаемой – только гудение систем жизнеобеспечения и тихое пощёлкивание клавиш на рабочих станциях.

– МОРФЕЙ, – позвал Воронов. – Статус сканирования?

– Завершено на шестьдесят два процента. Обнаружено дополнительно четыреста семьдесят три объекта. Общее количество каталогизированных объектов – три тысячи пятьсот девяносто.

– Что-нибудь необычное?

– Определите «необычное» в контексте скопления, которое само по себе является беспрецедентной аномалией.

Воронов хмыкнул.

– Справедливо. Что-нибудь, что выделяется даже на фоне остального?

– Зафиксировано несколько объектов, демонстрирующих аномальные показатели. Объект 1847 испускает слабое тепловое излучение, не соответствующее пассивному охлаждению. Объект 2156 содержит полости, заполненные газом под давлением, что указывает на герметичность конструкции. Объект 3012 отражает радарное излучение с характеристиками, не типичными для металлических поверхностей.

– Они могут быть... функциональными? – спросила Изабель.

– Маловероятно. Однако исключить полностью невозможно без детального изучения.

Функциональными. Изабель попробовала представить – корабль, работающий миллионы лет, несущий вахту среди мертвецов. Абсурд? Или надежда?

– Включите эти объекты в список приоритетов, – сказала она. – Если хоть один из них сохранил работоспособность, это может дать нам ключ к пониманию всего остального.

– Принято.

Ночь – условная ночь – прошла в беспокойном полусне.

Изабель лежала на койке, глядя в потолок, и не могла отделаться от мыслей, роившихся в голове. Некрополь. Три тысячи кораблей. Миллионы лет. Мать. Обломок «Авроры», дрейфующий среди чуждых конструкций. Всё смешивалось, переплеталось, образуя клубок, который она не могла распутать.

Когда корабельные часы показали шесть утра, она сдалась и встала. Душ – экономный, трёхминутный, с рециркулированной водой – немного привёл её в чувство. Форма исследователя – серый комбинезон с эмблемой экспедиции на плече – сидела непривычно свободно: четыре года в криосне съели несколько килограммов мышечной массы.

В столовой было пусто – слишком рано для большинства экипажа. Изабель взяла порцию синтетического завтрака из автомата и села за угловой столик, глядя в иллюминатор. Отсюда Некрополь был виден под другим углом – не фронтально, как с мостика, а сбоку. Силуэты кораблей казались ещё более чуждыми, ещё более нереальными.

– Разрешите?

Она подняла взгляд. Танака стояла рядом с подносом, на котором дымилась чашка чего-то, отдалённо напоминающего кофе.

– Конечно.

Танака села напротив. Она выглядела усталой – тёмные круги под глазами, растрёпанные волосы.

– Вы вообще спали? – спросила Изабель.

– Немного. – Танака отхлебнула из чашки, поморщилась. – Не могла остановиться. Столько данных, столько загадок...

– Нашли что-нибудь новое?

– Возможно. – Танака достала планшет, положила между ними на стол. – Я анализировала те символы, что видны на корпусах кораблей. Пыталась найти закономерности, повторяющиеся элементы.

– И?

– И нашла. – Она вывела на экран серию изображений: фрагменты корпусов разных кораблей, с выделенными участками. – Смотрите. Вот этот корабль, предположительный возраст – два миллиона лет. Вот этот – восемьсот тысяч. Вот этот – сто тысяч. Разные цивилизации, разные технологии, разные стили. Но вот здесь, здесь и здесь...

Она увеличила выделенные участки. Изабель всмотрелась – и увидела. Три символа, почти идентичных: стилизованная спираль, пересечённая прямой линией.

– Совпадение?

– Один раз – совпадение. Два раза – закономерность. Три раза – система. – Танака провела пальцем по экрану, и изображения сменились. – Я нашла этот символ на семнадцати кораблях. Семнадцати разных кораблях из разных эпох, построенных разными видами. Одинаковый символ.

– Что он означает?

– Не знаю. Пока не знаю. Но если столько цивилизаций использовали один и тот же знак... это может быть что-то универсальное. Какой-то общий язык. Или, по крайней мере, общая идея, которую они все пытались передать.

Изабель взяла планшет, всмотрелась в символ. Спираль и линия. Просто, почти примитивно. Но в этой простоте было что-то... тревожное.

– Продолжайте работу, – сказала она, возвращая планшет. – Если сможете найти больше таких совпадений... это может быть ключом.

– К чему?

– К тому, почему они все здесь.

К полудню «Реквием» занял стабильную позицию на краю Некрополя – достаточно близко для детальных наблюдений, достаточно далеко для безопасности. Или того, что они считали безопасностью – среди тысяч мёртвых кораблей само понятие безопасности казалось условным.

Изабель собрала научную группу в главной лаборатории для планирования первой вылазки.

– Завтра, – объявила она, – мы отправляем разведывательную группу к объекту 847. Это корабль среднего размера, относительно молодой – около пятидесяти тысяч лет, – с видимыми входными отверстиями, которые могут оказаться шлюзами.

На голографическом проекторе появилось изображение выбранной цели. Корабль напоминал формой морского ската – широкий, плоский, с длинным «хвостом», тянущимся позади. Поверхность была гладкой, почти зеркальной, с редкими выступами, которые могли быть антеннами, орудиями или чем-то совершенно непонятным.

– Почему именно этот? – спросил Линь.

– Несколько причин. Относительная целостность конструкции – нет видимых повреждений, которые могли бы указывать на катастрофу. Доступность – он находится на периферии скопления, к нему легко подобраться. И, наконец, признаки герметичности – спектральный анализ показывает возможное наличие атмосферы внутри.

– Атмосферы? – Ким вскинулась. – После пятидесяти тысяч лет?

– Маловероятно, но не невозможно, – ответил МОРФЕЙ. – При условии идеальной герметизации и отсутствия внешних воздействий, газовая среда может сохраняться неопределённо долго. Однако её состав, безусловно, изменился под воздействием космического излучения и химических реакций.

– Какие бы газы там ни были, мы не будем их вдыхать, – вмешался Брандт. – Полная изоляция. Скафандры высшего уровня защиты. Никаких компромиссов.

– Согласна, – кивнула Изабель. – Безопасность – приоритет. Но нам нужно попасть внутрь. Нужно увидеть, что там.

Обсуждение продолжалось ещё несколько часов – детали маршрута, состав группы, оборудование, протоколы связи и эвакуации. Изабель настояла на своём участии, несмотря на возражения Брандта.

– Это научная миссия, – сказала она. – Мне нужно видеть всё собственными глазами.

– Вы руководитель проекта. Ваша потеря будет критичной для всей экспедиции.

– Моя потеря будет критичной в любом случае. Но если я останусь на корабле, пока другие рискуют... какой это будет сигнал для команды?

Брандт не нашёл, что возразить. Или решил не спорить – с ним никогда нельзя было сказать наверняка.

Вечером, после ужина, Изабель снова поднялась на мостик.

Воронов был там – как и всегда, казалось. Он сидел в капитанском кресле, глядя на экран с выражением человека, который смотрит в лицо неизбежности.

– МОРФЕЙ, – позвала Изабель. – Отчёт о сканировании.

– Завершено на девяносто четыре процента. Общее количество каталогизированных объектов – три тысячи девятьсот двенадцать.

– Почти четыре тысячи, – пробормотала она. – Ещё больше, чем мы думали.

– Однако я должен обратить ваше внимание на статистический анализ, который я провёл по вашему запросу, доктор Шань.

– Какой анализ?

– Анализ вероятности такого скопления.

На экране появились графики, формулы, числа – слишком много, чтобы охватить сразу.

– Объясни простыми словами, – попросила Изабель.

– Я рассчитал вероятность того, что около четырёх тысяч искусственных объектов из разных точек галактики – предположительно разных цивилизаций, с разными технологиями, в разные эпохи – независимо друг от друга окажутся в одной и той же точке пространства.

– И?

Пауза. Долгая. Слишком долгая для МОРФЕЯ.

– Вероятность такого события, при условии случайного распределения, составляет ноль.

– Ноль? – Воронов подался вперёд.

– Не «близко к нулю». Не «пренебрежимо мало». Математический ноль. Такого не может произойти случайно. Ни за миллионы лет. Ни за миллиарды.

Изабель почувствовала, как холодок пробежал по спине.

– Но оно произошло.

– Да. Что означает – это не случайность. Эти корабли не дрейфовали к этой точке под воздействием гравитации. Они не попали сюда в результате случайных траекторий. Они прибыли сюда намеренно. Все четыре тысячи. За десятки миллионов лет.

– Но зачем? – голос Танаки дрогнул. Изабель не заметила, когда она появилась на мостике, но теперь нейролингвист стояла рядом, бледная как полотно. – Зачем столько цивилизаций – разных цивилизаций, разделённых миллионами лет истории – выбирали одно и то же место?

– На этот вопрос я не могу ответить, – сказал МОРФЕЙ. – Но у меня есть гипотеза.

– Говори.

– Единственное объяснение, согласующееся с данными, – это существование общего фактора. Чего-то, что знали все эти цивилизации. Чего-то, что заставило их независимо друг от друга искать именно это место.

– Что это могло быть? – Воронов встал, подошёл к экрану.

– Угроза, – ответил МОРФЕЙ. – Общая угроза, от которой они бежали. Или... надежда.

Общая надежда, которую они искали.

– Убежище, – прошептала Изабель. – Танака была права. Это не кладбище. Это убежище.

– Убежище от чего? – Брандт появился в дверях, его рука машинально легла на кобуру. –

Что могло заставить четыре тысячи цивилизаций бежать к одной точке в пустоте?

Никто не ответил. Никто не мог ответить.

На экране безмолвно дрейфовали мёртвые корабли – свидетели какой-то древней катастрофы, масштаб которой человечество только начинало осознавать.

– МОРФЕЙ, – сказала Изабель медленно. – Есть ли в твоей базе данных информация о каких-либо феноменах, событиях или угрозах, которые могли бы вызвать такую реакцию? Что-то, что периодически повторяется? Что-то галактического масштаба?

– Сканирую базу данных...

Пауза.

– Прямых соответствий не обнаружено. Однако в исторических записях о раннем космическом освоении имеются ссылки на так называемый «парадокс Ферми» – вопрос о том, почему при высокой вероятности существования инопланетных цивилизаций человечество не обнаружило их следов.

– Мы только что обнаружили их следы, – сухо заметил Воронов.

– Именно. Но парадокс имеет множество предложенных решений. Одно из них – гипотеза «Великого Фильтра». Предположение о существовании некоего барьера, который большинство цивилизаций не способны преодолеть.

– Великий Фильтр, – повторила Изабель. – Катастрофа, которая уничтожает развитые цивилизации.

– Или не уничтожает, – МОРФЕЙ сделал паузу. – А стирает.

– Что значит «стирает»?

– Это... – ИИ замолчал на несколько секунд. Для него это была вечность. – Это выходит за рамки моих аналитических возможностей. Но данные указывают на то, что мы имеем дело не просто с гибелью цивилизаций. А с их исчезновением. Полным. Систематическим. Повторяющимся.

В тишине, наступившей после этих слов, Изабель услышала только гудение систем жизнеобеспечения и стук собственного сердца.

Четыре тысячи цивилизаций.

Миллионы лет.

И что-то, что заставило их всех бежать к одной точке в бесконечной тьме космоса.

Что-то, от чего, судя по всему, никто из них не смог спастись.

Глава 2: «Первый контакт с мёртвыми»

Шлюзовая камера «Реквиема» пахла озоном и машинным маслом – запахи, которые Изабель научилась ассоциировать с началом чего-то важного. Каждая экспедиция, каждый спуск на поверхность неизведанной планеты, каждый выход в открытый космос начинался здесь, в этом тесном помещении с ребристыми стенами и мигающими индикаторами. За двадцать лет полевой работы она провела в подобных камерах сотни часов, но никогда ещё предстоящий выход не казался таким... значительным.

Она стояла перед зеркальной панелью, проверяя крепления скафандра. Отражение смотрело на неё серьёзными тёмными глазами – лицо женщины, которая слишком много видела и слишком мало спала. Морщинки в уголках глаз стали глубже за последние годы, седина пробивалась на висках, несмотря на все достижения косметической медицины. Сорок семь биологических лет – не так много по меркам эпохи, когда люди доживали до двухсот, но космос старил быстрее, чем планетарная жизнь.

– Доктор Шань, – голос Брандта прервал её размышления. – Финальная проверка.

Командор службы безопасности стоял у противоположной стены, уже полностью экипированный. Его скафандр был тяжелее стандартного научного – усиленная броня, дополнительные слои радиационной защиты, интегрированные системы вооружения. На поясе висел импульсный пистолет, на спине – компактная винтовка. Брандт относился к предстоящей вылазке как к боевой операции, и Изабель не могла его за это винить.

– Связь? – начал он перечислять.

– Активна. Три канала: основной, резервный, аварийный.

– Кислород?

– Двенадцать часов основного запаса, четыре часа аварийного.

– Энергия?

– Батареи полностью заряжены. Автономность – восемнадцать часов.

– Медицинский модуль?

– Интегрирован. Автоматическая диагностика, аптечка первой помощи, стимуляторы.

Брандт кивнул, делая отметки на своём планшете. Рядом с ними готовились остальные члены группы: доктор Танака, сосредоточенно проверявшая свой лингвистический сканер; инженер Паркер – молчаливый австралиец с руками, покрытыми шрамами от старых ожогов; и двое бойцов из команды Брандта – Рейес и Коваленко, чьи движения выдавали годы военной подготовки.

Шесть человек. Шесть жизней, которые Изабель вела в неизвестность.

– Все готовы? – спросила она, оглядывая команду.

Кивки. Молчаливое согласие. Никто не произнёс ни слова, но в воздухе висело напряжение – густое, почти осязаемое. Они все понимали, что делают: первыми из людей собираются ступить на борт инопланетного корабля. Первыми прикоснуться к наследию цивилизации, которая существовала задолго до появления человечества.

– МОРФЕЙ, – позвала Изабель. – Статус шаттла?

– «Харон-3» готов к запуску, – ответил ИИ через встроенные динамики шлюза. – Маршрут к объекту 847 рассчитан. Расчётное время полёта – семнадцать минут.

– Какова текущая ситуация с объектом?

– Без изменений. Объект сохраняет стабильную позицию. Признаков активности не обнаружено.

Изабель надела шлем – последний элемент снаряжения. Лицевая пластина была пока поднята, но через несколько минут она опустит её, и между ней и враждебной пустотой останется только несколько сантиметров композитного материала.

– Капитан Воронов, – она активировала канал связи с мостиком. – Мы готовы.

– Принято, доктор Шань, – голос Воронова звучал ровно, но Изабель уловила в нём напряжение. – Помните протокол. При любых признаках опасности – немедленная эвакуация. Никаких геройств.

– Понимаю.

– Удачи.

Связь прервалась. Изабель посмотрела на свою команду – пять лиц за прозрачными забралами, пять пар глаз, в которых читалась смесь страха и возбуждения.

– Идём, – сказала она.

Шаттл «Харон-3» был рабочей лошадкой экспедиции – небольшой транспорт на восемь человек, предназначенный для коротких перелётов между кораблём и объектами исследования. Внутри было тесно: два ряда сидений вдоль бортов, узкий проход посередине, кабина пилота за полупрозрачной перегородкой. Изабель заняла место у иллюминатора, пристегнулась, проверила крепления.

Двигатели шаттла загудели – низкий, вибрирующий звук, который она ощущала скорее телом, чем слышала ушами. Причальные захваты разомкнулись с металлическим лязгом, и «Харон» выскользнул из ангара «Реквиема» в открытый космос.

Первые секунды – темнота. Затем иллюминатор развернулся к Некрополю, и Изабель снова увидела то, что преследовало её в кошмарах последние двое суток.

Мёртвые корабли.

Тысячи мёртвых кораблей, раскинувшихся перед ней, как поле после битвы. Днём ранее она наблюдала их на экранах – плоские изображения, лишённые глубины и масштаба. Теперь, глядя собственными глазами через толстое стекло иллюминатора, она осознала, насколько неадекватны были те изображения.

Масштаб был... невозможным. Корабли громоздились друг над другом, рядом друг с другом, переплетались в безмолвном хороводе. Некоторые были гигантами – километровые левиафаны, чьи корпуса терялись в темноте, уходя за пределы видимости. Другие – крошечные, едва различимые точки, которые можно было принять за космический мусор, если бы не слишком правильные формы. Между ними плавали обломки, осколки, фрагменты чего-то, что когда-то было целым.

– Господи, – прошептал Паркер. Его голос, искажённый системой связи, звучал сдавленно.

– Оставьте бога в покое, – отозвался Брандт. – Здесь его нет.

– Откуда вы знаете? – Танака смотрела в иллюминатор с выражением благоговейного ужаса. – Может быть, именно здесь он и есть. Или то, что они считали богами.

– Меньше философии, больше концентрации, – оборвала их Изабель. – Мы приближаемся.

Объект 847 выросал в иллюминаторе – сначала далёкий силуэт, затем всё более детальная структура. Корабль-скат, как они окрестили его на брифинге: широкий, плоский, с длинным хвостовым отростком, тянущимся позади основного корпуса. Вблизи он оказался ещё более чуждым, чем на изображениях. Поверхность, казавшаяся гладкой издали, была покрыта мельчайшим рельефом – узорами, линиями, выступами, назначение которых Изабель не могла даже представить.

– МОРФЕЙ, ты это видишь? – спросила она.

– Транслирую данные с ваших камер. Фиксирую детали поверхности. Предварительный анализ: узоры на корпусе не являются случайными повреждениями. Они нанесены намеренно. Возможно, это письменность или декоративные элементы.

– Или и то, и другое, – добавила Танака. – В древних культурах письменность часто была неотделима от искусства.

Шаттл замедлился, маневровые двигатели выпустили короткие вспышки пламени, корректируя курс. Пилот – молчаливый китаец по имени Вэй – вёл машину уверенно, несмотря на беспрецедентность ситуации. За двадцать лет службы он сажал корабли на астероиды, спутники, даже на обломки земных аппаратов, но никогда – на борт инопланетного судна.

– Ищу место для стыковки, – сообщил он. – На корпусе есть несколько отверстий, которые могут быть шлюзами.

– Покажи, – попросила Изабель.

На экране перед ней появилось увеличенное изображение. Отверстие – круглое, около трёх метров в диаметре, с рифлёными краями, – чернело в боку корабля-ската. Оно не было похоже на шлюз человеческого производства, но и не было похоже ни на что другое.

– Можем подойти вплотную, – продолжал Вэй. – Выпустить стыковочный рукав. Если это шлюз, мы сможем создать герметичное соединение.

– Слишком рискованно, – возразил Брандт. – Мы не знаем, как работает их технология. Стыковочный рукав может повредить конструкцию или активировать какую-нибудь защитную систему.

– Альтернатива? – спросила Изабель.

– Выход в открытый космос. Приближаемся к объекту, фиксируем шаттл на безопасном расстоянии, добираемся до входа в скафандрах.

Изабель обдумала варианты. Брандт был прав – стыковка с неизвестным объектом несла непредсказуемые риски. Но и выход в открытый космос в гуще Некрополя, среди дрейфующих обломков и неизвестных опасностей, был далеко не безопасен.

– Компромисс, – решила она. – Подходим максимально близко, но не стыкуемся. Фиксируем на расстоянии... пятьдесят метров. Дальше – на реактивных ранцах.

– Принято, – Вэй начал манёвр.

Пятьдесят метров.

В космосе это расстояние – ничто. Меньше длины футбольного поля. Несколько секунд полёта на реактивном ранце. Но когда Изабель зависла у выходного люка шаттла, глядя на громаду инопланетного корабля, эти пятьдесят метров показались ей бесконечностью.

Корабль-скат заполнял всё поле зрения. Его поверхность – не металл в привычном понимании, а что-то иное, с матовым блеском и странной текстурой – отражала свет далёкого солнца, создавая причудливую игру теней. Вблизи узоры на корпусе выглядели ещё более сложными: спирали, переплетающиеся с геометрическими фигурами, линии, складывающиеся в паттерны, которые казались одновременно случайными и осмысленными.

– Готовы? – голос Брандта в наушниках.

– Готова.

– Порядок движения: я первый, затем Рейес и Коваленко, затем научная группа. Дистанция – десять метров. Не растягиваемся. При любых проблемах – сигнал и возврат к шаттлу.

– Понятно.

Брандт оттолкнулся от края люка, активировал ранец, и его фигура в тяжёлом боевом скафандре плавно поплыла к чужому кораблю. За ним последовали бойцы – молчаливые силуэты на фоне бесконечной черноты.

Изабель сделала глубокий вдох – воздух в скафандре был стерильным, безвкусным – и прыгнула.

Невесомость обняла её, знакомая и чуждая одновременно. Реактивный ранец мягко толкнул в спину, корректируя траекторию. Корабль-скат приближался – или она приближалась к нему, в космосе эти понятия были взаимозаменяемы.

Танака летела рядом, её маленькая фигурка казалась особенно хрупкой в громоздком скафандре. Паркер держался чуть позади, его камеры непрерывно фиксировали всё вокруг.

Тридцать метров. Двадцать. Десять.

Брандт первым достиг корпуса, выпустил магнитные захваты на ботинках, закрепился. Изабель видела, как он осторожно касается поверхности рукой в перчатке, словно пробуя воду в незнакомом водоёме.

– Материал твёрдый, – доложил он. – Температура – минус сто семьдесят по Цельсию, стандартная для этого региона. Магниты держат... частично. Сцепление слабее, чем с обычным металлом.

– Возможно, это не металл, – отозвался МОРФЕЙ с шаттла. – Спектральный анализ показывает композитную структуру. Металлические элементы присутствуют, но составляют менее сорока процентов материала.

– Тогда что остальные шестьдесят? – спросила Танака.

– Не могу определить. Некоторые компоненты не соответствуют известным элементам периодической таблицы.

Изабель достигла корпуса, активировала магниты. Ощущение было странным – ноги прилипли к поверхности, но как-то... неуверенно, словно корабль сопротивлялся, не желая пускать незваных гостей.

– Двигаемся к входу, – скомандовала она.

Группа начала медленное продвижение по поверхности – шаг за шагом, как водолазы по морскому дну. Магниты создавали достаточное сцепление, чтобы идти, но каждое движение требовало осторожности. Один неверный шаг – и можно было оторваться от корпуса, уплыть в пустоту.

Узоры на поверхности были ещё более впечатляющими вблизи. Изабель остановилась, присела, провела пальцами по одной из спиралей. Линии были углублены в материал, как гравировка – но невероятно тонкая, точная, с деталями, различимыми только при ближайшем рассмотрении.

– Это определённо не декор, – сказала она. – Слишком сложно для украшения. Танака?

Нейролингвист уже направила свой сканер на узоры.

– Фиксирую. Здесь тысячи отдельных символов, переплетённых в единую композицию. Если это письменность... – она замолчала, поражённая масштабом задачи. – Если это письменность, то весь корпус – это текст. Огромный, непрерывный текст, покрывающий корабль целиком.

– Текст о чём?

– Понятия не имею. Пока не имею. Но я записываю всё. Потом, на корабле, попытаюсь найти повторяющиеся элементы.

Они продолжили движение. Круглое отверстие – предполагаемый вход – было уже видно: тёмный провал в нескольких десятках метров впереди.

– Датчики показывают пустоту внутри, – сообщил Брандт, который шёл первым. – Никаких преград непосредственно за входом. Воздуха тоже нет – вакуум.

– Значит, герметичность нарушена, – констатировала Изабель. – Либо изначально, либо со временем.

– Или они не дышали, – предположил Паркер. – Не все формы жизни нуждаются в атмосфере.

– Логично. Но пока будем исходить из того, что атмосфера была и утрачена.

Они достигли края отверстия. Вблизи оно выглядело ещё более чуждым: не просто дыра в корпусе, а сложная конструкция с множеством концентрических колец, уходящих вглубь. Каждое кольцо было покрыто теми же узорами, что и внешняя поверхность, – спирали, линии, геометрические фигуры.

– Похоже на ирисовую диафрагму, – заметила Танака. – Механизм открывания и закрывания. Сейчас он в открытом положении.

– Или сломан, – добавил Брандт. – Или открыт намеренно перед... перед тем, как экипаж погиб.

Изабель заглянула внутрь. Темнота – абсолютная, непроницаемая. Фонари на шлемах едва пробивали её, выхватывая фрагменты чего-то... непонятного. Стены? Механизмы? Трупы?

– Включаю усиленное освещение, – сказала она.

Прожекторы на плечах скафандра вспыхнули, и темнота отступила – но не исчезла полностью. Внутри корабля-ската открылся коридор – или то, что Изабель приняла за коридор. Стены были не плоскими, а волнистыми, с выступами и углублениями, создающими сложный трёхмерный рельеф. Пол – если это можно было назвать полом – был таким же неровным, покрытым рёбрами и желобами.

– Это не похоже на проход для существ нашего типа, – заметил Паркер. – Слишком... органично.

– Согласна. – Изабель сделала первый шаг внутрь, и её ботинки коснулись внутренней поверхности. Магниты сработали – сцепление здесь было лучше, чем снаружи. – Может быть, они были другой формы. Или использовали другой способ передвижения.

– Или это не коридор, – тихо сказала Танака. – А что-то совсем иное.

Они двинулись вглубь. Изабель шла первой – несмотря на протесты Брандта, она настаивала на том, чтобы возглавить научную часть исследования. Это была её экспедиция, её ответственность.

Коридор – если это был коридор – поворачивал, раздваивался, снова сливался в одну линию. Навигация была кошмаром: ни указателей, ни очевидной логики. Брандт оставлял светящиеся маркеры на каждом повороте – примитивно, но надёжно.

– МОРФЕЙ, ты отслеживаешь наш маршрут? – спросила Изабель.

– Да. Создаю трёхмерную модель на основе ваших камер. Внутренняя структура объекта... нестандартна. Она не соответствует принципам рациональной архитектуры, которые мы используем.

– Нестандартна как?

– Избыточна. Коридоры ведут к одним и тем же точкам несколькими разными путями. Помещения соединены множественными проходами. Это неэффективно с точки зрения использования пространства.

– Может, они ценили не эффективность, а что-то другое, – предположила Танака. – Красоту. Символизм. Религиозное значение.

– Или безопасность, – добавил Брандт. – Множество путей отступления. Невозможность заблокировать весь корабль, перекрыв один коридор.

Изабель обдумала обе версии. Обе были логичны. Обе могли быть верны. Или ни одна из них.

Они прошли ещё несколько минут – сто метров, двести, триста по извилистому пути – когда Танака вдруг остановилась.

– Подождите, – её голос дрожал. – Здесь... здесь что-то есть.

Это было помещение.

Не коридор, не переход – именно помещение, пространство, предназначенное для пребывания. Круглое, около двадцати метров в диаметре, с куполообразным потолком, уходящим вверх. Стены были покрыты теми же узорами, что и весь корабль, но здесь они складывались в нечто большее – панно, фрески, сцены.

Изабель медленно обвела помещение лучом фонаря. Узоры на стенах изображали... существ. Не людей – что-то иное, с вытянутыми телами, множественными конечностями, головами странной формы. Они были показаны в движении: идущие, работающие, взаимодействующие друг с другом. Целые сцены жизни, застывшие в металле – или что это был за материал.

– Это они, – прошептала Танака. – Создатели корабля. Мы видим их.

– Фиксирую всё, – Изабель не могла оторвать взгляд от стен. – Каждую деталь.

Танака активировала полное сканирование, её оборудование жужжало, записывая терабайты данных. Остальные члены группы рассредоточились по помещению, исследуя каждый угол.

– Здесь что-то на полу, – голос Рейеса был напряжённым. – Доктор Шань, вам лучше посмотреть.

Изабель подошла к месту, где стоял боец. Он светил фонарём вниз, на нечто, лежавшее у основания стены.

Останки.

Изабель видела много мёртвых тел за свою карьеру – человеческих, в основном, но также ископаемые скелеты, мумифицированные останки, даже странные формы жизни с Европы, которые когда-то, миллиарды лет назад, плавали в подлёдном океане. Но ничто не могло подготовить её к этому.

Существо – то, что от него осталось – было похоже на изображения на стенах, и в то же время отличалось так, как мёртвое отличается от живого. Вытянутое тело, около двух метров в длину, свёрнутое в позу, которая могла означать сон или агонию. Конечности – шесть или семь, сложно сказать – были подогнуты под туловище. Голова – если это была голова – представляла собой вытянутый овал с несколькими углублениями там, где у человека были бы глаза и рот.

Плоть давно исчезла – если у этих существ вообще была плоть. Остался только... каркас. Скелет? Экзоскелет? Нечто третье? Структура из переплетённых волокон, одновременно похожая на кость и на что-то органическое, но не вполне.

– Вот они какие, – тихо сказал Паркер. – Боже.

– Сканирую, – Изабель активировала аналитические датчики на перчатке, провела рукой над останками, не касаясь их. – МОРФЕЙ, ты получаешь данные?

– Да. Анализирую. Структура... уникальна. Не соответствует ни одному известному типу биологических организмов. Углеродная основа подтверждается, но организация молекул нетипична. Это может быть результатом эволюции в иных условиях – другое давление, температура, состав атмосферы.

– Возраст?

– Сложно определить без прямых образцов. Но на основе степени деградации и учитывая вакуумную консервацию... приблизительно пятьдесят тысяч лет. Плюс-минус пять тысяч.

Пятьдесят тысяч лет. Когда это существо умерло, на Земле люди только начинали расселяться из Африки. Когда оно было живым, Homo sapiens были лишь одной из многих человеческих популяций, конкурировавших за выживание с неандертальцами и денисовцами.

А эти существа уже путешествовали между звёзд.

– Здесь ещё, – голос Коваленко, обычно бесстрастный, звучал подавленно. – Много.

Изабель выпрямилась, посмотрела туда, куда указывал боец. В дальней части помещения, в тени за пределами основного луча света, лежали ещё тела. Десятки тел. Они были свалены друг на друга, переплетены конечностями, словно пытались согреться или защитить друг друга в последние мгновения.

– Массовая гибель, – констатировала Изабель. – Они умерли здесь. Все вместе. В одном помещении.

– Почему? – Танака оторвалась от своих сканеров, её лицо за забралом было бледным. – Почему они собрались здесь? Что убило их?

– Вакуум, – предположил Брандт. – Разгерметизация. Они задохнулись.

– Нет. – Изабель присмотрелась к останкам внимательнее. – Если бы это была внезапная разгерметизация, они бы погибли там, где находились – в разных частях корабля. А они собрались здесь. Намеренно. Знали, что умирают, и пришли сюда, чтобы умереть вместе.

– Ритуал? – предположила Танака.

– Возможно. Или... убежище. Последнее убежище, когда всё остальное уже было потеряно.

Изабель медленно обошла помещение, фиксируя всё, что видела. Тела – больше сорока, при более внимательном подсчёте. Разных размеров, что могло указывать на возраст или пол – если у этих существ были такие понятия. Некоторые обнимали друг друга конечностями. Другие лежали отдельно, свернувшись в одиночестве.

И среди них – предметы. Объекты, которые не были частью тел. Изабель заметила их не сразу, но теперь, присмотревшись, видела повсюду: небольшие формы, разбросанные среди останков, как личные вещи, которые берут с собой в последний путь.

– Паркер, – позвала она. – Сюда.

Инженер подошёл, и Изабель указала на один из предметов – диск размером с человеческую ладонь, с тем же матовым блеском, что и корпус корабля.

– Можешь определить, что это?

Паркер присел, навёл сканер.

– Структура плотная. Внутри – слоистая архитектура, множество тонких плоскостей. Похоже на... – он замолчал, не веря собственным показаниям.

– На что?

– На носитель данных. Принцип похож на наши оптические диски, только в тысячу раз сложнее. Если каждый слой содержит информацию...

– Сколько там может быть?

– При таком количестве слоёв? Терабайты. Может быть, петабайты.

Петабайты данных. В одном диске. Изабель огляделась – диски были повсюду, десятки, может быть, сотни. Если каждый содержал столько информации...

– Это архив, – поняла она. – Они принесли сюда свои записи. Свою память. Всё, что хотели сохранить.

– Зачем? – Танака подошла ближе. – Если они знали, что умирают... зачем тащить сюда записи?

– Потому что надеялись, что кто-то их найдёт. – Изабель осторожно подняла один из дисков. Он был неожиданно тяжёлым – тяжелее, чем выглядел. – Они знали, что умирают, но не хотели, чтобы их забыли. Оставили послание. Для тех, кто придёт после.

– Для нас?

– Для кого угодно. Для любого, кто заглянет в этот корабль через тысячи лет.

Изабель повертела диск в руках. Поверхность была гладкой, но с едва ощутимым узором – тем же, что покрывал весь корабль.

– Мы должны забрать это. Всё это. И тела тоже – образцы тканей, если там что-то осталось.

– Протоколы карантина... – начал Брандт.

– Я знаю протоколы. Соблюдём все меры предосторожности. Но если на этих дисках действительно записано то, что они хотели нам сказать... мы не можем это проигнорировать.

Брандт посмотрел на неё долгим взглядом, затем кивнул.

– Хорошо. Но сначала – полная документация места. Ничего не трогаем, пока не зафиксируем всё как есть.

– Согласна.

Следующий час прошёл в методичной работе. Камеры фиксировали каждый сантиметр помещения. Сканеры снимали трёхмерные модели. Танака записывала узоры на стенах, пытаясь найти закономерности. Паркер изучал диски, не прикасаясь к ним, – только дистанционное сканирование.

Изабель стояла в центре круглой комнаты, окружённая мёртвыми, и пыталась понять, что здесь произошло пятьдесят тысяч лет назад. Существа, построившие этот корабль, были достаточно развиты для межзвёздных путешествий. Достаточно умны, чтобы создать сложную письменность, архитектуру, технологию хранения данных. И всё же они погибли. Все до единого. Собрались в этом помещении и умерли, обнимая друг друга и прижимая к себе свои записи.

Почему?

– Доктор Шань, – голос Танаки вывел её из размышлений. – Я нашла кое-что. На стенах. Вы должны это увидеть.

Танака стояла у дальней стены, где узоры были особенно плотными. Её фонарь освещал участок размером примерно два на два метра, и в этом свете узоры складывались в нечто... узнаваемое.

– Смотрите, – Танака указала на центр участка. – Вот здесь. Это не просто орнамент. Это изображение.

Изабель присмотрелась. Сначала она видела только хаос линий и форм – тот же хаос, что покрывал весь корабль. Но постепенно, по мере того как глаз привыкал к стилю, из хаоса начала проступать картина.

Звёзды. Точки, расположенные не случайно, а в определённом порядке – созвездия? Карта?

И среди звёзд – нечто иное. Тёмное пятно. Область, лишённая точек. Пустота посреди света.

– Это карта, – сказала Изабель. – Они изобразили карту неба.

– Да. Но посмотрите внимательнее. На пустоту в центре.

Изабель всмотрелась. Пустота была не просто пустой – она была ограничена. Очерчена линией, которая не была частью созвездий. Линия эта двигалась – нет, изображала движение. От края к центру. Поглощение.

– Что-то приближается, – медленно произнесла она. – Что-то, что поглощает звёзды.

– Или уже поглотило. Смотрите – вот эти точки у края пустоты. Они как бы... тусклее. Меньше. Словно исчезают.

– МОРФЕЙ, ты видишь это?

– Да. Анализирую изображение. Если интерпретировать его буквально, оно показывает расширяющуюся область пустоты в звёздном поле. Скорость расширения невозможно определить без временной шкалы, но направление движения очевидно – от периферии к центру.

– Периферии чего? Галактики?

– Невозможно определить масштаб. Но учитывая контекст – корабли, бегущие к одной точке, – логично предположить, что изображение показывает угрозу галактического масштаба.

Угрозу. Вот оно – слово, которое висело в воздухе с самого начала. Угроза, от которой бежали тысячи цивилизаций. Угроза, которая гасила звёзды. Угроза, которая...

– Они не просто умерли, – осознала Изабель. – Они скрывались. Бежали. И всё равно... всё равно не спаслись.

– Мы не знаем этого наверняка, – возразила Танака, но в её голосе не было убеждённости.
– Знаем. – Изабель обвела рукой помещение, полное мёртвых. – Вот доказательство. Они добрались сюда, до этой точки в пустоте, надеясь укрыться. И умерли. Все.

Она снова посмотрела на изображение на стене – на расширяющуюся тьму, пожирающую звёзды.

– Что бы это ни было... оно настигло их.

Они провели в корабле-скате ещё три часа, методично исследуя другие помещения. Нашли ещё несколько скоплений тел – меньше, чем в первом круглом зале, но всё же десятки и десятки. Нашли то, что могло быть командным центром – помещение с множеством непонятных конструкций, которые Паркер предположительно идентифицировал как консоли управления. Нашли что-то похожее на грузовой трюм, заполненный контейнерами различных форм и размеров.

И повсюду – диски. Сотни дисков, разбросанных среди мёртвых, как последние дары.

Когда запасы кислорода начали истощаться – шесть часов непрерывной работы, – Изабель приняла решение возвращаться.

– Забираем образцы, – скомандовала она. – Двадцать дисков из разных локаций. Фрагменты тканей от пяти различных особей. И... вот это.

Она указала на объект, который нашла в предполагаемом командном центре: цилиндр около тридцати сантиметров в длину, с теми же узорами, что и всё остальное, но с одним отличием – он едва заметно светился. Тусклый, почти неразличимый свет исходил изнутри, пульсируя с медленным ритмом.

– Оно активно, – сказал Паркер, когда увидел цилиндр. – После пятидесяти тысяч лет.

– Либо очень надёжный источник питания, либо... – Изабель не закончила мысль.

– Либо оно питается чем-то, что мы не понимаем, – договорил МОРФЕЙ. – Рекомендую крайнюю осторожность при транспортировке.

– Само собой.

Брандт настоял на том, чтобы цилиндр поместили в изолированный контейнер с многоуровневой защитой. Изабель не спорила – она сама чувствовала иррациональный страх при виде этого мерцающего света. Что-то работало внутри этого объекта. Что-то, созданное пятьдесят тысяч лет назад существами, о которых человечество ничего не знало.

Обратный путь к шаттлу прошёл в молчании. Каждый из членов группы был погружён в свои мысли, пытаясь осмыслить увиденное. Изабель несла один из дисков – просто чтобы почувствовать его вес, напоминать себе, что всё это реально.

Когда «Харон» оторвался от корабля-ската и начал путь обратно к «Реквиему», она позволила себе посмотреть в иллюминатор. Чужой корабль медленно уменьшался, превращаясь в силуэт на фоне бесконечного поля мертвецов.

– Мы вернёмся, – тихо сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Мы узнаем, что с вами случилось.

Корабль-скат не ответил. Но Изабель показалось – только показалось, наверное, – что тусклый свет в одном из его иллюминаторов мигнул. Один раз. Как прощание.

Или как предупреждение.

Карантинный отсек «Реквиема» занимал отдельный модуль в кормовой части корабля – изолированное помещение с собственной системой жизнеобеспечения, тройными переборками и протоколами дезактивации, способными уничтожить любой известный патоген. Здесь

размещались привезённые образцы – в герметичных контейнерах, за толстыми стенами прозрачного композита.

Изабель стояла перед одним из контейнеров, глядя на диск внутри. После дезактивации – ультрафиолет, гамма-излучение, вакуумная обработка – он выглядел точно так же, как в момент находки. Что бы ни хранилось внутри, оно не пострадало от процедур очистки.

– Готова? – спросила Танака, подходя сзади.

– Готова.

Они работали вдвоём – нейролингвист и ксеноархеолог, две женщины, пытающиеся разгадать тайны мёртвой цивилизации. Остальные члены научной группы занимались другими образцами: Ким изучала органические останки, Линь анализировал материалы, Вернер пытался восстановить траектории кораблей на основе новых данных.

– Начнём со структурного анализа, – сказала Изабель. – МОРФЕЙ, подключись к сканерам карантинного отсека.

– Подключение установлено.

– Просканируй диск послойно. Максимальное разрешение.

Сканер загудел, невидимые лучи пронизали диск насквозь. На экране рядом с контейнером начала формироваться трёхмерная модель – слой за слоем, как срез древнего дерева.

– Фиксирую триста сорок семь отдельных слоёв, – доложил МОРФЕЙ. – Каждый слой содержит регулярную структуру – чередование областей с различной плотностью материала.

– Двоичный код? – предположила Танака.

– Возможно, но не в нашем понимании. Паттерны сложнее простого чередования нулей и единиц. Скорее это... – МОРФЕЙ замолчал на секунду. – Скорее это многомерная матрица. Информация кодируется не только последовательностью, но и взаимным расположением элементов в трёхмерном пространстве.

– Голографический принцип, – кивнула Изабель. – Каждый фрагмент содержит информацию о целом.

– Именно. Теоретически, даже если диск будет повреждён, данные можно будет восстановить из оставшихся фрагментов.

– Они хотели, чтобы послание выжило, – тихо сказала Танака. – Любой ценой.

Изабель продолжала смотреть на модель диска, вращающуюся на экране. Триста сорок семь слоёв. Петабайты данных. Целая библиотека, спрессованная в круг металла – или неметалла.

– Можем мы прочесть это? – спросила она.

– Прочитать – да. Понять – неизвестно. – МОРФЕЙ вывел на экран серию графиков. – Я уже экстрагировал данные из верхних слоёв. Это... паттерны. Повторяющиеся структуры. Но без ключа к их значению интерпретация невозможна.

– Покажи паттерны.

Экран заполнился символами – не теми, что покрывали корпус корабля, но связанными с ними. Изабель видела спирали, углы, кривые – элементы, которые складывались в более сложные конструкции.

– Это язык, – выдохнула Танака. – Определённо язык. Смотрите – вот этот элемент повторяется... раз, два, три... семнадцать раз на этом участке. А этот – только дважды.

– Частотный анализ, – поняла Изабель. – Часто повторяющиеся элементы – вероятно, служебные слова или грамматические маркеры.

– Да! Как артикли или предлоги в человеческих языках. – Танака подошла ближе к экрану, её пальцы летали по интерфейсу. – МОРФЕЙ, проведи частотный анализ всех уникальных элементов. Построй кривую распределения.

График появился через несколько секунд – плавная кривая, удивительно похожая на те, что описывали человеческие языки.

– Закон Ципфа, – Танака почти смеялась от возбуждения. – Они подчиняются закону Ципфа! Это универсальная характеристика естественных языков – частота слова обратно пропорциональна его рангу.

– Что это значит в практическом смысле? – спросила Изабель.

– Что мы можем начать дешифровку. Не быстро – потребуются недели, может быть, месяцы. Но структура есть. Логика есть. Это не случайный шум – это осмысленный текст.

Изабель почувствовала, как сердце забилось быстрее. Осмысленный текст. Послание от существ, умерших пятьдесят тысяч лет назад. Голос из бездны времени, терпеливо ждавший, пока кто-нибудь придёт и услышит.

– Продолжай анализ, – сказала она. – Я хочу знать всё, что ты сможешь извлечь.

Танака кивнула, уже полностью погружённая в работу. Изабель отошла к другому контейнеру – тому, где хранился светящийся цилиндр.

Объект по-прежнему мерцал своим тусклым внутренним светом. Ритм пульсации был почти незаметен – примерно раз в десять секунд интенсивность чуть возрастала, затем снова падала. Как сердцебиение. Или как дыхание.

– МОРФЕЙ, анализ цилиндра.

– Проводится. Внешняя оболочка – тот же композитный материал, что и корпус корабля. Внутренняя структура... сложная. Множество компонентов, функции которых неясны. Источник света – центральный элемент, приблизительно три сантиметра в диаметре. Природа излучения не соответствует известным типам люминесценции.

– То есть?

– Это не химическая реакция. Не радиоактивный распад. Не электрическое возбуждение. Что-то иное.

Что-то иное. Изабель прижала ладонь к стеклу контейнера, глядя на пульсирующий свет. Что-то, созданное пятьдесят тысяч лет назад, и всё ещё работающее. Всё ещё... живое? Нет, неправильное слово. Но и «мёртвое» не подходило.

– Доктор Шань, – голос Танаки вывел её из размышлений. – Вам лучше это увидеть.

Танака стояла перед экраном, на котором отображались данные с нескольких дисков одновременно. Она вывела параллельные колонки символов, выделив определённые элементы цветом.

– Я сравнила записи с разных дисков, – начала она. – И нашла кое-что неожиданное. Смотрите – вот это последовательность символов с первого диска. А вот это – со второго. Они идентичны.

– Копии?

– Нет, не копии. Контекст разный. Но эта конкретная последовательность – назовём её маркером – повторяется на всех дисках, которые мы проанализировали. Всех двадцати.

Изабель нахмурилась.

– Что это может быть? Какой-то стандартный элемент? Подпись? Дата?

– Возможно. Но это не всё. – Танака переключила экран. – Я расширила поиск. Использовала данные, которые мы собрали со стен корабля – те узоры, что вы приняли за орнамент.

На экране появилось изображение стены корабля-ската, с выделенным участком.

– Тот же маркер, – сказала Танака. – Точно такой же. На корпусе корабля возрастом пятьдесят тысяч лет.

– Значит, это действительно какой-то универсальный элемент их письменности...

– Подождите. – Танака подняла руку. – Я не закончила. МОРФЕЙ, выведи изображение корабля 2156.

На экране появился другой корабль – не скат, а что-то более угловатое, с острыми гранями и длинными шпилями.

– Это один из кораблей, который мы сфотографировали с шаттла. Возраст, согласно датировке МОРФЕЯ – восемьсот тысяч лет. Другая цивилизация. Другая технология. Другой стиль. Участок стены этого корабля увеличился.

– И тот же маркер, – закончила Танака. – Идентичный. На корабле, построенном на семьсот пятьдесят тысяч лет раньше первого.

Изабель застыла, пытаясь осмыслить услышанное.

– Это... невозможно. Разные цивилизации, разделённые сотнями тысяч лет...

– Должны иметь совершенно разные системы письма. Я знаю. И всё же – вот оно. – Танака вывела ещё несколько изображений. – Я нашла этот маркер на семнадцати кораблях из разных эпох. От пятидесяти тысяч до двух миллионов лет. Разные конструкции, разные материалы, разные стили. Но один и тот же символ.

– МОРФЕЙ, – Изабель повернулась к ближайшему терминалу. – Подтверди анализ Танаки.

– Подтверждаю. Вероятность случайного совпадения при таком количестве независимых экземпляров – менее одной миллиардной.

– Но как? – Изабель начала ходить по лаборатории, не в силах стоять на месте. – Как цивилизации, разделённые миллионами лет эволюции, могут использовать один и тот же символ?

– Три гипотезы, – ответил МОРФЕЙ. – Первая: все эти цивилизации имеют общего предка. Некую прото-культуру, которая распространила свою письменность по галактике миллионы лет назад.

– Маловероятно, – покачала головой Танака. – Языки меняются слишком быстро. За миллион лет от исходной системы не осталось бы ничего узнаваемого.

– Вторая гипотеза: цивилизации контактировали друг с другом. Перенимали элементы письменности.

– Возможно, – признала Изабель. – Если они все бежали к одной точке, они могли встречаться по пути. Обмениваться информацией.

– Третья гипотеза, – продолжил МОРФЕЙ, и что-то в его голосе – если у ИИ мог быть голос – заставило Изабель насторожиться. – Этот символ не принадлежит ни одной из этих цивилизаций. Он был дан им извне.

– Извне? – переспросила Танака. – Кем?

– Неизвестно. Но если существует некая сила, воздействующая на развитые цивилизации... сила, от которой они все бежали... логично предположить, что эта же сила могла оставить на них... метку.

Тишина повисла в лаборатории. Изабель смотрела на экран, где повторяющийся символ мерцал на изображениях дюжины разных кораблей. Метка. Клеймо. Знак того, что эти цивилизации были... отмечены?

– Или, – медленно произнесла она, – это знак сопротивления. Символ, который они использовали, чтобы идентифицировать друг друга. «Мы бежим от того же, от чего бежите вы. Мы – союзники».

– Тоже возможно, – согласился МОРФЕЙ. – Без расшифровки контекста определить невозможно.

– Тогда расшифруем контекст, – Изабель повернулась к Танаке. – Это твой приоритет. Найди, что означает этот символ. Всё остальное – вторично.

Танака кивнула.

– Мне понадобится время. И больше данных. Если мы сможем обследовать ещё несколько кораблей...

– Обследуем. Завтра я организую новую экспедицию. А пока – работай с тем, что есть.

Ночью – снова условной ночью, отмеренной корабельными часами – Изабель не могла уснуть.

Она лежала на койке, глядя в темноту, и перебирала в голове события дня. Корабль-скат. Мёртвые существа, свернувшиеся в круглом зале. Диски, полные непрочитанных посланий. Светящийся цилиндр. И символ – один и тот же символ на кораблях разных эпох.

Всё указывало на нечто большее, чем просто скопление беженцев. Здесь была система. Закономерность. Связь между цивилизациями, которые никогда не должны были знать друг о друге.

Что-то объединило их. Что-то заставило бежать к одной точке, использовать один символ, собираться в одном месте, чтобы умереть.

Изабель закрыла глаза, пытаясь заставить себя уснуть, но мысли не отпускали. Она думала о матери – о Цзинь Шань, которая шестьдесят лет назад отправилась искать ответы на вопросы, которые ещё даже не были сформулированы. Знала ли она? Подозревала ли, что найдёт?

Обломок «Авроры», дрейфующий среди чужих кораблей. Ещё одна загадка в череде загадок. Изабель решила, что на следующей экспедиции они обязательно посетят этот объект. Посмотрят, осталось ли что-нибудь. Какие-нибудь записи, какие-нибудь данные.

Какие-нибудь ответы.

Сон всё же пришёл – тяжёлый, беспокойный. Изабель снились коридоры корабля-ската, бесконечные переплетения проходов, ведущих в никуда. Она шла по ним, и стены покрывались узорами, которые складывались в слова на языке, который она почти понимала. Почти – но не совсем.

И в конце коридора – свет. Тусклый, пульсирующий свет, похожий на тот, что исходил от цилиндра. Он звал её. Манил. Обещал ответы.

Она шла к нему, и с каждым шагом свет становился ярче, а коридоры – уже. Стены сжимались вокруг неё, узоры на них начинали двигаться, извиваться, складываться в лица – странные, нечеловеческие лица с множеством глаз.

Они смотрели на неё. Они чего-то ждали.

Она открыла рот, чтобы спросить – чего? – но слова не шли. Только тишина. И свет. И глаза, глаза, глаза...

Изабель проснулась в холодном поту.

Часы показывали 04:17 по корабельному времени. До официального подъёма ещё почти два часа. Но она знала, что больше не уснёт.

Она встала, оделась, вышла из каюты. Коридоры «Реквиема» были пусты в этот час – только гудение систем жизнеобеспечения и отдалённые голоса вахтенной смены на мостике.

Её ноги сами понесли её в карантинный отсек.

Лаборатория была погружена в полумрак – только экраны мерцали мягким светом, и сквозь прозрачные стены контейнеров виднелись образцы, привезённые с корабля-ската.

И там, у одного из контейнеров, стояла Танака.

– Ты тоже не спишь? – спросила Изабель, подходя ближе.

Танака вздрогнула, обернулась.

– Доктор Шань! Я... да. Не могла. Слишком много всего в голове.

– Понимаю. Нашла что-нибудь новое?

Танака помедлила.

– Да. Кажется, да. Но я не уверена, что это значит.

– Показывай.

Они подошли к экрану, где были развёрнуты данные с нескольких дисков. Танака указала на участок, где символы были выделены жёлтым.

– Я продолжала частотный анализ. Пыталась определить структуру предложений – где начало, где конец, какие элементы связующие. И наткнулась на... это.

На экране появилась последовательность символов, повторяющаяся несколько раз.

– Это встречается в начале каждого крупного блока текста. На всех дисках. Как... как заголовок или вступление.

– И ты смогла понять, что это означает?

Танака покачала головой.

– Понять – нет. Но я нашла паттерн. Эта последовательность содержит два элемента: один – тот самый символ, который мы нашли на всех кораблях. Второй – уникальный для каждого диска.

– Идентификатор?

– Возможно. Как подпись автора. Или название документа. Но важно не это. – Танака перевела дыхание. – Важно то, что первый элемент – общий символ – стоит перед идентификатором. Всегда. На всех дисках, со всех кораблей.

Изабель нахмурилась, пытаясь понять, к чему ведёт нейролингвист.

– В человеческих языках, – продолжала Танака, – порядок слов несёт информацию. Подлежащее перед сказуемым, или наоборот. Определение перед определяемым, или после. Если общий символ всегда стоит первым...

– Он главный, – поняла Изабель. – Более важный, чем индивидуальный идентификатор.

– Именно. И это... это меняет всё. – Танака смотрела на экран с выражением человека, заглянувшего в бездну. – Все эти записи, на всех дисках, со всех кораблей... они все начинаются с одного и того же слова. Слова, которое важнее имени автора. Важнее названия.

– Что это за слово?

– Я не знаю. Пока не знаю. Но я могу предположить.

Танака повернулась к ней. В её глазах читался страх – и одновременно странное возбуждение.

– Доктор Шань, когда люди пишут послание для далёкого будущего... для тех, кого никогда не встретят... с чего они начинают?

Изабель молчала.

– С предупреждения, – ответила Танака сама себе. – С предупреждения о том, почему это послание существует. О том, что заставило его написать.

Она снова посмотрела на экран, на символ, который повторялся на кораблях тысяч цивилизаций, разделённых миллионами лет.

– Все эти записи... все эти тысячи посланий от тысяч цивилизаций... они все начинаются с одного слова. И я думаю – я почти уверена – что это слово означает одно и то же на всех языках.

– Что?

Танака не ответила сразу. Она долго смотрела на мерцающий символ, словно пыталась заставить его заговорить.

– Бегите, – прошептала она наконец. – Они все говорят: бегите.

Глава
3: «
Призрак
в
машине
»

Сорок один год назад Орбитальная станция «Шэньчжоу», орбита Марса

Маленькая Изабель прижалась носом к холодному стеклу иллюминатора и смотрела, как Марс медленно поворачивается вниз – огромный ржавый шар, исчерченный каньонами и покрытый пылевыми бурями. Ей было шесть лет, и она ещё не знала, что этот красный мир станет её домом на следующие десятилетия, что она будет копать в его древней почве, искать следы жизни, которая, возможно, существовала здесь миллиарды лет назад.

Сейчас она знала только одно: мама уезжает.

– Изабель, – голос за спиной был мягким, но с той особой нотой, которую девочка научилась распознавать. Нотой прощания. – Иди сюда, солнышко.

Она обернулась. Цзинь Шань стояла в дверях каюты – высокая, худая, в форменном комбинезоне исследовательской службы. Её чёрные волосы были собраны в строгий пучок, но несколько прядей выбились, обрамляя лицо с высокими скулами и тёмными глазами, которые Изабель унаследовала вместе с упрямым характером.

– Ты опять уезжаешь, – сказала Изабель. Это не был вопрос.

– Да, малышка. – Цзинь присела на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. – Но это ненадолго. Несколько месяцев.

– Ты всегда так говоришь.

– И я всегда возвращаюсь. Правда?

Изабель хотела возразить, что «несколько месяцев» в прошлый раз превратились в два года, но промолчала. Мама всегда возвращалась – это было правдой. Просто иногда возвращение занимало очень, очень много времени.

– Куда на этот раз?

– Далеко. – Цзинь улыбнулась, но в её глазах мелькнуло что-то странное – не страх, скорее предвкушение. – На самый край Солнечной системы. Туда, где ещё никто не был.

– Зачем?

– Чтобы найти ответы.

– На какие вопросы?

Цзинь рассмеялась – тихим, мелодичным смехом, который Изабель так любила.

– На самые важные, солнышко. Откуда мы пришли. Куда идём. Одиноки ли мы во Вселенной.

Изабель нахмурилась. Эти вопросы казались ей слишком большими, слишком абстрактными. Её маленький мир состоял из вещей простых и осязаемых: каюта на станции, школьные уроки, друзья в детском секторе, и мама, которая то была рядом, то исчезала на месяцы и годы.

– Я хочу с тобой, – сказала она.

– Нельзя, малышка. Это опасная экспедиция. Для взрослых.

– Тогда не уезжай.

Цзинь вздохнула. Она притянула дочь к себе, обняла крепко, и Изабель почувствовала знакомый запах – металл, машинное масло, и что-то цветочное, какие-то духи, которые мама привозила с Земли.

– Я должна, Изабель. Понимаешь? Есть вещи, которые важнее... – она запнулась. – Нет. Не так. Есть вещи, которые нужно сделать, даже если это трудно. Даже если это больно. Потому что если мы не сделаем их – никто не сделает.

– Но почему ты? Почему не кто-то другой?

– Потому что я умею видеть то, что другие не замечают. – Цзинь отстранилась, посмотрела дочери в глаза. – И ты тоже это умеешь. Я знаю. Я вижу.

– Я?

– Ты. У тебя особенный дар, солнышко. Ты видишь связи там, где другие видят хаос. Паттерны там, где другие видят случайность. Когда вырастешь – поймёшь, о чём я говорю.

Изабель не понимала. Но она кивнула, потому что хотела, чтобы мама гордилась ею.

– Я привезу тебе подарок, – сказала Цзинь. – Что-нибудь особенное. Из самого края Вселенной.

– Правда?

– Обещаю.

Она поцеловала дочь в лоб – тёплое, мимолётное прикосновение губ – и встала.

– А теперь мне нужно идти. Корабль отправляется через два часа.

– Мама...

– Да?

Изабель хотела сказать что-то важное. Что-то, что заставит маму остаться. Но слова не шли – только ком в горле и жжение в глазах.

– Я буду скучать.

Цзинь улыбнулась. В этой улыбке было столько любви, что Изабель на мгновение поверила – всё будет хорошо. Мама уедет, но вернётся. Как всегда.

– Я тоже буду скучать, солнышко. Каждый день. Каждую минуту.

Она ушла.

Изабель осталась у иллюминатора, глядя, как Марс медленно поворачивается под станцией. Через несколько часов она увидела, как маленькая точка – корабль «Свет зари» – отделилась от стыковочного узла и начала удаляться, превращаясь в звёздочку среди тысяч других звёзд.

Мама не вернулась.

Подарок так и не приехал.

Настоящее время Исследовательское судно «Реквием», карантинный отсек

Изабель очнулась от воспоминаний, когда голос Танаки пробился сквозь туман прошлого.

– Доктор Шань? Вы в порядке?

Она моргнула, возвращаясь в реальность. Карантинный отсек. Контейнеры с образцами. Экраны, мерцающие данными. И Танака, смотрящая на неё с беспокойством.

– Да. Простите. Задумалась.

– Вы выглядите... усталой, – осторожно сказала нейролингвист.

– Не спала толком. Слишком много всего.

Это была полуправда. Да, она не спала. Но причина была не только в обилии информации – причина была в призраках. В воспоминаниях, которые накатывали волнами с тех пор, как она увидела обломок «Авроры» на сканерах. Шестьдесят лет – целая жизнь – а боль никуда не делась. Только притупилась, спряталась глубже, ожидая момента, чтобы вернуться.

– Сколько времени? – спросила она.

– Почти семь. Утренняя смена скоро начнётся.

Три часа. Она простояла у контейнера с цилиндром три часа, погружённая в прошлое. Непозволительная роскошь для руководителя экспедиции.

– Хорошо. Давайте продолжим работу. Что у нас на сегодня?

Танака протянула планшет с расписанием.

– Вторая экспедиция к объектам Некрополя запланирована на 10:00. Вы хотели посетить корабль 2156 – тот, которому восемьсот тысяч лет.

– Да. И объект 2847 – обломок «Авроры».

Танака кивнула, но в её взгляде мелькнуло любопытство. Она явно хотела спросить о связи между Изабель и старым земным кораблём, но сдержалась. Профессиональная деликатность – качество, которое Изабель ценила в коллегах.

– А до экспедиции... – Танака указала на контейнер с цилиндром. – Я хотела кое-что попробовать. С вашего разрешения.

– Что именно?

– Цилиндр всё ещё активен. Он излучает свет, и МОРФЕЙ фиксирует слабые электромагнитные колебания. Я думаю... возможно, это не просто источник энергии. Возможно, это устройство ввода-вывода.

– Интерфейс?

– Да. Способ взаимодействия с чем-то большим. Может быть, с системами корабля, на котором мы его нашли. Может быть, с чем-то ещё.

Изабель посмотрела на цилиндр за прозрачной стеной контейнера. Тусклый свет по-прежнему пульсировал с медленным ритмом – десять секунд на цикл, как она заметила ещё вчера.

– Что ты предлагаешь?

– Попробовать установить связь. Послать сигнал и посмотреть, будет ли отклик.

– Какой сигнал?

Танака подошла к терминалу, вывела на экран серию диаграмм.

– Тот символ, который мы нашли на всех кораблях. Если он действительно универсальный... если его использовали тысячи цивилизаций... возможно, устройство настроено на его распознавание.

– Это... рискованно.

– Я знаю. Но если сработает – мы можем получить доступ к информации, которую иначе никогда не расшифруем.

Изабель обдумала предложение. Риск был очевиден: они понятия не имели, что может произойти при активации инопланетного устройства. Оно могло оказаться чем угодно – от безобидного архива до оружия или, что ещё хуже, маяка, способного привлечь нежелательное внимание.

Но если они не рискнут – не узнают ничего.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Но с максимальными мерами предосторожности. Полная изоляция. Только необходимый персонал. И готовность к немедленному уничтожению образца, если что-то пойдёт не так.

– Понимаю.

– Вызови Брандта. Он захочет присутствовать.

Через час карантинный отсек превратился в командный центр импровизированного эксперимента.

Брандт пришёл, как Изабель и предполагала, – мрачный, настороженный, с рукой, небрежно лежащей на кобуре. За ним следовали двое бойцов в полной боевой экипировке, словно они готовились к штурму, а не к научному эксперименту.

– Мне это не нравится, – заявил он, едва переступив порог.

– Зафиксировано, – ответила Изабель. – Но мы продолжаем.

– Вы понимаете, что это устройство может быть ловушкой? Приманкой, оставленной специально, чтобы привлечь... – он замолчал, не зная, как закончить.

– Привлечь кого?

– Тех, кто найдёт корабль. Нас.

– Ловушка, которая ждала пятьдесят тысяч лет? – Танака скептически подняла бровь. – Это было бы... очень долгосрочное планирование.

– Мы имеем дело с цивилизациями, которые строили корабли миллионы лет назад. Для них пятьдесят тысяч – как для нас пятьдесят минут.

– Командор, – Изабель повернулась к нему. – Ваши опасения обоснованы. Именно поэтому мы приняли все меры предосторожности. Контейнер с устройством находится за тройной изоляцией. Если что-то пойдёт не так, мы можем в течение секунды заполнить камеру плазмой и уничтожить образец. Плюс – у вас есть разрешение на применение силы в случае угрозы экипажу.

Брандт помолчал, обдумывая её слова.

– Какая сила поможет против технологии, которая на миллионы лет опережает нашу?

– Возможно, никакая. Но это не причина отказываться от попыток понять, с чем мы столкнулись.

Он не ответил. Но и не ушёл – встал в углу, скрестив руки на груди, готовый действовать при первом признаке опасности.

Изабель кивнула Танаке.

– Начинай.

Нейролингвист заняла место за терминалом, связанным с изолированной камерой. На экране перед ней отображался цилиндр – увеличенное изображение с камеры высокого разрешения. Пульсирующий свет казался гипнотическим в полумраке отсека.

– МОРФЕЙ, – позвала Танака. – Подготовь сигнал. Последовательность символов, идентифицированных как «универсальный маркер», закодированная в электромагнитном импульсе.

– Сигнал подготовлен. Частота – 147.3 мегагерца. Мощность – минимальная. Готов к передаче.

– Хронометраж?

– Три импульса длительностью по 0.5 секунды с интервалом в 2 секунды.

– Хорошо. – Танака оглянулась на Изабель. – Готовы?

Изабель кивнула. Она почувствовала, как сердце забилося быстрее – смесь страха и возбуждения, знакомая каждому исследователю, стоящему на пороге открытия.

– Передача.

Танака нажала кнопку.

На мгновение ничего не произошло. Цилиндр продолжал пульсировать своим мерным ритмом – десять секунд на цикл, как и раньше.

Потом – изменение.

Свет внутри цилиндра вспыхнул ярче, затем погас. Вспыхнул снова. Погас. Ритм изменился – теперь пульсация была быстрее, нервнее, словно устройство проснулось и пыталось понять, что его разбудило.

– Фиксирую изменение электромагнитной активности, – доложил МОРФЕЙ. – Интенсивность излучения возросла на триста процентов. Паттерн нестабилен.

– Оно реагирует, – выдохнула Танака. – Боже мой, оно реагирует.

Изабель подошла ближе к прозрачной стене контейнера. Цилиндр теперь светился ровным светом – не пульсируя, просто светился, словно лампа, которую включили на полную мощность. И этот свет... менялся. Переливался оттенками – от холодного синего к тёплому золотистому, и обратно.

– МОРФЕЙ, анализ?

– Устройство испускает сложный электромагнитный сигнал. Множественные частоты, модулированные по амплитуде и фазе. Пытаюсь декодировать... – пауза. – Это не случайный шум. Это структурированный поток данных.

– Оно передаёт информацию?

– Или пытается установить связь. Сигнал содержит повторяющиеся элементы, напоминающие протокол квитирования в коммуникационных системах.

– Оно ждёт ответа, – поняла Танака. – Ждёт, что мы подтвердим приём.

Изабель обменялась взглядом с Брандтом. Его рука сжалась на рукояти пистолета, но он не вмешивался – пока.

– Танака, – сказала Изабель. – Пошли подтверждение.

– Но мы не знаем протокола...

– Повтори тот же сигнал, который отправили изначально. Если устройство настроено на диалог – оно интерпретирует повтор как подтверждение.

Танака колебалась всего секунду, затем её пальцы забегали по клавиатуре.

– Передаю.

Второй сигнал ушёл в камеру.

Реакция была мгновенной.

Цилиндр вспыхнул ослепительным светом – таким ярким, что камеры на секунду ослепли, заполнив экран белым шумом. Изабель инстинктивно отшатнулась, закрывая глаза рукой. Когда зрение восстановилось, она увидела...

– Что за... – голос Брандта был полон изумления.

Над цилиндром висело изображение. Голограмма – или что-то похожее на голограмму, хотя технология явно отличалась от всего, что производило человечество. Свет не проецировался из одной точки, а словно материализовался из воздуха, создавая трёхмерную фигуру.

Фигуру существа.

Оно было похоже на тех, чьи тела они нашли на корабле-скате: вытянутое, с множественными конечностями, с головой-овалом. Но это изображение было живым – или создавало иллюзию жизни. Существо двигалось, жестикулировало своими многочисленными руками, и из него исходил звук.

Голос.

Нет, не голос – скорее серия щелчков, свистов и гудящих тонов, складывающихся в нечто, что могло быть речью. Нечеловеческая речь, нечеловеческие интонации, нечеловеческая мелодика.

– МОРФЕЙ, переводи! – Изабель почти кричала.

– Невозможно. Язык неизвестен. Не имеет соответствий в базе данных.

– Тогда записывай! Всё! Каждую секунду!

– Записываю.

Существо продолжало говорить. Его движения становились всё более оживлёнными – возможно, оно пыталось что-то объяснить, что-то донести. Одна из его конечностей указала куда-то – Изабель попыталась проследить направление, но не поняла, на что указывает призрак.

А потом изображение дрогнуло.

Существо замолчало. Его форма начала расплываться, терять чёткость – словно видеозапись, повреждённая временем. И сквозь эту расплывающуюся фигуру начало проступать что-то иное.

Другое изображение.

Другое существо.

Нет, не существо. Человек.

Изабель смотрела на голограмму и не верила своим глазам.

Женщина. Человеческая женщина. Высокая, худая, с чёрными волосами, собранными в строгий пучок, и тёмными глазами на лице с высокими скулами.

Лицо, которое Изабель видела каждый день на фотографии в своей каюте.

– Мама? – прошептала она.

Голограмма повернулась к ней. Глаза – нет, изображения глаз – остановились на Изабель, словно видя её насквозь.

– Изабель.

Голос. Тот самый голос, который она помнила сорок один год. Голос, который говорил ей «солнышко» и обещал вернуться. Голос, который она больше никогда не слышала – до этого момента.

– Это... это невозможно, – Танака отступила на шаг, её лицо было белым как мел. – Это человек. Человек внутри инопланетного устройства.

– Изабель, – повторила голограмма. Черты её лица были идеальны – каждая морщинка, каждая родинка на том же месте, где Изабель помнила их. – Ты нашла меня.

– Мама... – Изабель шагнула вперёд, к прозрачной стене контейнера. Её рука коснулась холодного стекла. – Как? Как ты...

– Времени мало, – голограмма Цзинь Шань подняла руку – жест, который Изабель помнила из детства. Жест, означавший «слушай внимательно». – Устройство нестабильно. Я могу говорить только несколько минут.

– Что произошло? Где ты была все эти годы?

– Это неважно. Важно то, что я должна тебе сказать. – Голограмма сделала паузу, и в её глазах – изображении глаз – появилось выражение, которое Изабель интерпретировала как страх. – Они приходят, Изабель. Те, от кого бежали все эти корабли. Они уже здесь. На краю.

– Кто «они»?

– У них нет имени. Нет формы. Они – процесс. Цикл. Каждые сотни миллионов лет они... – голограмма дрогнула, изображение на мгновение расплылось. – Нет. Нет времени объяснять. Ты должна понять сама. Записи на этом устройстве... они содержат всё, что тебе нужно знать.

– Какие записи? Как их прочитать?

– Символ. Тот, что ты уже нашла. Это ключ. Введи его в последовательности: спираль, линия, снова спираль. Устройство откроет архив.

Изабель лихорадочно пыталась запомнить инструкции. Спираль, линия, спираль. Три элемента. Код доступа к древнему архиву.

– Мама, я не понимаю. Как ты оказалась здесь? Почему...

– Я искала ответы, – голограмма Цзинь улыбнулась той же улыбкой, которую Изабель помнила – тёплой, но с оттенком грусти. – Как всегда. Нашла больше, чем рассчитывала. И теперь... теперь я часть чего-то большего.

– Часть чего?

– Памяти. Памяти всех, кто приходил до нас. Тысяч цивилизаций, миллиардов существ. Мы все здесь, Изабель. Все, кто пытался бежать. Все, кто пытался спастись.

Голос голограммы начал искажаться – слова растягивались, дробились, теряли чёткость. Изображение мерцало всё сильнее.

– Мама!

– Слушай меня. Слушай внимательно. – Цзинь наклонилась вперёд, и на мгновение показалось, что она хочет прикоснуться к стеклу изнутри. – То, что стёрло эти цивилизации – оно не убивает. Оно стирает. Заставляет Вселенную забыть. Но память... память можно сохранить. Если знать как.

– Как? Как её сохранить?

– Найди... – голос прервался помехами. – ...корабль... активный... глубже в скоплениях... он знает... – снова помехи. – ...берегись... не всё... – изображение начало распадаться на фрагменты. – ...Изабель... я всегда...

– Мама! Нет! Не уходи!

Голограмма вспыхнула в последний раз – ослепительно ярко, до боли в глазах – и погасла. Цилиндр потух. Камера погрузилась в темноту, разбавленную только светом экранов.

Изабель стояла, прижавшись ладонями к стеклу контейнера, и смотрела на мёртвый артефакт. Слёзы текли по её щекам – она не пыталась их остановить.

– Мама...

Тишина в карантинном отсеке была оглушительной.

Танака стояла у терминала, не решаясь пошевелиться. Брандт застыл в своём углу, его рука всё ещё лежала на кобуре, но он, кажется, забыл о пистолете.

Первым очнулся МОРФЕЙ.

– Запись завершена. Продолжительность события – четыре минуты семнадцать секунд. Все данные сохранены.

– Что... что это было? – голос Танаки дрожал.

– Голографическая проекция, использующая неизвестную технологию. Первая часть – изображение существа, идентифицированного как представитель расы, построившей корабль-скат. Вторая часть – изображение человека, идентифицированного как...

– Я знаю, кто это был, – оборвала его Изабель. Она отступила от контейнера, вытерла лицо рукавом. – Это была моя мать. Цзинь Шань.

– Ваша мать погибла шестьдесят лет назад, – сказал Брандт. Его голос был подозрительным, напряжённым. – В экспедиции к внешнему поясу Койпера.

– Я знаю.

– Тогда как она могла оказаться внутри инопланетного устройства возрастом в пятьдесят тысяч лет?

Изабель покачала головой.

– Я не знаю. Но это была она. Её голос. Её лицо. Её... жесты. Вещи, которые знаю только я.

– Или кто-то, кто имел доступ к её записям, – возразил Брандт. – К видеоархивам, личным файлам. Кто-то – или что-то – использует образ вашей матери, чтобы манипулировать вами.

– Зачем?

– Чтобы вы доверились. Чтобы сделали то, что оно хочет. – Брандт подошёл ближе. – Доктор Шань, послушайте меня. Я понимаю, как это выглядит. Я понимаю, что вы чувствуете. Но мы имеем дело с технологией, которая на миллионы лет опережает нашу. Она может делать вещи, которые мы даже не можем представить. Создание убедительной симуляции умершего человека – для неё это детская игра.

– Она знала вещи, которых нет в архивах. – Изабель посмотрела на него. – Она назвала меня «солнышко». Это прозвище мама использовала только дома, никогда – в официальных записях.

– Возможно, это было в каком-то частном файле. Или устройство считало информацию прямо из вашего разума.

– Из моего разума?

– Почему нет? Если оно может проецировать голограммы, почему не может читать мысли?

Изабель хотела возразить, но слова застряли в горле. Брандт был прав – они ничего не знали о возможностях этой технологии. Всё, что показало устройство, могло быть манипуляцией. Ловушкой. Способом заставить её сделать что-то...

Что?

Она вспомнила слова голограммы. «Найди корабль... активный... глубже в скоплении». Устройство – или то, что им управляло – хотело, чтобы они шли дальше. Глубже в Некрополь. К чему-то, что там ждало.

– МОРФЕЙ, – позвала она. – Ты проанализировал сообщение?

– Да. Голограмма предоставила несколько конкретных указаний. Первое: код доступа к архиву устройства – последовательность «спираль, линия, спираль». Второе: информация о некоем «активном корабле» в глубине скопления. Третье: предупреждение о некоей угрозе, которая «стирает» цивилизации.

– Угроза, которая стирает, – повторила Танака. Она подошла к терминалу, начала просматривать запись. – Это связано с тем, что мы нашли на стенах корабля-ската. Изображение расширяющейся пустоты, пожирающей звёзды.

– Связано или создано, чтобы связаться, – мрачно заметил Брандт.

– Командор, – Изабель повернулась к нему. – Я понимаю вашу осторожность. И я согласна – мы должны быть внимательны. Но если всё это правда... если действительно существует угроза такого масштаба...

– То что? Мы побежим искать «активный корабль» по указке устройства, которому не доверяем?

– Мы проверим информацию. Осторожно. С соблюдением всех протоколов. – Изабель выдержала его взгляд. – Это наша миссия, командор. Исследование. Поиск ответов. Мы не можем игнорировать данные только потому, что они получены необычным способом.

Брандт молчал, его челюсти были сжаты.

– А если это ловушка?

– Тогда мы узнаем. И примем меры.

– Когда будет поздно.

– Возможно. – Изабель не стала спорить. – Но альтернатива – сидеть на корабле и ничего не делать. А это точно не приблизит нас к пониманию того, что здесь происходит.

Брандт смотрел на неё долго – целую минуту, может быть, дольше. Потом его плечи едва заметно опустились.

– Хорошо. Но с условиями.

– Какими?

– Первое: артефакт изолируется полностью. Никаких больше экспериментов, пока мы не поймём, с чем имеем дело. Второе: любые экспедиции в глубину Некрополя – только с усиленной охраной. Третье: если ещё раз произойдёт что-то подобное – мы уничтожаем устройство. Без обсуждений.

Изабель хотела возразить против первого условия, но прикусила язык. Брандт шёл на компромисс – редкость для человека с его характером. Давить дальше означало потерять и это.

– Согласна.

– Тогда я отдаю приказ о полной изоляции карантинной зоны. Никто не входит без моего разрешения.

– И моего, – добавила Изабель.

– И вашего, – неохотно согласился он.

Когда Брандт ушёл, забрав с собой охранников и оставив за дверью вооружённый пост, Изабель позволила себе осесть на ближайший стул.

Руки дрожали. Только сейчас, когда напряжение спало, она осознала, насколько потрясена.

Мама. Она видела маму. Слышала её голос. Получила от неё послание – через шестьдесят лет после исчезновения, через бездну времени и пространства.

Или не от неё?

Брандт был прав – это могла быть симуляция. Ловушка, использующая самые глубокие чувства, самые потаённые надежды. Инопланетный разум, играющий на человеческих эмоциях ради каких-то своих целей.

Но...

«Солнышко».

Это слово было личным. Интимным. Ни в каких архивах его быть не могло – Изабель была уверена. Мама использовала его только дома, только наедине с ней. Даже отец – французский инженер, с которым Цзинь развелась, когда Изабель было три года – не знал этого прозвища.

Если устройство действительно считало это из её разума... значит, оно обладало способностями, которые даже представить было страшно. А если не считало... значит, голограмма каким-то образом содержала реальную информацию от матери.

Оба варианта были пугающими. Но второй – второй давал надежду.

– Доктор Шань?

Она подняла голову. Танака стояла рядом, в руках – стакан воды.

– Спасибо. – Изабель приняла стакан, сделала глоток. Вода была прохладной, с металлическим привкусом корабельной рециркуляции.

– Я... – Танака помедлила. – Я проанализировала сигнал, который испускало устройство во время проекции. Там было что-то ещё. Помимо голограммы.

– Что?

– Поток данных. Массивный – терабайты информации за несколько минут. Он шёл параллельно с голографической передачей, на другой частоте.

– Куда он шёл?

Танака покачала головой.

– Не «куда» – «откуда». Устройство не передавало данные. Оно их принимало.

Изабель нахмурилась.

– Откуда?

– Не знаю. Источник находился вне корабля. Где-то в Некрополе. – Танака вывела на планшет диаграмму. – Я попыталась триангулировать направление. Сигнал шёл... отсюда.

Она указала на точку в глубине скопления мёртвых кораблей.

– Это примерно в тридцати километрах от нашей текущей позиции. Там несколько крупных объектов, которые мы ещё не каталогизировали подробно.

– Активный корабль, – прошептала Изабель. – То, о чём говорила... то, о чём говорила голограмма.

– Возможно. Если там действительно есть функционирующее устройство, способное передавать данные на таком расстоянии...

– То мы должны его найти.

Танака посмотрела на неё с сомнением.

– Брандт только что приказал изолировать артефакт и ограничить экспедиции.

– Он приказал усилить охрану. Не отменить исследования. – Изабель встала. Слабость отступала, уступая место привычной решимости. – Мы отправляемся, как планировали. Только цель меняется. Вместо корабля 2156 – исследуем источник сигнала.

– А обломок «Авроры»?

Изабель помолчала. Обломок корабля её матери. Ещё одна нить, ведущая в прошлое.

– Он подождёт, – сказала она наконец. – Сначала – активный источник. Это приоритет.

Тридцать пять лет назад Марсианский университет, кампус Олимп

– Шань! Изабель Шань!

Она обернулась, услышав своё имя. По коридору университета к ней спешил профессор Карим – седовласый египтянин с орлиным носом и пронизательными глазами, один из ведущих ксеноархеологов своего поколения. Он руководил её диссертационным исследованием уже третий год, и за это время Изабель научилась распознавать его настроения по походке. Сейчас профессор почти бежал – значит, случилось что-то важное.

– Профессор? – она остановилась, придерживая стопку планшетов с данными.

– У меня для тебя новость, – Карим был запыхан, но улыбался. – Комитет одобрил твою заявку.

– Какую заявку?

– На участие в экспедиции к Сатурну. Раскопки на Энцеладе.

Изабель застыла. Энцелад. Луна Сатурна, под ледяной коркой которой скрывался океан – и, возможно, следы древней жизни. Она подавала заявку полгода назад, не особенно надеясь на успех – конкурс был огромный, желающих – сотни.

– Вы... вы уверены?

– Абсолютно. – Карим положил руку ей на плечо. – Ты заслужила это, Изабель. Твоя работа по систематизации марсианских артефактов – одна из лучших, что я видел за тридцать лет преподавания.

– Но... там же были кандидаты с большим опытом. Доктор Ли, например.

– Доктор Ли – отличный специалист. Но ему не хватает того, что есть у тебя.

– Чего?

Карим посмотрел на неё – долгим, оценивающим взглядом.

– Твоя мать была гениальной исследовательницей. Она видела связи там, где другие видели хаос. Паттерны там, где другие видели случайность.

Изабель вздрогнула. Те же слова. Те же самые слова, которые мама говорила ей сорок... нет, уже шесть лет назад, перед последним отлётом.

– Ты унаследовала этот дар, – продолжал Карим. – Я видел, как ты работаешь с артефактами. Как смотришь на них. Ты не просто каталогизируешь – ты понимаешь. Чувствуешь контекст. Улавливаешь смыслы, которые ускользают от других.

– Я просто... внимательная.

– Нет. Ты – особенная. – Карим улыбнулся. – Не спорь с профессором, Шань. Принимай комплимент и готовься к экспедиции. Отлёт через три месяца.

Он ушёл, оставив Изабель стоять посреди коридора. Вокруг сновали студенты, преподаватели, технический персонал – обычная суета университетской жизни. Но она не замечала их.

Она думала о маме. О женщине, которая ушла искать ответы и никогда не вернулась. О голосе, который говорил «солнышко» и обещал подарок с края Вселенной.

«Ты видишь связи там, где другие видят хаос».

Может быть, именно это мама и оставила ей в наследство. Не подарок – дар. Способность видеть невидимое, понимать непонятное, находить смысл в бессмыслице.

Изабель сжала планшеты крепче и пошла дальше по коридору. Впереди была экспедиция. Энцелад. И, может быть, ответы на вопросы, которые она боялась задавать.

Настоящее время Исследовательское судно «Реквием», командный мостик

– Вы понимаете, о чём просите?

Капитан Воронов сидел в своём кресле, глядя на Изабель с выражением усталого скептицизма. Рядом стоял Брандт – мрачнее тучи, руки скрещены на груди.

– Я понимаю, – ответила Изабель. – И я не прошу – я информирую о планах научной группы.

– Научная группа хочет отправиться к неисследованному объекту в глубине Некрополя на основании... чего? Сигнала от устройства, которое только что показало вам призрак вашей мёртвой матери?

Изабель стиснула зубы. Воронов умел формулировать вещи так, что они звучали максимально нелепо.

– На основании зафиксированного потока данных, – сказала она, стараясь сохранять спокойствие. – Устройство принимало информацию извне. Источник – в тридцати километрах от нас. Если там есть функционирующая технология, это может быть ключом к пониманию всего Некрополя.

– Или ловушкой, – вставил Брандт.

– Эту возможность мы тоже учитываем. Поэтому экспедиция пойдёт с усиленной охраной и полным комплектом аварийного оборудования.

Воронов потёр подбородок. Он выглядел усталым – круги под глазами, щетина на щеках. Очевидно, капитан спал не больше, чем сама Изабель.

– Сколько человек?

– Восемь. Четверо учёных, четверо охраны.

– Время миссии?

– Шесть часов максимум. Если не найдём ничего за это время – возвращаемся.

Воронов обменялся взглядом с Брандтом. Командор едва заметно покачал головой – он был против, это было очевидно. Но окончательное решение принимал капитан.

– Хорошо, – сказал Воронов наконец. – Но с дополнительными условиями. Во-первых, постоянная связь с «Реквиемом». Любой обрыв – немедленное возвращение. Во-вторых, никаких активаций чужих устройств без моего прямого разрешения. В-третьих... – он помедлил. – Доктор Шань, вы лично не участвуете.

– Что?

– Вы слишком эмоционально вовлечены. То, что произошло в карантинном отсеке... вы не в состоянии принимать объективные решения.

– Капитан, с уважением...

– Это не обсуждается. – Голос Воронова стал жёстче. – Я понимаю ваши чувства. Но я отвечаю за безопасность всего экипажа. И я не могу позволить, чтобы руководитель научной группы принимала решения под влиянием... призрака.

Изабель хотела возразить, но поймала взгляд Танаки, стоявшей у входа на мостик. Нейролингвист едва заметно покачала головой – не спорь, не сейчас.

– Хорошо, – сказала Изабель после долгой паузы. – Но я хочу быть на связи. Каждую минуту.

– Это можно устроить.

Шаттл «Харон-2» отошёл от «Реквиема» через два часа.

Изабель наблюдала за стартом с мостика, стоя у обзорного экрана. Маленький корабль быстро превратился в точку, затем в ничто – поглощённый бесконечным полем мёртвых кораблей.

На борту были Танака, Паркер, двое младших научных сотрудников и четверо бойцов Брандта под командованием сержанта Рейеса. Восемь человек, отправившихся в неизвестность по следу сигнала, который мог быть чем угодно.

– Связь установлена, – доложил оператор. – Телеметрия в норме.

– Выведи на экран, – приказала Изабель.

Изображение с камер шаттла заполнило боковой монитор. Некрополь раскинулся перед ними – бесконечная панорама мёртвых кораблей, освещённых тусклым светом далёкого солнца. Шаттл двигался между ними осторожно, как лодка среди рифов.

– «Реквием», докладывает «Харон-2», – голос Танаки в динамиках. – Приближаемся к целевой зоне. Расстояние – двадцать два километра.

– Понял, «Харон-2». Продолжайте движение.

Изабель смотрела на экран, не в силах оторваться. Она должна была быть там. Должна была сама увидеть источник сигнала, сама прикоснуться к технологии, которая – возможно – содержала ответы на вопросы её жизни.

Но Воронов был прав. Она была слишком вовлечена. Слишком хотела верить, что голограмма была настоящей. Что мама каким-то образом выжила, сохранилась, передала ей послание через бездну лет.

Это было опасно. Для неё. Для экипажа. Для всей миссии.

– Капитан, – голос оператора прервал её размышления. – Фиксирую аномалию.

– Какую?

– Электромагнитную. Источник – в направлении движения шаттла. Интенсивность растёт.

Воронов подошёл к терминалу.

– МОРФЕЙ, анализ.

– Сигнал соответствует тому, что мы зафиксировали при активации артефакта. Та же частота, та же модуляция. Источник – объект в тридцати километрах от «Реквиема». Шаттл приближается к нему.

– Танака, слышала? – Изабель активировала канал связи.

– Да. Мы тоже фиксируем. – Голос нейролингвиста был возбуждённым. – Сигнал усиливается с каждым километром. Что-то там определённо активно.

– Будьте осторожны.

– Понимаю.

Минуты тянулись медленно. Шаттл продвигался всё глубже в Некрополь, мимо кораблей-гигантов и обломков-карликов. На экране мелькали формы, которые человеческий разум не был создан воспринимать: спирали, многогранники, фракталы, структуры, бросающие вызов евклидовой геометрии.

– Расстояние пять километров, – доложила Танака. – Визуальный контакт.

Изображение на экране сместилось, камера навелась на новый объект.

Изабель затаила дыхание.

Корабль – если это был корабль – не походил ни на что из виденного ранее. Он был... живым. Нет, не живым в буквальном смысле – но казался таковым. Органические формы, плавные линии, поверхность, которая будто дышала, пульсировала слабым светом.

И этот свет – Изабель узнала его. Тот же ритм, та же интенсивность, что у цилиндра в карантинном отсеке.

– Боже мой, – прошептал кто-то на мостике.

– МОРФЕЙ, данные по объекту? – голос Воронова был напряжённым.

– Сканирую. Объект не каталогизирован ранее. Размеры: приблизительно два километра в длину, восемьсот метров в ширину. Материал корпуса: неопределён, не соответствует известным образцам. Внутренняя структура: сложная, множественные полости различной конфигурации. И... – пауза. – Признаки активности. Энергетическое излучение из нескольких точек корпуса.

– Он работает, – выдохнула Изабель. – После миллионов лет – он всё ещё работает.

– Возраст подтверждён? – спросил Воронов.

– Предварительная оценка на основе состояния материала: от двух до трёх миллионов лет. Точнее определить невозможно без прямых образцов.

Три миллиона лет. Когда этот корабль был построен, на Земле ещё не существовало рода Ното. Первые австралопитеки только начинали осваивать прямохождение. А эта машина уже летела к этой точке пространства, неся свои секреты.

– «Харон-2», – Воронов взял управление связью. – Держите дистанцию. Не приближайтесь без команды.

– Понял, «Реквием», – ответил Рейес. – Зависаем на текущей позиции.

На экране корабль-левиафан медленно вращался – или казалось, что вращался. Его поверхность переливалась светом, и в этих переливах Изабель чудились паттерны: спирали, линии, геометрические формы. Тот же язык, что на всех кораблях Некрополя. Но здесь он был ярче, отчётливее, живее.

– Фиксирую новый сигнал, – голос Танаки дрогнул. – Направленная передача. Он... он пытается связаться с нами.

– С вами конкретно?

– Не знаю. Сигнал широкополосный, но... подождите. – Пауза. – МОРФЕЙ, ты это видишь?

– Да. Сигнал содержит структурированные данные. Формат... совпадает с тем, что мы экстрагировали из дисков на корабле-скате.

– Он использует тот же язык, – поняла Изабель. – Тот же код. Он пытается говорить на языке, который мы уже частично знаем.

– Или на языке, который знают все, – добавила Танака. – Универсальный маркер. Тот символ, который мы нашли на всех кораблях. Он в начале каждого пакета данных.

Универсальный язык беженцев. Язык тех, кто бежал от чего-то настолько ужасного, что тысячи цивилизаций объединились в своём страхе.

– Мы можем расшифровать? – спросил Воронов.

– Не в реальном времени. Слишком много данных, слишком мало контекста. Но если записать...

– Записывай всё. – Изабель подошла к терминалу связи. – Танака, ты слышишь? Пассивная запись. Никаких ответных сигналов без моей команды.

– Поняла.

Минуты шли. Данные текли – бесконечным потоком, заполняя буферы памяти «Реквиема». Корабль-левиафан продолжал свою передачу, словно терпеливый учитель, повторяющий урок для непонятливого ученика.

А потом – изменение.

– Визуальная аномалия, – голос Рейеса был напряжённым. – Что-то происходит на корпусе.

Изабель впиалась взглядом в экран. Поверхность корабля-левиафана менялась – часть обшивки отходила в сторону, открывая... проход. Вход. Приглашение.

– Он открывается, – прошептала Танака. – Он приглашает нас внутрь.

Тишина на мостике была такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом.

– Никто никуда не входит, – отрезал Воронов. – Возвращайтесь. Немедленно.

– Капитан, – Изабель повернулась к нему. – Это может быть единственный шанс...

– Шанс на что? Войти в инопланетную ловушку?

– Шанс получить ответы. Шанс понять, почему эти корабли здесь. Что убило их экипажи. Что угрожает...

– Доктор Шань, – голос Воронова стал ледяным. – Я уже сказал: никаких активаций чужих устройств без моего разрешения. Открытый проход – это приглашение. Мы не знаем, кто приглашает и зачем.

- Мы не узнаем, если не войдём.
- И не узнаем, если погибнем внутри.

Они стояли друг напротив друга – капитан и учёный, осторожность и любопытство, страх и надежда. Конфликт, который определял всю историю человеческих исследований.

– Компромисс, – сказала Изабель наконец. – Дрон. Отправим внутрь автономный дрон. Никакого риска для людей, но мы получим данные.

Воронов обдумал предложение.

- Рейес, – он активировал связь. – У вас есть разведывательный дрон на борту?
- Так точно, капитан. Стандартный комплект.

– Подготовьте его к запуску. Цель – исследование внутреннего пространства объекта. Глубина проникновения – не более ста метров. Постоянная трансляция.

– Понял.

Изабель выдохнула. Это было не то, чего она хотела, но лучше, чем ничего.

Через несколько минут дрон – небольшой аппарат с камерами, датчиками и микрореактивными двигателями – отделился от шаттла и направился к открытому проходу в корпусе корабля-левиафана.

Изображение с его камер появилось на отдельном экране мостика. Сначала – внешняя поверхность, та же пульсирующая структура, что была видна издалека. Потом – край прохода, гладкие стены, уходящие вглубь. И наконец – внутренний коридор.

Он был огромным – десятки метров в высоту и ширину, словно предназначенный для существ размером с дом. Стены покрывали те же узоры, что и снаружи, но здесь они светились ярче, образуя сложные композиции. Пол был не плоским, а волнистым, с выступами и углублениями, назначение которых оставалось загадкой.

И – свет. Мягкий, рассеянный свет, исходящий, казалось, отовсюду сразу. Не было видимых источников – просто само пространство светилось.

– Фиксирую атмосферу, – доложил МОРФЕЙ. – Внутри прохода – газовая среда. Азот, кислород, следы инертных газов. Пригодна для дыхания человеком.

– Атмосфера? – Воронов нахмурился. – После миллионов лет?

– Системы жизнеобеспечения, очевидно, всё ещё функционируют. Или были активированы при нашем приближении.

Дрон двигался дальше, углубляясь в коридор. Пятьдесят метров. Семьдесят. Девяносто.

– Приближаюсь к пределу разрешённой глубины, – передал Рейес.

– Стой, – приказал Воронов. – Вращение на месте. Зафиксируй всё, что видишь.

Дрон остановился, начал медленное вращение. Камеры фиксировали детали: узоры на стенах, структуру потолка, форму пола. И – в дальнем конце коридора, на границе видимости – нечто иное.

Фигура.

– Там что-то есть, – голос Танаки дрогнул. – Вы видите?

Изабель видела. Силуэт в конце коридора – неясный, размытый расстоянием и недостаточным освещением, но определённо не часть стены. Что-то отдельное. Что-то... стоящее?

– МОРФЕЙ, можешь увеличить?

– Пытаюсь. Разрешение на пределе. – Изображение дёрнулось, увеличилось. Детали проступили чётче.

Существо. Не человек. Не те создания, что лежали мёртвыми на корабле-скате. Что-то третье – высокое, тонкое, с формами, которые казались одновременно органическими и механическими.

И оно двигалось. Медленно, плавно – шло к дрону.

– Отзывай! – крикнул Брандт. – Отзывай дрон! Сейчас же!

– Отмена команды, – Изабель перехватила контроль. – Рейес, держи позицию.

– Доктор Шань, – голос Воронова был как лёд. – Вы превышаете свои полномочия.

– Капитан, посмотрите. – Она указала на экран. – Это может быть единственный контакт с живым разумом за всю историю человечества. Мы не можем убежать сейчас.

Существо приближалось. Его движения были... грациозными? Да, именно так. Несмотря на чуждость форм, в них была плавность, гармония. Оно не спешило, не угрожало – просто шло.

На расстоянии двадцати метров от дрона оно остановилось.

И тогда Изабель услышала голос.

Не через динамики связи – через что-то иное. Голос, который звучал прямо в голове, минуя уши. Голос, который говорил на языке, которого она не знала, но каким-то образом понимала.

«Вы пришли. Наконец. Мы ждали так долго».

– Вы слышали это? – Изабель оглянулась на остальных. Лица на мостике были растерянными, испуганными.

– Что именно? – спросил Воронов.

– Голос. В голове. Он говорил...

– Я ничего не слышал, – капитан покачал головой. – Танака?

– Тоже ничего, – голос нейролингвиста из динамика был напряжённым. – Но... я что-то почувствовала. Давление? Присутствие? Сложно описать.

Изабель снова посмотрела на экран. Существо стояло неподвижно, словно ожидая. Его форма была чётче теперь – высокое, около трёх метров, с вытянутым торсом и множественными тонкими конечностями. Голова – если это была голова – представляла собой сферу с несколькими светящимися точками, которые могли быть глазами.

Или чем-то совсем иным.

«Вы слышите меня, – снова голос, теперь тише, мягче. – Одна из вас слышит. Та, что несёт память».

Память. Изабель вспомнила слова голограммы – слова матери, или того, что притворялось матерью: «Память можно сохранить. Если знать как».

– Кто ты? – произнесла она вслух. – Что это за место?

«Я – тот, кто хранит. Это место – последнее убежище. Для всех, кто бежал. Для всех, кто помнит».

– Бежал от чего?

Пауза. Долгая, тяжёлая.

«От конца. От забвения. От тех, кто стирает».

Те, кто стирает. То же самое, что говорила голограмма. То же предупреждение, тот же страх.

– Доктор Шань, – голос Воронова был напряжённым. – С кем вы разговариваете?

– С ним. – Она указала на экран. – Он... он говорит со мной. Телепатически, или как-то иначе – не знаю. Но я слышу его.

– Это может быть манипуляцией...

– Возможно. Но он отвечает на вопросы. Реальные ответы, не шаблоны.

Изабель снова сосредоточилась на контакте.

– Что случилось с теми, кто был на других кораблях? С теми, чьи тела мы нашли?

«Они пришли. Как и вы. Искали убежища. Но убежище не спасает от того, что уже внутри».

– Внутри чего?

«Внутри памяти. Внутри Вселенной. Стиратели не приходят извне – они приходят из самой ткани реальности. Когда разум становится слишком ярким, слишком громким – они замечают. И приходят. И стирают».

Изабель почувствовала, как холодок пробежал по спине. Что-то в этих словах – в их спокойствии, в их неизбежности – было ужаснее любой явной угрозы.

– Можно ли спастись?

«Можно. Некоторые спаслись. Мы – спаслись. Но цена... цена высока».

– Какая цена?

Существо на экране сделало движение – жест, который Изабель интерпретировала как печаль или сожаление.

«Стать тем, что нельзя стереть. Стать частью памяти, а не носителем памяти. Это... – пауза. – Это похоже на смерть. Но это не смерть».

Изабель вспомнила голограмму матери. «Я – часть чего-то большего. Памяти всех, кто приходил до нас».

– Моя мать... Цзинь Шань... она тоже здесь? Она тоже стала частью этой... памяти?

Долгое молчание. Существо стояло неподвижно, его светящиеся точки-глаза, казалось, изучали что-то невидимое.

«Та, кого ты ищешь, пришла давно. По меркам твоего вида – давно. Она нашла нас. Нашла знание. И сделала выбор».

– Какой выбор?

«Остаться. Чтобы передать знание тем, кто придёт после. Тебе».

Изабель почувствовала, как слёзы снова наворачиваются на глаза. Мама. Всё это время – шестьдесят лет – она была здесь. Ждала. Хранила информацию, которую хотела передать дочери.

– Я хочу увидеть её, – сказала она. – Я хочу поговорить с ней.

«Это возможно. Но не сейчас. Не так. Ты должна сначала понять. Должна подготовиться. Знание, которое мы храним – оно тяжёлое. Оно меняет. Тех, кто не готов – оно ломает».

– Я готова.

«Нет. – Голос был мягким, но непреклонным. – Ты ещё не готова. Но скоро будешь. Возьми то, что мы дали. Прочитай. Пойми. И тогда – возвращайся».

Существо отступило на шаг. Потом ещё на один. Свет в коридоре начал меркнуть.

«Мы будем ждать. Мы всегда ждём».

Связь оборвалась – внезапно, полностью. Изабель осталась стоять посреди мостика, глядя на экран, где существо медленно растворялось в темноте.

– Что произошло? – голос Воронова казался далёким. – Доктор Шань, что оно сказала?

Изабель не ответила. Она смотрела на экран, где проход в корпусе корабля-левиафана медленно закрывался – плавно, без звука, как будто никогда и не был открыт.

«Возьми то, что мы дали».

Дали что? Когда?

И тогда она поняла. Диски. Цилиндр. Всё, что они нашли на корабле-скате – это было не случайностью. Это было оставлено для них. Для неё.

Инструкции. Предупреждения. Знание.

– МОРФЕЙ, – сказала она. – Код доступа к архиву цилиндра. Последовательность «спираль, линия, спираль». Применить.

– Обработка запрос... – пауза. – Успешно. Архив разблокирован. Обнаружено более семидесяти терабайт данных. Начинаю индексацию.

Семьдесят терабайт. Целая библиотека, оставленная для тех, кто придёт после.

Для неё.

Через два часа шаттл вернулся на «Реквием».

Танака и остальные члены экспедиции выглядели потрясёнными – бледные лица, дрожащие руки. То, что они видели, то, что чувствовали – даже без телепатического контакта – выбило их из равновесия.

Изабель встретила их в ангаре.

– Данные? – это было первое, что она спросила.

– Всё записано, – Танака протянула ей накопитель. – Часы передачи. Терабайты информации. Мы... мы даже не представляем, что там.

– Узнаем.

– Доктор Шань... – Танака помедлила. – То существо... вы действительно с ним говорили?

– Да.

– Что оно сказало?

Изабель посмотрела на нейролингвиста. Маленькая японка – одна из лучших специалистов по расшифровке языков – стояла перед ней, ожидая ответа. Ответа, который изменит всё.

– Оно сказало, что мы в опасности. Все мы. Вся человеческая цивилизация. – Изабель сделала паузу. – Оно сказало, что существует нечто, что стирает разумную жизнь. Периодически. Циклически. И этот цикл скоро начнётся снова.

Танака побледнела ещё сильнее.

– И... и оно сказало, как спастись?

– Оно сказало, что ответы – в данных, которые нам оставили. – Изабель посмотрела на накопитель в своей руке. – Нам нужно расшифровать их. Понять. И тогда, может быть, мы найдём способ.

– Может быть?

– Это всё, что у нас есть.

Совещание собрали через час – Воронов, Брандт, ведущие специалисты. Изабель стояла перед ними, чувствуя тяжесть взглядов.

– Итак, – начал Воронов, когда все расселись. – Давайте подведём итоги. За последние сутки мы активировали инопланетное устройство, которое показало голограмму погибшего члена экипажа прошлой экспедиции. Мы обнаружили функционирующий корабль возрастом в миллионы лет. Мы установили контакт с... чем-то... что утверждает, что хранит память мёртвых цивилизаций. И это «что-то» заявляет, что всему человечеству грозит уничтожение.

Он обвёл взглядом присутствующих.

– Я правильно изложил ситуацию?

– В общих чертах – да, – ответила Изабель.

– Прекрасно. – Воронов откинулся в кресле. – И что вы предлагаете делать с этой информацией?

– Изучать её. – Изабель указала на экран, где отображалась структура разблокированного архива. – У нас есть доступ к данным, которые копились миллионы лет. Записи тысяч цивилизаций. Если угроза реальна – там есть информация о ней. И, возможно, способы защиты.

– Если угроза реальна, – повторил Брандт. – А если нет? Если это всё – манипуляция? Способ заставить нас делать то, что хочет это... существо?

– Зачем? – спросила Изабель. – Какой смысл манипулировать нами? Мы – одна экспедиция, один корабль. Если эта сущность хотела бы причинить нам вред – она могла бы сделать это напрямую. Вместо этого она даёт нам информацию.

– Информация может быть оружием, – возразил Брандт. – Ложная информация, ведущая в ловушку. Или правдивая, но неполная – подталкивающая к определённым действиям.

– Это возможно. Но единственный способ узнать – проанализировать данные.

Спор продолжался – полчаса, час. Брандт настаивал на осторожности, Изабель – на необходимости изучения, Танака поддерживала обе стороны в зависимости от аргументов. Воронов слушал молча, постукивая пальцами по подлокотнику.

Наконец он поднял руку.

– Достаточно. – Голос капитана прервал очередной обмен репликами. – Я принял решение.

Все замолчали.

– Мы продолжаем исследования, – сказал Воронов. – Данные из архива будут изучаться научной группой под руководством доктора Шань. Но – с ограничениями.

– Какими?

– Первое: никаких новых контактов с существом без моего прямого разрешения. Мы собираем информацию пассивно, не провоцируем дальнейшее взаимодействие.

Изабель кивнула. Это было приемлемо.

– Второе: параллельно с изучением данных мы готовим корабль к возможному экстренному отлёту. Если ситуация станет угрожающей – мы уходим. Немедленно.

– Понял, – сказал Брандт.

– Третье... – Воронов помедлил. – Командор Брандт, я хочу, чтобы артефакт из карантинного отсека – цилиндр – был помещён под особое наблюдение. Любая активность, любое изменение – докладывать немедленно.

– Сделаю.

– Хорошо. – Воронов встал. – Совещание окончено. Приступайте к работе.

Люди начали расходиться. Изабель осталась сидеть, глядя на экран с данными архива. Семьдесят терабайт. Библиотека мёртвых цивилизаций. Записи тех, кто бежал от чего-то настолько ужасного, что не смог найти слов для описания.

«Те, кто стирает».

Она найдёт эти слова. Найдёт описание угрозы. Найдёт способ спастись.

Ради матери. Ради человечества. Ради себя.

– Доктор Шань, – голос Брандта заставил её вздрогнуть. Она обернулась – командор стоял у двери, глядя на неё тяжёлым взглядом.

– Да?

– Одна вещь не даёт мне покоя. – Он подошёл ближе. – Существо в том корабле – оно говорило, что ваша мать сделала выбор. Осталась. Стала частью их... памяти.

– И что?

– Как она могла сделать этот выбор, если погибла шестьдесят лет назад? До того, как мы вообще узнали о Некрополе?

Изабель застыла. Она не думала об этом. Не успела – слишком много информации, слишком много эмоций.

– Я... я не знаю.

– Именно. – Брандт наклонился ближе. – Либо ваша мать знала об этом месте задолго до официального открытия. Либо информация о её «выборе» – ложь. Либо... – он не закончил.

– Либо что?

– Либо время здесь работает иначе. – Брандт выпрямился. – И это пугает меня больше всего остального.

Он ушёл, оставив Изабель наедине с вопросами, на которые у неё не было ответов.

В ту ночь – снова условную, отмеренную корабельными часами – Изабель не спала.

Она сидела в своей каюте, перед экраном, на котором медленно текли данные из архива. Символы, которые она не понимала. Структуры, которые не могла интерпретировать. Голоса мёртвых цивилизаций, говорящих на языках, которые никто больше не помнил.

И среди всего этого – образ матери. Голограмма, говорившая «солнышко». Предупреждение о тех, кто стирает.

Она достала фотографию из тумбочки – ту самую, что висела на стене всё время полёта. Цзинь Шань, тридцать шесть лет, на фоне марсианских раскопок. Глаза, которые видели сквозь объектив, сквозь время.

«Ты видишь связи там, где другие видят хаос».

Мама знала. Каким-то образом – знала. Знала об этом месте, об этой угрозе, о судьбе, которая ждала её и её дочь.

И она ушла всё равно. Ушла искать ответы, даже зная, что может не вернуться.

Изабель положила фотографию рядом с клавиатурой и вернулась к данным.

Семьдесят терабайт. Тысячи голосов. Миллионы лет.

Где-то среди всего этого – ключ к спасению. Или к пониманию того, почему спасение невозможно.

Она найдёт его.

Чего бы это ни стоило.

Глава 4: «Картография забвения»

Юкико Танака не спала уже сорок шесть часов.

Она знала это точно – часы на её рабочем терминале безжалостно отсчитывали время, напоминая о том, что человеческое тело имеет пределы. Но каждый раз, когда она собиралась встать, отойти от экрана, закрыть глаза хотя бы на час – появлялось что-то новое. Ещё один паттерн. Ещё одна связь. Ещё один фрагмент головоломки, которая постепенно складывалась перед ней.

Головоломки возрастом в миллионы лет.

Главная лаборатория «Реквиема» превратилась в её личную крепость. Экраны окружали её полукольцом – семь мониторов, каждый забитый данными из архива. Символы мерцали, складывались в последовательности, рассыпались и собирались снова. Это был язык – нет, множество языков, переплетённых друг с другом, как корни древнего леса.

Танака всегда верила, что где-то там, среди звёзд, существует разумная жизнь. Она посвятила этой вере двадцать лет – изучала теоретическую лингвистику, разрабатывала модели возможных инопланетных коммуникационных систем, писала статьи, которые коллеги называли «научной фантастикой с академическим оттенком». Её не смущало. Она знала: когда придёт время, кто-то должен быть готов.

Время пришло.

И она оказалась совершенно не готова.

– Доктор Танака?

Голос заставил её вздрогнуть. Она обернулась – в дверях лаборатории стояла Изабель Шань, с тёмными кругами под глазами и чашкой в руках.

– Кофе, – сказала Изабель, протягивая чашку. – Синтетический, конечно, но лучше, чем ничего.

– Спасибо. – Танака приняла чашку, обхватила её ладонями, чувствуя тепло. – Который час?

– Три ночи по корабельному. Вы здесь с утра?

– С позавчерашнего утра, – призналась Танака. – Но я не могу остановиться. Здесь... здесь столько всего.

Изабель подошла ближе, глядя на экраны.

– Расскажите.

Танака сделала глоток кофе – горький, с металлическим послевкусием, но горячий – и повернулась к центральному монитору.

– Помните, я говорила о структуре архива? О том, что данные организованы послойно?

– Да.

– Я была права. Но масштаб... – Танака покачала головой. – Масштаб превзошёл все мои ожидания. Смотрите.

Она вывела на экран трёхмерную модель – сложную конструкцию из пересекающихся плоскостей, линий и узлов.

– Это структура информации в архиве. Каждая плоскость – отдельный источник. Отдельная цивилизация, если хотите. Я насчитала более семисот уникальных сигнатур.

– Семьсот цивилизаций? – Изабель застыла.

– Как минимум. Возможно, больше – некоторые источники сложно разделить, они как будто... слились со временем. Но это ещё не всё.

Танака увеличила один из узлов модели.

– Видите эти связи? Линии между плоскостями? Это перекрёстные ссылки. Цивилизация А упоминает что-то, что также упоминает цивилизация Б. Или использует символ, который присутствует в записях цивилизации В.

– Они знали друг о друге?

– Некоторые – да. Другие... – Танака нахмурилась. – Другие – нет. В том-то и загадка. Смотрите сюда.

Она выделила два узла на разных концах модели.

– Эти две сигнатуры разделены временным интервалом примерно в полтора миллиона лет. Первая – древняя, одна из самых ранних в архиве. Вторая – относительно «молодая», около ста тысяч лет. Они не могли встретиться, не могли общаться. И всё же – смотрите на связь.

На экране загорелась линия, соединяющая два узла.

– Они используют идентичную структуру для описания одного и того же явления. Не похожую – идентичную. Те же символы, в том же порядке, с теми же модификаторами.

– Как такое возможно?

– Я задаю себе этот вопрос уже двое суток. – Танака допила кофе, отставила чашку. – И единственный ответ, который имеет смысл... они описывали что-то настолько фундаментальное, настолько универсальное, что любая развитая цивилизация неизбежно приходила к одной и той же формулировке.

– Что они описывали?

Танака помедлила. Её пальцы зависли над клавиатурой.

– Конец, – сказала она наконец. – Они описывали конец всего.

Изабель села в кресло рядом с Танакой. Усталость давила на плечи, но сон был невозможен – не сейчас, когда разгадка была так близко.

– Покажите мне, – попросила она.

Танака кивнула, начала выводить на экран последовательности символов.

– Я начала с того символа, который мы нашли на всех кораблях. Универсального маркера. – Она указала на знакомую комбинацию: спираль, пересечённая линией. – Он присутствует в каждом источнике без исключения. Всегда в начале, всегда в одной и той же позиции.

– Вы определили его значение?

– Частично. – Танака вывела рядом несколько контекстных примеров. – Проблема в том, что этот символ... многозначен. В разных контекстах он несёт разные оттенки смысла. Но есть базовое значение, которое прослеживается везде.

– Какое?

– Предупреждение. – Танака произнесла это слово тихо, почти благоговейно. – Или, точнее, «важное сообщение, требующее внимания». В некоторых контекстах – «опасность». В других – «знание, которое необходимо передать».

– То, что вы раньше интерпретировали как «бегите»?

– Это был... поспешный вывод. Теперь я вижу, что всё сложнее. – Танака переключила экран. – Смотрите. После универсального маркера обычно идёт идентификатор источника – название цивилизации или автора. А затем – вот это.

На экране появилась новая последовательность символов – более длинная, более сложная.

– Это повторяется в шестистах восьмидесяти трёх источниках из семисот двенадцати. Почти у всех. И я смогла частично расшифровать её.

Танака вывела перевод рядом с оригиналом.

«[Предупреждение/знание] – [от/источник] [идентификатор] – [об/относительно] [множественное/все] [конец/прекращение] – [причина/источник] [они/те] [приходить/являться] – [время/период] [циклическое/повторяющееся] – [память/запись] [сохранить/передать] [для/ради] [следующие/будущие]»

Изабель вчитывалась в текст, пытаясь сложить смысл из фрагментов.

– Предупреждение об конце... причина – «те, кто приходит»... циклически... сохранить память для будущих...

– Они все говорят одно и то же, – подтвердила Танака. – Разными словами, с разными нюансами, но суть одна. Существует нечто, что приходит циклически и вызывает «конец». И эти записи созданы, чтобы предупредить тех, кто придёт после.

– «Те, кто приходит»... – Изабель вспомнила слова голограммы, слова существа из корабля-левиафана. – Стиратели. Так их называла... так их называла голограмма моей матери.

– Я нашла аналоги этого термина в нескольких источниках. – Танака вывела ещё один список. – Разные цивилизации использовали разные названия: «очистители», «обнулители», «волна», «тишина», «забвение». Но все они описывают одно явление.

– Что именно они описывают? Как оно работает?

Танака покачала головой.

– Вот тут начинаются проблемы. Описания... противоречивы. Или, возможно, мы просто не понимаем контекст. Вот, например...

Она вывела на экран несколько фрагментов.

«[Они/те] [не-убивать/не-разрушать] – [они/те] [стирать/удалять] – [реальность/существование] [забывать/терять] [что/это] [было/существовало]»

«[Звёзды/свет] [исчезать/прекращаться] – [не/отрицание] [взрыв/разрушение] – [просто/только] [отсутствие/небытие] – [как/словно] [никогда/не] [было/существовало]»

«[Память/запись] [меняться/искажаться] – [прошлое/история] [переписывать/изменять] – [те/кто] [помнил/знал] [забывать/терять] – [доказательство/след] [исчезать/стираться]»

Изабель читала, и с каждой строкой холод внутри неё усиливался.

– Они не уничтожают... они стирают. Заставляют реальность забыть, что что-то существовало.

– Да. И это... – Танака замялась. – Это не имеет смысла с точки зрения физики. Как можно «стереть» звезду? Заставить Вселенную «забыть» о ней? Это противоречит всему, что мы знаем о причинно-следственных связях.

– Но они видели это. Семьсот цивилизаций, разделённых миллионами лет – все описывают одно и то же.

– Именно это меня и пугает.

Изабель встала, прошлась по лаборатории. Мысли металась, пытаясь уложить невозможное в рамки понятного.

– МОРФЕЙ, – позвала она.

– Слушаю, доктор Шань.

– Ты анализируешь эти данные параллельно с доктором Танакой?

– Да. Я провожу независимую верификацию переводов и статистический анализ паттернов.

– Какова вероятность того, что все эти описания – результат массовой галлюцинации? Культурного заимствования? Или просто совпадения?

Пауза.

– Вероятность случайного совпадения такого количества независимых источников, использующих идентичные или близкие формулировки для описания одного явления, составляет менее одной квадриллионной. Это статистически невозможно.

– А культурное заимствование?

– Для этого необходим контакт между цивилизациями. Анализ временных интервалов и пространственного распределения источников показывает, что большинство из них не могли иметь прямого или даже опосредованного контакта. Они разделены миллионами лет и тысячами световых лет.

– Значит...

– Значит, они описывают реальное явление, – закончил МОРФЕЙ. – Нечто, что происходило неоднократно на протяжении миллионов лет и затрагивало цивилизации по всей галактике.

Изабель остановилась у иллюминатора. За стеклом простирался Некрополь – тысячи мёртвых кораблей, молчаливых свидетелей катастрофы.

– Они бежали, – сказала она тихо. – Все они. Бежали от этого... от Стирателей. Собрались здесь, на краю Солнечной системы. И всё равно...

– Всё равно погибли, – закончила Танака. – Или были стёрты. Если верить записям – это не одно и то же.

Следующие несколько часов Танака демонстрировала свои находки, а Изабель слушала, задавала вопросы, пыталась собрать картину из осколков.

Архив был структурирован не хронологически – это было бы слишком просто – а тематически. Информация группировалась вокруг ключевых концепций, и первой, самой важной концепцией была угроза.

– Я выделила несколько основных тем, – объясняла Танака, выводя на экран диаграмму. – Первая – описание самих Стирателей. Вторая – история предыдущих «очищений». Третья – попытки противодействия. Четвёртая – это место, Некрополь, его назначение. И пятая... – она помедлила.

– Что?

– Пятая тема – карты. Маршруты. Навигационные данные.

Изабель нахмурилась.

– Карты чего?

– Всего. – Танака переключила экран. – Смотрите.

На мониторе появилось изображение – сложная трёхмерная структура, состоящая из точек и линий. Изабель не сразу поняла, на что смотрит, а потом...

– Это галактика, – выдохнула она.

– Да. Наша галактика. Млечный Путь. Изображение из архива возрастом около полутора миллионов лет.

Карта была невероятно детальной – миллиарды звёзд, сгруппированных в спиральные рукава, скопления, туманности. Танака увеличила один из участков, и Изабель увидела знакомые очертания.

– Это... Орион?

– Рукав Ориона. Наше местоположение. – Танака указала на точку. – А вот здесь – Солнце.

Солнце было отмечено особым символом – не таким, как другие звёзды. Изабель приоткрыла рот.

– Что это за обозначение?

– Я не уверена. Но такое же обозначение используется для нескольких других звёзд в галактике. – Танака вывела список. – Семнадцать звёзд, разбросанных по разным рукавам. Все отмечены одинаково.

– Что у них общего?

– Вот это я и пытаюсь понять. – Танака переключилась на другую карту. – Это изображение из другого источника, возраст – около восьмисот тысяч лет. Другая цивилизация, другой стиль картографии. Но смотрите...

На новой карте галактика была изображена иначе – более схематично, с акцентом на определённые участки. Но Солнце снова было отмечено. Тем же способом.

– И вот ещё, – Танака вывела третью карту, четвёртую, пятую. – Все источники, содержащие навигационные данные – а их более двухсот – отмечают Солнце особым образом. Независимо от эпохи, независимо от происхождения.

– Почему?

– Я думала, что это точка сбора. Место, куда направляются беженцы. – Танака покачала головой. – Но это не объясняет, почему карты такие древние. Самая старая – почти три миллиона лет. Тогда человечества ещё не существовало. Солнечная система была просто... звездой среди миллиардов других.

– Значит, дело не в нас.

– Нет. Дело в чём-то, что связано с этим местом. С этой областью пространства. – Танака снова вывела карту галактики. – И вот тут начинается самое интересное.

Она увеличила изображение, и Изабель увидела то, чего не замечала раньше. Линии. Сотни линий, исходящих из разных точек галактики и сходящихся к одному месту.

– Маршруты, – поняла она.

– Да. Маршруты бегства. Траектории кораблей, направлявшихся сюда за последние несколько миллионов лет. – Танака провела пальцем по экрану, отслеживая линии. – Они шли отовсюду. Из центра галактики. С противоположного края. Из соседних рукавов. Все – к одной точке.

– К Солнцу.

– К окрестностям Солнца. Точнее – к этому месту. К Облаку Оорта. К Некрополю.

Изабель смотрела на карту, и масштаб происходящего постепенно проникал в сознание. Миллионы лет. Сотни цивилизаций. Тысячи кораблей. И все они – все без исключения – летели сюда.

– Почему? – спросила она, хотя знала, что Танака не может ответить. – Почему именно сюда?

– Я нашла несколько упоминаний, – сказала нейролингвист. – Но они... неясные. Смотрите.

Она вывела на экран текстовый фрагмент.

«[Место/область] [особое/уникальное] – [пространство/время] [иное/другое] – [тень/укрытие] [от/против] [они/те] – [здесь/тут] [возможность/шанс] [скрыться/спрятаться]»

– «Пространство-время иное», – прочитала Изабель. – Что это значит?

– Не знаю. Но эта формулировка повторяется в нескольких источниках. Как будто здесь, в окрестностях Солнца, пространство-время имеет какие-то особые свойства. Свойства, которые делают это место... безопаснее?

– Безопаснее для чего?

– Для укрытия от Стирателей.

Изабель снова посмотрела на карту. Линии маршрутов сходились к Солнцу, как спицы к ступице колеса. Как паломники к святыне. Как беженцы к последнему убежищу.

– Но они не спаслись, – сказала она. – Все эти корабли, все эти цивилизации – они добрались сюда и погибли.

– Или были стёрты. – Танака помедлила. – Но есть кое-что ещё. Одна деталь, которую я заметила только час назад.

– Какая?

Танака переключила экран. На нём появилась временная шкала – длинная, охватывающая миллионы лет.

– Я нанесла на график все датированные записи из архива. Каждая точка – отдельный источник, отдельная цивилизация. – Она указала на распределение точек. – Видите паттерн?

Изабель всмотрелась. Точки не были распределены равномерно – они группировались в кластеры, между которыми зияли пустые промежутки.

– Волны, – сказала она. – Они приходили волнами.

– Именно. Периоды активного прибытия – когда сюда стекались десятки кораблей. И периоды затишья – когда не прибывал никто.

– Какова периодичность?

– Вот тут и начинается самое странное. – Танака вывела числовые данные. – Интервалы между волнами варьируются, но в среднем составляют от трёхсот до пятисот миллионов лет.

Изабель нахмурилась, пытаясь осмыслить цифру.

– Триста-пятьсот миллионов лет? Между волнами беженцев?

– Да. И это совпадает с тем, что мы знаем о так называемых «массовых вымираниях» в земной истории. – Танака вывела ещё одну диаграмму. – Ордовикско-силурийское вымирание – примерно 450 миллионов лет назад. Девонское – 375 миллионов. Пермское – 252 миллиона. Триасовое – 201 миллион. Меловое – 66 миллионов.

– Вы хотите сказать...

– Я не хочу ничего сказать. Я просто показываю корреляцию. – Танака посмотрела на Изабель. – Но если эта корреляция реальна... если «очищения» Стирателей как-то связаны с массовыми вымираниями на Земле...

– То последнее было 66 миллионов лет назад, – закончила Изабель. – И следующее...

– Следующее может быть скоро. По космическим меркам – очень скоро.

Изабель вышла из лаборатории на несколько минут – ей нужен был воздух. Не настоящий воздух, конечно, – на корабле весь воздух был рециркулированным, – но хотя бы смена обстановки.

Коридоры «Реквиема» были пусты в этот час. Большая часть экипажа спала, и только вахтенная смена несла дежурство на ключевых постах. Изабель шла, не особо задумываясь о направлении, и ноги сами принесли её к обзорной палубе.

Некрополь раскинулся за стеклом – бесконечное поле мёртвых кораблей, освещённое тусклым светом далёкого солнца. Силуэты казались неподвижными, но Изабель знала: каждый из них медленно дрейфовал, увлекаемый слабыми гравитационными потоками. Танец мертвецов, растянутый на миллионы лет.

Все дороги ведут к Солнцу.

Эта мысль не отпускала её. Сотни цивилизаций, разбросанных по галактике, – все они знали об этом месте. Все они считали его убежищем. И все они направились сюда, когда пришла угроза.

Почему?

Что такого особенного в окрестностях Солнца, что делает их «укрытием от Стирателей»? Земля – ничем не примечательная планета у ничем не примечательной звезды на периферии ничем не примечательной галактики. Так считалось всегда. Так учили в школах, так писали в учебниках.

Но древние карты говорили иное. На них Солнце было отмечено особым знаком. Выделено среди миллиардов других звёзд.

«Пространство-время иное».

Что это значит? Какая-то физическая аномалия? Искривление метрики? Что-то, что человечество не обнаружило за столетия наблюдений?

Или что-то, что было скрыто намеренно?

– Не спится?

Голос заставил её обернуться. Воронов стоял в дверях обзорной палубы – тоже без сна, судя по измученному лицу.

– Слишком много думаю, – ответила она.

– О чём?

– Обо всём. – Изабель снова повернулась к иллюминатору. – Капитан, вы когда-нибудь задумывались о том, почему человечество до сих пор не встретило инопланетян?

– Парадокс Ферми?

– Да.

Воронов подошёл, встал рядом с ней.

– Задумывался. Как и все, кто работает в космосе. – Он помолчал. – Раньше я считал, что ответ прост: космос слишком велик. Расстояния слишком огромны. Цивилизации могут существовать, но никогда не встретятся – как корабли в океане, которые проходят мимо друг друга в тумане.

– А теперь?

Воронов кивнул на Некрополь за стеклом.

– Теперь я знаю, что ответ другой. Цивилизации существовали. Тысячи их. Но что-то их уничтожило. Или... стёрло.

– Танака расшифровала часть архива, – сказала Изабель. – Там есть карты. Навигационные данные. Все маршруты ведут сюда – к Солнечной системе.

– Почему?

– Мы не знаем. Но записи говорят о «пространстве-времени ином». О чём-то, что делает это место особенным. Возможно – безопасным.

– Безопасным от чего?

– От Стирателей. – Изабель повернулась к нему. – Капитан, вы понимаете, что это значит? Если человечество существует до сих пор... если мы не были «стёрты», как остальные... возможно, это потому, что мы находимся в защищённой зоне. В убежище.

Воронов смотрел на неё молча. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась тревога.

– И что произойдёт, – спросил он медленно, – когда эта защита перестанет работать?

Изабель не ответила. Она не знала ответа.

Когда она вернулась в лабораторию, Танака уже работала над новым набором данных.

– Нашла кое-что ещё, – сообщила нейролингвист, едва Изабель переступила порог. – О природе этого места. О том, почему оно «особенное».

– Показывайте.

Танака вывела на экран серию изображений – схематичных, абстрактных, но с узнаваемыми элементами.

– Это диаграммы из нескольких источников. Все они изображают одно и то же – структуру пространства-времени в окрестностях определённых звёзд.

Изабель всмотрелась. На диаграммах были показаны концентрические окружности – или сферы, если учитывать трёхмерность, – окружающие центральную точку.

– Что это?

– Насколько я понимаю – это визуализация того, что они называют «тенью». Или «складкой». – Танака указала на центральную точку. – Вот здесь – звезда. Солнце, в нашем случае. А

вот это... – она обвела пальцем окружности, – ...это области изменённой метрики пространства-времени.

– Изменённой как?

– Сложно сказать без понимания их физики. Но из контекста следует, что эти «складки» создают... помехи. Искажения. Что-то, что мешает Стирателям обнаружить объекты внутри.

– Как камуфляж?

– Возможно. Или как глушилка радаров. – Танака переключила экран. – Но вот что интересно. Смотрите на эту запись.

На экране появился текстовый фрагмент – более длинный и сложный, чем предыдущие.

«[Укрытие/тьень] [не/отрицание] [вечное/постоянное] – [сила/интенсивность] [убывать/слабеть] [с/через] [время/период] – [когда/если] [яркость/сигнал] [разум/цивилизация] [превышать/перекрывать] [укрытие/тьень] – [они/те] [замечать/обнаруживать] – [приходить/являться]»

Изабель прочитала текст дважды, пытаясь уложить в голове смысл.

– Укрытие не вечно... сила убывает... когда «яркость разума» превышает «тьень»...

– Они говорят о пороге, – объяснила Танака. – Укрытие работает, пока цивилизация внутри него достаточно «тихая». Но если она становится слишком развитой, слишком «яркой» – она начинает «светить» сквозь защиту. И тогда Стиратели её замечают.

– «Яркость разума»... что это? Технологический уровень?

– Возможно. Или население. Или что-то ещё – какой-то параметр, который мы не понимаем. Но суть ясна: защита имеет предел. И когда этот предел превышен...

– ...приходят Стиратели.

– Да.

Изабель отошла от экрана. Мысли кружились в голове, складываясь в картину, которую она не хотела видеть.

Человечество развивалось. Строило города, корабли, колонии на других планетах. С каждым десятилетием – всё больше людей, всё больше технологий, всё больше «шума».

Становилось всё «ярче».

И где-то там, за пределами понимания, что-то ждало. Что-то, что замечало «яркие» цивилизации и стирало их из существования.

– Танака, – сказала Изабель медленно. – Есть в архиве что-нибудь о том, как определить этот порог? Как узнать, когда мы его превысим?

Нейролингвист покачала головой.

– Пока не нашла. Но я ищу. – Она помедлила. – Хотя...

– Что?

– Есть одна деталь, которая меня беспокоит. – Танака вывела на экран временную шкалу – ту самую, с волнами беженцев. – Смотрите на последний кластер. Самую «молодую» волну прибытий.

Изабель всмотрелась. Последний кластер располагался около отметки в пятьдесят тысяч лет – корабль-скат и несколько других относительно «новых» объектов.

– Что с ним не так?

– Сам по себе – ничего. Но если посмотреть на интервалы... – Танака указала на промежутки между кластерами. – Среднее время между волнами – 300-500 миллионов лет. Но последняя волна была всего 50 тысяч лет назад.

– И?

– И после неё – ничего. Никаких новых прибытий. За 50 тысяч лет – ни одного корабля. Изабель нахмурилась.

– Может, просто не было беженцев? Если цикл очищения закончился...

– Или, – Танака посмотрела на неё, – цивилизации просто не успевали долететь. Стиратели добирались до них раньше, чем они достигали убежища.

Пауза.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что цикл, возможно, уже идёт. Давно идёт. Пятьдесят тысяч лет – это мгновение по космическим меркам. – Танака снова посмотрела на экран. – Может быть, последние беженцы – не «последние», а «первые». Первые, кто заметил начало нового очищения. Первые, кто успел бежать.

– А остальные?

– Остальные были стёрты. До того, как смогли собрать вещи и уйти.

Изабель потребовала перерыв. Не для себя – для Танаки. Нейролингвист была на грани истощения, и никакие открытия не стоили её здоровья.

– Два часа сна, – сказала Изабель тоном, не допускающим возражений. – Потом возвращайтесь.

Танака хотела спорить, но посмотрела на своё отражение в погашенном экране – и согласилась.

Оставшись одна, Изабель продолжила изучать данные. МОРФЕЙ помогал – выделял повторяющиеся паттерны, предлагал варианты перевода, сопоставлял информацию из разных источников.

Картина постепенно прояснялась. И чем яснее она становилась, тем страшнее выглядела.

Стиратели – если так их называть – были не существами в привычном понимании. Записи описывали их как «процесс», «явление», «волну». Они не приходили откуда-то извне – они возникали из самой ткани реальности, когда определённые условия были соблюдены.

Какие условия? Этого записи не объясняли – или объяснения были слишком сложны для понимания.

Но результат был описан детально. Подробно. С ужасающей точностью.

Стиратели не убивали. Они делали так, что жертвы никогда не существовали. Звёзды гасли – но не взрывались, а просто переставали быть. Записи менялись – тексты, изображения, даже воспоминания. Вселенная «забывала» о том, что было стёрто, и перестраивалась так, словно этого никогда не было.

Как это было возможно? Записи не давали ответа. Только метафоры, образы, попытки описать непостижимое.

«[Они/те] [существовать/быть] [в/между] [моментами/мгновениями] – [где/там] [время/причинность] [не/отрицание] [течёт/работает] – [оттуда/из-там] [воздействовать/влиять] [на/к] [реальность/всё]»

Между моментами. Там, где время не течёт. Изабель пыталась представить это – и не могла. Её разум, сформированный в мире причин и следствий, отказывался вмещать концепцию, которая противоречила самим основам.

– МОРФЕЙ, – позвала она.

– Слушаю.

– Есть ли в нашей физике что-нибудь, что соответствует этим описаниям? «Между моментами», «где время не течёт»?

Пауза.

– В квантовой механике существует концепция мгновенных состояний – точек, где система существует в суперпозиции до коллапса волновой функции. Теоретически, в эти мгновения классическое понятие времени не применимо.

– Это может быть объяснением?

- Маловероятно. Квантовые эффекты работают на субатомном уровне. Масштабирование их до галактических размеров противоречит всему, что мы знаем.
- Но записи говорят именно об этом.
- Да. Что может означать одно из двух: либо наше понимание физики неполно, либо записи содержат метафоры, которые мы интерпретируем слишком буквально.
- Или, – добавила Изабель тихо, – и то, и другое.

Танака вернулась через три часа – больше, чем Изабель требовала, но всё ещё недостаточно. Впрочем, возражать было бесполезно. Нейролингвист горела тем же огнём, что и сама Изабель: жадной знания, которая перевешивала потребность в отдыхе.

– Я кое-что обдумала, пока лежала, – сказала Танака, занимая своё место за терминалом. – Насчёт карт.

– Что именно?

– Мы видели маршруты к Солнечной системе. Сотни линий, сходящихся к одной точке. Но я не проверяла другое.

– Что – другое?

– Маршруты от Солнечной системы. – Танака начала вводить команды. – Если это место – убежище, если сюда бежали... куда они собирались идти дальше? Остаться здесь навсегда?

Это был хороший вопрос. Изабель не думала об этом раньше – слишком сосредоточилась на прибытии, не на отбытии.

– МОРФЕЙ, – сказала Танака. – Есть ли в навигационных данных архива маршруты, исходящие из окрестностей Солнца?

– Сканирую... – пауза. – Обнаружено триста семьдесят два маршрута, исходящих из области Облака Оорта. Направления: различные участки галактики. Но... – снова пауза. – Все маршруты заканчиваются в одной общей точке.

Изабель и Танака переглянулись.

– Покажи, – сказала Изабель.

На экране появилась карта галактики – та же, что они видели раньше, но теперь с новым набором линий. Красные маршруты исходили из отмеченной точки – Солнечной системы – и расходились веером... но затем изгибались, сходились, и все вместе упирались в одну область.

– Что это за место? – спросила Танака.

– Межгалактическое пространство, – ответил МОРФЕЙ. – Точка находится приблизительно в восьмидесяти тысячах световых лет от галактического центра, за пределами основного диска. В области, которую мы называем «галактическим гало».

– Там есть что-нибудь?

– По нашим данным – нет. Это «пустая» область: очень низкая плотность звёзд, практически отсутствие межзвёздного газа. Но...

– Но?

– Но карты из архива указывают на наличие объекта в этой точке. Объекта, который наши инструменты не фиксируют.

Изабель уставилась на экран. Все маршруты – все триста семьдесят два – вели из Некрополя к одной и той же точке в пустоте.

– Они собирались лететь туда, – сказала она. – После прибытия сюда – дальше, к этой точке.

– Но не долетели, – добавила Танака. – Все корабли остались здесь. В Некрополе.

– Почему?

– Возможно, не успели. Или что-то помешало.

– Или... – Изабель замолчала, обдумывая третий вариант.

– Или что?

– Или конечная точка больше не существует. Была стёрта вместе с теми, кто туда добрался.

Тишина.

– МОРФЕЙ, – сказала Танака. – Можешь определить примерный возраст этих маршрутов? Когда они были проложены?

– Датировка затруднена. Но на основе косвенных данных – ссылок на другие записи с известным возрастом – большинство маршрутов были созданы в период от пятидесяти до ста тысяч лет назад.

– Последняя волна беженцев.

– Да.

Изабель встала, подошла к экрану. Карта галактики медленно вращалась перед ней – миллиарды звёзд, тысячи световых лет, и одна точка в пустоте, куда никто так и не добрался.

– Что там было? – спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Что они надеялись найти?

– Может быть, ещё одно убежище, – предположила Танака. – Место, более защищённое, чем это.

– Или источник защиты. – Изабель обернулась. – Танака, вы говорили, что укрытие «слабеет со временем». Что его сила убывает. Что если там, в этой точке, было что-то, что поддерживало защиту? Генератор? Устройство?

– Это... возможно. Но если так – почему оно перестало работать?

– Может, не перестало. Может, просто ослабло. – Изабель снова посмотрела на карту. – Восемьдесят тысяч световых лет. Даже на субсветовых скоростях это сотни тысяч лет полёта.

– Или миллионы, если учитывать разгон и торможение.

– Они знали, что не доберутся при жизни. Знали, что полёт займёт поколения. И всё равно собирались лететь.

– Потому что здесь оставаться было нельзя, – тихо сказала Танака. – Укрытие слабело. Защита рушилась. Им нужно было искать новое убежище – или способ усилить старое.

Изабель кивнула. Картина обретала смысл – страшный, трагический смысл. Беженцы добирались до Некрополя, надеясь на спасение. Обнаруживали, что защита ненадёжна. Планировали следующий этап бегства – к источнику защиты, к чему-то, что могло помочь.

И не успевали.

Стиратели настигали их раньше, чем они могли улететь. Или что-то другое останавливало их – поломки, нехватка ресурсов, внутренние конфликты. Тысячи кораблей, тысячи историй – и все заканчивались одинаково.

Здесь. В Некрополе. В братской могиле на краю Солнечной системы.

– Доктор Шань.

Голос МОРФЕЯ прервал её размышления.

– Да?

– Я завершил анализ навигационных данных. И обнаружил статистическую аномалию, которую должен вам показать.

– Показывай.

На экране появилась новая диаграмма – сложная сеть узлов и связей, напоминающая нейронную сеть.

– Это визуализация всех маршрутов из архива – как входящих, так и исходящих. Каждый узел – звёздная система или область пространства. Связи – траектории кораблей.

– Что в этом аномального?

– Сама структура. – МОРФЕЙ выделил несколько узлов. – Смотрите на распределение связей. В случайной системе количество связей для каждого узла подчинялось бы нормальному распределению. Но здесь...

Диаграмма изменилась, показывая числовые данные.

– ...здесь мы видим степенной закон. Несколько узлов имеют огромное количество связей, большинство – очень мало. Это характерно для сетей, созданных разумным целенаправленным образом, а не возникших естественно.

– То есть маршруты были не случайными? – уточнила Танака.

– Не просто не случайными. Они были спланированы. Координированы. Как будто кто-то – или что-то – организовывал движение всех этих кораблей по единому плану.

Изабель переглянулась с Танакой. В глазах нейролингвиста читалось то же изумление, что чувствовала она сама.

– Кто мог координировать тысячи цивилизаций на протяжении миллионов лет?

– Неизвестно. Но есть ещё кое-что. – МОРФЕЙ выделил центральный узел сети. – Солнечная система находится не просто на пересечении маршрутов. Она – центральный хаб всей структуры. Точка, через которую проходит более девяноста процентов всех траекторий.

– Девяноста процентов?

– Да. При случайном распределении вероятность такой концентрации была бы практически нулевой. Это не совпадение. Солнечная система была выбрана намеренно – как ключевой узел, как точка сбора, как... – МОРФЕЙ замялся, подбирая слова.

– Как столица, – закончила Изабель. – Столица беженцев.

– Это... допустимая аналогия. Да.

Изабель снова посмотрела на карту. Солнце мерцало в центре паутины маршрутов – маленькая жёлтая точка, вокруг которой вращалась вся история галактических беженцев.

И человечество – слепое, невежественное человечество – жило здесь тысячелетиями, не подозревая, что обитает в сердце чего-то огромного и древнего.

– Есть ещё одна аномалия, – продолжил МОРФЕЙ. – Возможно, самая важная.

– Какая?

– Я сопоставил даты создания маршрутов с данными о «волнах» беженцев. И обнаружил несоответствие.

На экране появилась временная шкала – уже знакомая, с кластерами точек.

– Большинство маршрутов датируются периодами между волнами. То есть они были проложены не беженцами, а кем-то, кто был здесь до них. Кем-то, кто знал о будущих волнах и готовил пути заранее.

– За... миллионы лет до прибытия беженцев?

– В некоторых случаях – да.

Танака подалась вперёд.

– Это значит, что существует – или существовала – некая сущность, которая знала о Стирателях. Знала о цикличности их появления. И создала... инфраструктуру для спасения?

– Возможный вывод, – подтвердил МОРФЕЙ.

– Но кто? Кто мог существовать так долго? Кто мог планировать на миллионы лет вперёд?

– Неизвестно. Но в архиве есть несколько упоминаний о... – пауза. – О «тех, кто помнит». Или «хранителях памяти». Сущностях, которые существуют вне обычного течения времени и помогают беженцам.

Изабель вспомнила существо из корабля-левиафана. Его слова в её голове: «Я – тот, кто хранит».

Хранитель памяти.

– Мы уже встречались с одним из них, – сказала она. – В корабле, который нашли в глубине Некрополя. Существо, которое говорило со мной телепатически.

– Если оно – один из «хранителей», – сказала Танака, – то, возможно, оно может объяснить всё это. Маршруты, карты, план... оно знает.

– Знает, – согласилась Изабель. – И, кажется, хочет рассказать. Но на своих условиях.

Совещание состоялось утром по корабельному времени. Изабель и Танака представили свои находки командному составу «Реквиема» – Воронову, Брандту, ключевым специалистам.

Реакция была предсказуемой: шок, недоверие, затем – лавина вопросов.

– Вы хотите сказать, – резюмировал Воронов после часа обсуждений, – что Солнечная система – не случайное место обитания человечества, а намеренно выбранный «хаб» для галактических беженцев?

– Данные указывают на это, – подтвердила Танака.

– И существует некая угроза – «Стиратели» – которая циклически уничтожает цивилизации по всей галактике?

– Не уничтожает – стирает. Заставляет Вселенную забыть о них. Но в остальном – да.

– И эта угроза может затронуть человечество?

– Если записи верны – да. Вопрос только во времени.

Воронов откинулся в кресле. Его лицо было бледным, глаза – усталыми.

– Какова вероятность того, что всё это – дезинформация? Ловушка, созданная для того, чтобы направить нас по ложному следу?

– Мы рассматривали эту возможность, – ответила Изабель. – Но статистический анализ показывает: данные из семисот независимых источников, разделённых миллионами лет и тысячами световых лет, описывают одно и то же явление. Вероятность координированной фальсификации такого масштаба – практически нулевая.

– «Практически» – это не «абсолютно».

– Абсолютной уверенности не существует. Но у нас есть достаточно данных, чтобы считать угрозу реальной и действовать соответственно.

– Действовать как?

Изабель обменялась взглядом с Танакой. Это был вопрос, который они обсуждали всю ночь.

– Нам нужно больше информации, – сказала она. – Архив содержит терабайты данных, но мы расшифровали только малую часть. Там могут быть указания на способы защиты, на природу Стирателей, на то, как они обнаруживают жертвы.

– И как вы собираетесь получить эту информацию?

– Существо в корабле-левиафане – Хранитель – предложило помощь. Оно сказало, что даст нам знание, когда мы будем готовы.

– «Когда будем готовы», – повторил Брандт с нескрываемым скепсисом. – Удобная формулировка. Кто определяет нашу «готовность»? Оно?

– Возможно. Или...

– Или?

– Или нам нужно доказать, что мы способны понять. – Изабель посмотрела на командора. – Танака расшифровала часть архива без посторонней помощи. Мы прогрессируем. Показываем, что можем учиться.

– Или играем в игру по правилам, которые установило это существо.

– Возможно, и так. Но какая альтернатива? Вернуться домой с неполными данными? Доложить Консорциуму, что галактике грозит уничтожение, но мы не удосужились выяснить детали?

Брандт промолчал. Его челюсти были сжаты, но он не нашёл, что возразить.

– Доктор Шань права, – неожиданно сказал Воронов. – Мы здесь ради информации. И мы должны получить её – всю, до последней крупинцы.

– Даже если это рискованно? – спросил Брандт.

– Особенно если это рискованно. – Воронов встал. – Продолжайте исследования. Расшифровывайте архив. И подготовьте план повторного контакта с Хранителем.

– Капитан... – начал Брандт.

– Это приказ, командор. – Воронов посмотрел на него. – Мы прилетели сюда искать ответы. Теперь, когда мы знаем, какие вопросы задавать, – пора их получить.

Изабель вернулась в лабораторию с новым чувством – не уверенности, но определённости. Направление было задано. Цель – ясна.

Танака уже работала, когда она вошла.

– Нашла кое-что ещё, – сообщила нейролингвист, даже не оборачиваясь. – О «готовности».

– О чём?

– Хранитель сказал, что мы не готовы к знанию. Я искала в архиве упоминания о том, что это значит. – Она вывела на экран текстовый фрагмент.

«[Знание/истина] [о/про] [они/те] [тяжёлое/тяжесть] – [разум/сознание] [слабое/незрелое] [ломаться/разрушаться] – [готовность/зрелость] [требовать/нуждаться] [принятие/понимание] [конечность/смертность] [и/вместе] [бессмысленность/бесцельность]»

Изабель прочитала текст, пытаясь уловить смысл.

– «Принятие конечности и бессмысленности»?

– Я интерпретирую это так: чтобы воспринять истину о Стирателях, нужно сначала принять, что жизнь конечна и не имеет внешнего смысла. – Танака повернулась к ней. – Это философское условие. Экзистенциальное.

– Нужно перестать надеяться на спасение?

– Возможно. Или... перестать думать о спасении как о главной цели. Принять, что «спасение» в обычном смысле невозможно – и только тогда увидеть альтернативы.

Изабель обдумала эти слова. Они перекликались с тем, что говорила голограмма матери: «Память можно сохранить. Если знать как».

Не жизнь – память. Не существование – запись о том, что существование было.

– Это... мрачная философия.

– Да. Но, возможно, единственно реалистичная – когда сталкиваешься с чем-то вроде Стирателей.

– МОРФЕЙ, – позвала Изабель. – Ты слышал наш разговор?

– Да.

– Что ты думаешь?

Пауза.

– Я не «думаю» в человеческом понимании. Но я могу предложить наблюдение.

– Говори.

– Все цивилизации в архиве, независимо от происхождения и эпохи, пришли к схожему выводу: физическое выживание перед лицом Стирателей невозможно. Или, по крайней мере, крайне маловероятно. Но все они, тем не менее, продолжали бороться. Создавали записи, передавали знания, строили архивы.

– Зачем?

– Возможно, потому что «бессмысленность» – неточный перевод. Возможно, более точный перевод – «отсутствие внешнего смысла». Смысла, данного извне. Но это не исключает смысла, созданного изнутри.

– Они сами придавали смысл своему существованию.

– Да. Не «нас запомнят, потому что мы важны», а «мы важны, потому что решили, что нас должны запомнить».

Изабель молчала. Эта мысль – странная, парадоксальная – казалась одновременно безнадёжной и освобождающей.

– Доктор Шань, – снова заговорил МОРФЕЙ. – Я завершил комплексный анализ всех данных, собранных за последние дни. Включая маршруты, временные шкалы, источники сигналов и статистические паттерны.

– И?

– И обнаружил аномалию, которая требует вашего внимания.

– Какую?

– Слишком много совпадений.

Изабель нахмурилась.

– Объясни.

– «Реквием» прибыл в Некрополь в момент, когда корабль-левиафан – единственный функционирующий объект – находился в позиции, оптимальной для обнаружения. Артефакт на корабле-скате активировался при первом же корректном сигнале, словно ждал именно нашей попытки. Голограмма показала образ вашей матери – единственного человека, который мог вызвать у вас достаточный эмоциональный отклик. Хранитель предложил помощь именно тогда, когда мы были готовы её принять.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что вероятность всех этих событий, случившихся независимо друг от друга, исчезающе мала. Статистически это невозможно.

Танака побледнела.

– Они знали, что мы придём. Знали заранее.

– Или, – сказал МОРФЕЙ, – кто-то или что-то направлял нас. С самого начала. Возможно – задолго до того, как экспедиция была организована.

Изабель стояла неподвижно, чувствуя, как мир под ногами становится зыбким. Всё, что она считала случайностью, – экспедиция, открытие Некрополя, её собственное участие – всё это могло быть частью плана.

Плана, существовавшего миллионы лет.

– Кто мог спланировать это?

– Хранители, – ответила Танака. – Те, кто «существует вне обычного течения времени».

Те, кто создал маршруты и ждал беженцев. Они ждали и нас.

– Зачем?

– Возможно, – сказал МОРФЕЙ, – потому что мы – следующие.

Следующие.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как приговор.

Следующая волна беженцев.

Следующая цивилизация, бегущая от Стирателей.

Следующие жертвы цикла, который повторялся миллионы лет.

– Вот почему они ждали, – прошептала Изабель. – Вот почему всё это было подготовлено. Не для прошлых беженцев – для нас. Для человечества.

– Предупреждение, – сказала Танака. – Весь этот архив, все эти записи – это предупреждение. Для тех, кто придёт последним.

– Или первым, – возразила Изабель. – Первым из новой волны.

Они смотрели друг на друга – две женщины на пороге истины, которую не хотели знать.

– Нам нужно поговорить с Хранителем, – сказала Изабель наконец. – Нужно узнать всё. Весь план. Всю правду.

– А если правда окажется хуже, чем мы думаем?
Изабель вспомнила слова из архива. «Готовность требует принятия конечности и бессмысленности».
– Тогда мы примем её, – сказала она. – Как принимали все, кто был до нас.

Глава
5: «
Хранитель

памяти

»

Корабль-левиафан ждал их.

Изабель стояла у обзорного иллюминатора шаттла «Харон-3», глядя на громаду, медленно вырастающую из темноты. При первом визите – когда они отправили дрон и установили телепатический контакт – она видела этот корабль только на экранах, через бездушные линзы камер. Теперь она смотрела собственными глазами, и масштаб увиденного отнимал дыхание.

Два километра живой – или казавшейся живой – материи. Органические формы, плавные линии, поверхность, которая пульсировала мягким светом в ритме, напоминавшем сердцебиение. Корабль не был похож на машину – он был похож на существо. Огромное, древнее, терпеливое существо, которое дремало в пустоте миллионы лет, ожидая гостей.

И теперь гости прибыли.

– Расстояние – пятьсот метров, – доложил пилот Вэй. – Сохраняю текущую позицию.

– МОРФЕЙ, статус объекта? – спросила Изабель.

– Без существенных изменений с момента предыдущего визита. Энергетическое излучение стабильно. Внутренняя атмосфера поддерживается. Проход, который открылся при первом контакте, остаётся в открытом положении.

Проход. Тёмный зев в боку левиафана, приглашающий войти. Изабель смотрела на него и чувствовала странную смесь страха и притяжения – как мотылёк, глядящий на пламя.

– Мне это не нравится, – сказал Брандт, стоявший за её плечом. Командор службы безопасности настоял на личном участии в экспедиции, несмотря на протоколы, предписывавшие ему оставаться на «Реквиеме». – Слишком удобно. Слишком... приглашающе.

– Вы предпочли бы закрытую дверь?

– Я предпочёл бы знать, что за ней.

– Именно для этого мы здесь.

Изабель оглянулась на остальных членов экспедиционной группы. Танака сидела в кресле, сосредоточенно изучая данные на планшете – последние наработки по расшифровке архива. Паркер проверял оборудование – сканеры, датчики, записывающие устройства. Двое бойцов из команды Брандта – Коваленко и Чен – молча стояли у стены, руки на оружии.

Шесть человек. Шесть жизней против неизвестности.

– Капитан Воронов, – Изабель активировала канал связи с «Реквиемом». – Мы на позиции. Готовы к высадке.

– Понял вас, доктор Шань. – Голос Воронова звучал напряжённо, несмотря на помехи. – Помните протокол. Постоянная связь. Любое изменение ситуации – немедленный доклад.

– Понимаю.

– И... будьте осторожны.

– Будем.

Связь прервалась. Изабель повернулась к команде.

– Все готовы?

Кивки. Молчаливое согласие.

– Тогда идём.

Переход от шаттла к кораблю-левиафану занял несколько минут. Они использовали реактивные ранцы, двигаясь через пустоту в полной тишине – только шипение маневровых двигателей и собственное дыхание в шлемах.

Изабель летела первой, несмотря на протесты Брандта. Это была её экспедиция, её ответственность – и её контакт. Существо говорило с ней, и она чувствовала: если кто-то должен войти первым, то это она.

Проход в корпусе левиафана приближался – тёмное отверстие в светящейся поверхности, как рана в живой плоти. По мере приближения Изабель различала детали: края прохода были гладкими, органическими, с едва заметным рельефом, похожим на венозный рисунок. Внутри царил темнота – но не абсолютная. Где-то в глубине мерцал свет.

– Пересекаю границу корпуса, – сообщила она по связи.

Она влетела в проход – и мир изменился.

Снаружи был космос – холодный, пустой, подчинённый законам физики, которые человечество понимало тысячелетия. Внутри было что-то иное. Изабель почувствовала это сразу, ещё до того, как датчики скафандра зафиксировали атмосферу. Пространство здесь было... другим. Не враждебным, но и не нейтральным. Внимательным.

– Фиксирую атмосферу, – доложила она. – Пригодна для дыхания. Давление – норма.

– Как ощущения? – голос Танаки в наушниках.

– Странно. Как будто... как будто за мной наблюдают.

– Это может быть не «как будто», – заметил Брандт.

Коридор – если это можно было назвать коридором – тянулся вглубь корабля. Стены светились мягким светом, который, казалось, исходил отовсюду сразу. Пол был не плоским – он волнами поднимался и опускался, создавая рельеф, по которому было удобно идти, но который не имел ничего общего с человеческими представлениями об архитектуре.

Изабель деактивировала ранец, опустилась на пол. Магнитные захваты на ботинках сработали – удерживая её, но не жёстко. Она сделала шаг, другой. Поверхность была тёплой – она почувствовала это даже через скафандр.

– Я внутри, – сообщила она. – Можете следовать.

Остальные влетели один за другим: Танака, Паркер, затем Брандт с бойцами. Они приземлились рядом с Изабель, оглядываясь по сторонам. В их движениях читалась настороженность – даже Танака, обычно погружённая в научное любопытство, держалась напряжённо.

– Воздух чистый, – Паркер проверил показания сканера. – Никаких токсинов, патогенов. Можно снять шлемы.

– Подождём, – сказал Брандт. – Пока оставайтесь в скафандрах.

Никто не спорил.

Они двинулись вглубь коридора – медленно, осторожно, фиксируя каждую деталь. Стены были покрыты узорами – теми же спиралями и геометрическими фигурами, что украшали все корабли Некрополя, но здесь они светились, переливались, создавая впечатление движения. Как будто сам корабль пытался что-то сказать.

– Танака, – позвала Изабель. – Ты можешь прочитать это?

Нейролингвист остановилась у стены, навела сканер.

– Частично. Это... – она нахмурилась. – Это не совсем текст. Больше похоже на... эмоциональную карту. Указания, но не словами – ощущениями.

– Куда они указывают?

– Вперёд. И... вниз, кажется. – Танака повернулась к ней. – Думаю, нас направляют куда-то конкретно.

– К Хранителю.

– Вероятно.

Они продолжили путь. Коридор изгибался, раздваивался, снова соединялся – но узоры на стенах всегда указывали направление, не давая заблудиться. Изабель ловила себя на мысли, что корабль ведёт их – как хозяин ведёт гостя через свой дом.

Через несколько минут – или больше? время здесь ощущалось иначе – они вышли в большое помещение.

Нет. «Большое» было неправильным словом. Это было огромно.

Сфера. Идеальная сфера, сотни метров в диаметре, с платформой в центре, до которой не было никакого видимого пути. Стены сферы светились – тысячи, миллионы точек света, похожих на звёзды. Изабель поняла: это и были звёзды. Карта галактики, воспроизведённая в трёхмерном формате, окружающая их со всех сторон.

И в центре, на платформе, – фигура.

– Боже мой, – прошептала Танака.

Существо стояло неподвижно, словно ожидая. Высокое – около трёх метров, – с формами, которые казались одновременно знакомыми и абсолютно чуждыми. Тонкий, вытянутый торс. Множественные конечности – не руки и не ноги, а что-то промежуточное, гибкое, изящное. Голова – сфера с несколькими светящимися точками, которые могли быть глазами.

Но самым странным было то, что существо казалось полупрозрачным. Сквозь него были видны звёзды на противоположной стене сферы.

– Оно не физическое, – сказал Паркер, глядя на показания сканера. – Это... проекция? Голограмма?

– Не совсем, – ответила Изабель. Она помнила телепатический контакт, помнила голос в своей голове. – Оно реально. Просто... не из материи.

«Вы пришли».

Голос – тот самый, из её памяти – снова прозвучал в голове. Изабель вздрогнула. Остальные, судя по их реакции, тоже услышали.

– Ты говоришь со всеми нами? – спросила она вслух.

«Теперь – да. Раньше только ты была... – пауза, словно существо искало слово, – ... открытой. Теперь открыты все. Ваш страх уменьшился. Это хорошо».

– Мы не перестали бояться, – сказал Брандт. Его рука инстинктивно сжалась на рукояти оружия, хотя что могло сделать импульсное оружие против проекции из света?

«Нет. Но вы пришли несмотря на страх. Это важнее, чем отсутствие страха».

Существо сделало движение – плавное, грациозное, словно оно не подчинялось законам инерции. Его «рука» указала на платформу.

«Подойдите. Здесь мы сможем говорить лучше».

Изабель посмотрела вниз – на пустоту между краем сферы и центральной платформой. Несколько сотен метров без опоры.

– Как?

«Идите. Путь появится».

Она сделала шаг вперёд – и обнаружила, что под её ногой появилась опора. Невидимая, прозрачная, но твёрдая. Она сделала ещё шаг. Ещё один. С каждым шагом перед ней материализовался мост – или то, что выполняло функцию моста.

– Это... невозможно, – прошептал Паркер.

– Здесь многое невозможно, – ответила Изабель, не оборачиваясь. – Идёмте.

Они пересекли пустоту – шесть человек, идущих по мосту из ничего, в окружении миллиарда звёзд. Когда они достигли платформы, мост за ними растворился, как будто его никогда не было.

Существо стояло перед ними – близко, но не угрожающе. Его светящиеся «глаза» медленно перемещались, изучая каждого из прибывших.

«Вы первые за долгое время, – сказала оно. – Последние, кто приходил... это было давно. Очень давно».

– Как давно? – спросила Изабель.

«По вашему исчислению – около пятидесяти тысяч вращений вашей планеты вокруг звезды. Мы называем это мгновением. Вы – эпохой».

Пятьдесят тысяч лет. Корабль-скат. Существа, чьи тела они нашли, свернувшиеся в круглом зале.

– Те, кто приходил тогда... – начала Изабель. – Что с ними случилось?

Пауза. Долгая, тяжёлая.

«Они пришли слишком поздно. И слишком рано. Слишком поздно, чтобы уйти дальше. Слишком рано, чтобы мы могли помочь. Они остались здесь. Ждали. Надеялись».

– И умерли?

«Они перестали существовать. Это не одно и то же».

Изабель почувствовала, как холодок пробежал по спине. «Перестали существовать» – те же слова, что использовались в архиве. Не смерть – стирание.

– Расскажи нам, – сказала она. – Расскажи всё. С самого начала.

Существо склонило голову – жест, который мог означать согласие.

«Вы уверены? Знание тяжёлое. Оно меняет тех, кто его несёт».

– Мы знаем. Мы готовы.

«Нет. Вы не готовы. Никто никогда не готов. Но вы пришли несмотря на это. Это – единственная готовность, которая имеет значение».

Существо подняло одну из своих конечностей, и звёзды вокруг них пришли в движение. Изображение галактики – карта на стенах сферы – начало меняться, перестраиваться, показывая нечто иное.

«Слушайте. Смотрите. Помните».

Изображение стабилизировалось – и Изабель поняла, что видит.

Галактика. Не их галактика – другая. Спиральная, похожая на Млечный Путь, но с иной структурой рукавов, с другим расположением скоплений. Она медленно вращалась перед ними, миллиарды звёзд сливались в потоки света.

«Это – колыбель, – сказал Хранитель. – Место, откуда пришли мы. Наш народ. Наш мир».

– Вы из другой галактики? – спросила Танака.

«Мы были из другой галактики. Теперь... мы отовсюду и ниоткуда».

Изображение приблизилось – показало один из спиральных рукавов, затем отдельную звёздную систему. Жёлтая звезда, несколько планет вокруг неё. Третья от звезды – голубая, с белыми облаками.

«Мы развились там. За миллиарды лет – от простейших форм до того, чем стали. Мы построили города. Корабли. Достигли соседних звёзд. Думали, что вселенная принадлежит нам».

– Как человечество, – тихо сказала Изабель.

«Как многие. Как все, кто доходит до этой ступени. Вы смотрите в небо и видите бесконечность. Вы думаете: всё это – наше. Нужно только дотянуться».

Изображение снова изменилось. Теперь оно показывало цивилизацию – города, машины, существа, похожие на Хранителя, но более... телесные. Физические. Они двигались, работали, общались. Жили.

«Мы существовали так четыреста миллионов ваших лет. Распространились на тысячи звёздных систем. Создали империю, которую считали вечной».

– Что произошло?

Пауза.

«Они пришли».

Изображение потемнело. Звёзды на краю галактики начали гаснуть – не взрываясь, не превращаясь в сверхновые. Просто... исчезая. Одна за другой, как свечи под порывом ветра.

«Сначала мы думали – ошибка наблюдений. Сбой в датчиках. Звёзды не могут исчезать. Это противоречит физике. Потом исчезли планеты. Потом – колонии. Миллиарды существ – наших соотечественников, наших детей – просто перестали быть».

– Вы их видели? – спросил Брандт. – Тех, кто это делал?

«Нет. Их нельзя увидеть. Нельзя услышать. Нельзя измерить. Они – не существа. Они – процесс. Волна. Очищение».

– Стиратели, – сказала Изабель.

«Так их называли другие – те, кто пришёл после нас. Мы называли их... – голос Хранителя дрогнул, – ...мы называли их «конец». Просто – конец. Потому что это и было то, чем они являлись. Концом всего».

Изображение показало волну темноты, распространяющуюся по галактике. Звёзды гасли, целые рукава погружались во тьму. Изабель видела это как замедленную съёмку катастрофы – катастрофы, растянувшейся на миллионы лет.

«Мы пытались бежать. Строили корабли, способные покинуть галактику. Отправляли экспедиции в межгалактическое пространство. Искали убежище».

– Нашли?

«Некоторые – да. Мы узнали, что есть места... – Хранитель указал на определённые точки в окружающей их карте, – ...места, где пространство-время отличается. Складки. Тени. Области, которые «они» не замечают. Или не могут достичь».

– Солнечная система – одно из таких мест, – сказала Изабель. Это не был вопрос.

«Да. Одно из немногих в этой галактике. Мы нашли его... слишком поздно для нашего народа. Но достаточно рано, чтобы оставить знание для других».

Изображение снова изменилось. Теперь оно показывало другую галактику – их галактику, Млечный Путь. И маршруты – те самые линии, которые Танака обнаружила в архиве. Сотни линий, сходящихся к одной точке.

«Мы создали это место. Не сам Некрополь – он возник естественно, из кораблей тех, кто приходил. Но систему. Архив. Маршруты. Знание, которое должно было передаваться от цивилизации к цивилизации».

– Для чего? – спросила Танака. – Если спасение невозможно...

«Кто сказал, что невозможно?»

Все замерли.

«Я сказал, что наш народ погиб. Это правда. Физически – мы перестали существовать. Но... – Хранитель сделал жест, охватывающий всю сферу вокруг них, – ...посмотрите на меня. Я здесь. Я говорю с вами. Я помню».

– Ты... выжил?

«Я стал тем, что нельзя стереть. Перешёл из материи в информацию. Из тела – в память».

Изабель вспомнила слова голограммы матери: «Стать частью памяти, а не носителем памяти».

– Как?

«Это... сложно объяснить вашими концепциями. Ваш язык не имеет слов для того, что произошло. Но в простых терминах: я записал себя. Свой разум, свою личность, свою... душу, если использовать ваши метафоры. Записал в саму структуру пространства-времени. В ту «складку», которая защищает это место».

– Ты стал частью Некрополя?

«Я стал его хранителем. Его памятью. Вместе с миллионами других – представителей тысяч цивилизаций, которые сделали тот же выбор».

Изабель осмотрелась. Сфера вокруг них, миллиарды звёзд на стенах, сам корабль-левиафан – всё это было не просто технологией. Это было... кладбище? Нет. Хранилище. Хранилище разумов, которые отказались исчезнуть.

– Сколько вас? – спросила она.

«Трудно сказать. Мы не... отдельны в том смысле, который понимаете вы. Но если считать индивидуальные сознания, сохранившие отдельную идентичность... около семидесяти миллионов».

– Семьдесят миллионов, – повторила Танака. – Семьдесят миллионов разумных существ, живущих как... как информация?

«Существующих как информация. «Жить» – не совсем точное слово. Мы не растём, не меняемся, не умираем. Мы просто... есть. Помним. Ждём».

– Ждёте чего?

«Того, кто придёт последним».

Снова тишина. Изабель чувствовала, как слова Хранителя оседают в сознании, как камни, брошенные в воду.

– Ты говорил, что мы – первые за пятьдесят тысяч лет, – сказала она. – Но до нас были другие. Много других. Почему ты ждал нас?

«Потому что вы – другие».

– В чём наша «другость»?

Хранитель повернулся к ней. Его светящиеся «глаза» остановились на её лице, изучая, оценивая.

«Вы – первые, кто пришёл сюда, когда цикл уже начался».

Слова упали в тишину, как камень в колодец.

– Цикл начался? – голос Брандта был напряжённым. – Что это значит?

«То, что говорю. Стиратели... – Хранитель помедлил, – ...они не приходят постоянно. Они появляются циклами. Каждые несколько сотен миллионов лет – по вашему времени – они... просыпаются. Начинают очищение. Потом – снова засыпают».

– И сейчас они... просыпаются?

«Они уже не спят».

Изабель почувствовала, как земля уходит из-под ног – метафорически, конечно, поскольку она стояла на платформе в центре сферы, парящей в пустоте. Но ощущение было тем же.

– Как давно? – спросила она. – Как давно они начали?

«Трудно определить точный момент. Первые признаки... – Хранитель указал на карту галактики вокруг них, – ...мы заметили около ста тысяч ваших лет назад. Звёзды на дальней периферии начали исчезать. Медленно. Едва заметно. Но мы следим за этим миллионы лет. Мы знаем, как это выглядит».

– Сто тысяч лет, – повторила Танака. – Но человечество существует уже...

– ...около трёхсот тысяч лет, – закончила Изабель. – Если считать Homo sapiens. И гораздо дольше, если считать предшествующие виды.

«Да. Ваш вид развился в относительно безопасный период – в «сне» между циклами. Это дало вам время вырасти. Построить цивилизацию. Достичь звёзд».

– И теперь время заканчивается?

«Время никогда не заканчивается. Но окно... – Хранитель сделал жест, словно закрывая что-то невидимое, – ...окно сужается. Стиратели приближаются. Не быстро – по вашим меркам. Но неотвратимо».

– Сколько у нас осталось? – спросил Брандт. Его голос был хриплым.

«Неизвестно. Скорость очищения непредсказуема. Иногда они движутся медленно – миллионы лет на одну галактику. Иногда – быстрее. Зависит от... – пауза, – ...от того, насколько «яркий» разум они чувствуют».

– «Яркий разум»?

«Развитые цивилизации излучают... – Хранитель, казалось, искал слова, – ...шум. Сигналы. Радиоволны, гравитационные возмущения, модификации пространства-времени. Чем развитее цивилизация – тем громче её «голос». И тем быстрее Стиратели её находят».

Изабель вспомнила записи из архива: «Когда яркость разума превышает тень – они замечают».

– Человечество уже «достаточно яркое»?

«Вы на пороге. Ваши сигналы начинают... – Хранитель сделал неопределённый жест, – ...просвечивать сквозь защиту этого места. Пока – едва. Но с каждым годом – громче».

– Что можно сделать?

Пауза. Долгая, тяжёлая.

«Это – вопрос, на который все ищут ответ. Миллионы лет. Тысячи цивилизаций. Никто не нашёл способа остановить Стирателей. Победить их. Уничтожить».

– Значит, надежды нет?

«Я не сказал этого. Я сказал – нельзя победить. Но можно... – снова пауза, – ...спрятаться. Переждать. Или стать тем, что нельзя стереть».

– Как ты?

«Как я. Как другие хранители. Это – один путь. Но не единственный».

– Какие ещё?

Хранитель повернулся к карте галактики.

«Покажу».

Изображение снова начало меняться. Теперь оно показывало не историю, а текущее состояние галактики – или то, что Хранитель считал текущим.

«Смотрите внимательно».

Галактика медленно вращалась перед ними. Знакомые очертания – спиральные рукава, центральное скопление, тёмные полосы пыли. Но что-то было не так. Изабель присмотрелась – и поняла.

Звёзды гасли.

Не все. Не везде. Но на периферии галактики – там, где должны были быть тысячи звёзд, – зияла темнота. И эта темнота медленно, почти незаметно расширялась.

– Это... происходит сейчас?

«Это – состояние галактики на момент, когда последние беженцы достигли Некрополя. Пятьдесят тысяч ваших лет назад».

– И с тех пор?

«С тех пор стало хуже».

Изображение сдвинулось – показывая изменения. Темнота на периферии расширилась, поглотила целые регионы. Изабель видела, как гасли звёзды – не одна за другой, а целыми скоплениями. Как рукава галактики темнели с краёв.

– Боже мой, – прошептала Танака.

«Бог здесь ни при чём. Это – естественный процесс. Такой же естественный, как смерть звёзд или расширение вселенной. Просто... направленный».

– Естественный? – Брандт не скрывал скептицизма. – Нечто, что стирает разумную жизнь – естественный процесс?

«Для вселенной – да. Для разума – трагедия. Но вселенная не заботится о трагедиях разума».

– Ты говоришь, что это... часть космоса? – спросила Изабель. – Часть того, как работает вселенная?

«Возможно. Мы – хранители – изучаем этот вопрос миллионы лет. Мы знаем, что Стиратели существуют. Знаем, что они делают. Но почему – это до сих пор загадка».

– Есть гипотезы?

«Много. – Хранитель сделал жест, и рядом с картой галактики появились символы – те самые, что покрывали стены всех кораблей Некрополя. – Одни считают, что Стиратели – защитный механизм вселенной. Способ предотвратить... – пауза, – ...перенаселение разумом. Если разум распространится слишком широко, он может нарушить баланс».

– Какой баланс?

«Неизвестно. Другие считают, что Стиратели – не защита, а болезнь. Сбой в структуре реальности, который проявляется периодически. Как лихорадка у вашего вида».

– А ты сам что думаешь?

Хранитель помолчал.

«Я думаю, что вопрос «почему» – неправильный. Важнее – «что делать». Стиратели существуют. Они приходят. Они стирают. Это – факт. Понимание причины не изменит этого факта. Но понимание механизма – может дать шанс».

– Механизма стирания?

«Да. Мы знаем кое-что о том, как это работает. Не всё – далеко не всё. Но достаточно, чтобы искать способы защиты».

– Расскажи.

Хранитель снова повернулся к карте. Изображение изменилось – теперь оно показывало не галактику в целом, а отдельный участок. Звёздную систему.

«Смотрите. Это – система, которая была стёрта около миллиона лет назад. Мы наблюдали за ней. Записывали всё, что могли».

Изабель видела звезду – жёлтый карлик, похожий на Солнце. Вокруг неё вращались планеты. На третьей от звезды – признаки цивилизации. Города, светящиеся на ночной стороне. Орбитальные станции. Корабли.

Потом – изменение.

Не взрыв. Не катастрофа в привычном смысле. Просто... размытие. Звезда, планеты, всё – начало терять чёткость. Как изображение, которое постепенно стирают ластиком. Контур размывались, детали исчезали. И через несколько секунд – или миллионов лет, в зависимости от масштаба времени – на месте звёздной системы осталась только пустота.

Не тьма. Не чёрная дыра. Пустота. Пространство, в котором не было ничего – как будто там никогда ничего и не было.

– Они не уничтожают, – прошептала Изабель. – Они... отменяют. Заставляют реальность забыть, что это существовало.

«Да. Это – ключевой момент. Стирание – не разрушение. Это изменение прошлого. Звезда не взрывается – она перестаёт когда-либо существовать. Цивилизация не гибнет – она никогда не рождается».

– Но это... невозможно. – Танака покачала головой. – Причинно-следственные связи... если что-то существовало, оно влияло на другие вещи. Если отменить его существование – что происходит с последствиями?

«Они тоже отменяются. Или перестраиваются. Вселенная... – Хранитель сделал сложный жест, – ...вселенная гибкая. Более гибкая, чем вы думаете. Она может перестроить себя так, чтобы «дыра» была незаметна. Чтобы всё выглядело логичным».

– Но вы помните. Хранители помнят о стёртых цивилизациях.

«Да. Потому что мы – вне потока причинности. Мы существуем в той «складке», которая защищает это место. Здесь – другие правила. Здесь память сохраняется, даже когда стирается то, о чём она».

Изабель пыталась осмыслить это. Концепция была... запредельной. Стирание самого факта существования. Перестройка причинно-следственных связей. Вселенная, которая переписывает себя, чтобы скрыть следы.

– А люди, которые знали стёртых? – спросила она. – Те, кто был вне зоны стирания? Они тоже забывают?

«Постепенно – да. Это... – Хранитель помедлил, – ...это самая страшная часть. Стирание не ограничивается объектом. Оно распространяется. Как волны от камня, брошенного в воду. Сначала – сам объект. Потом – записи о нём. Потом – воспоминания. Потом – воспоминания о воспоминаниях».

– Полное забвение.

«Полное. Абсолютное. Как будто ничего не было».

Изабель вспомнила сон, который видела несколько ночей назад. Коридоры чужого корабля, узоры, складывающиеся в слова. Глаза – множество глаз, смотрящих на неё.

И свет, который манил. Обещал ответы.

– Есть способ защититься? – спросила она. – Способ сохранить память, даже когда всё остальное стёрто?

«Несколько. Первый – стать частью «складки», как мы. Но это... – Хранитель сделал жест, который мог означать печаль, – ...это означает отказ от физического существования. Не все готовы на это».

– Какие другие?

«Второй – укрыться в «тени». В местах, подобных этому. Солнечная система – одно из них. Но защита «тени» слабеет со временем. И если цивилизация становится слишком «яркой»...»

– Она начинает «просвечивать».

«Да. Третий способ... – Хранитель замолчал. – Третий способ – теоретический. Никто не проверял его на практике».

– Какой?

«Усилить «тень». Сделать её непроницаемой».

– Как?

«Этого я не знаю. Знание о том, как создавать и усиливать «тени», было утрачено давно. Те, кто владел им... – пауза, – ...были стёрты».

Ирония судьбы. Знание о защите от стирания – стёрто.

– Но записи остались? – спросила Танака. – В архиве?

«Фрагменты. Намёки. Отголоски. Мы пытаемся восстановить картину миллионы лет. Каждая новая цивилизация, приходящая сюда, приносит свои крупички. Медленно, по частям, мы собираем... – Хранитель указал на окружающую их сферу, – ...вот это. Библиотеку. Музей. Надежду».

– И вы ждали нас, чтобы мы добавили свои «крупички»?

«Частично. Но не только. – Хранитель повернулся к Изабель. – Вы – особенные. Не потому что лучше других. А потому что вовремя».

– Вовремя для чего?

«Цикл начался. Стиратели просыпаются. Скоро – по нашим меркам – они дойдут до этой части галактики. До вашей системы. До этого места».

– И тогда?

«Тогда – конец. Для вас. Для нас. Для всего, что мы хранили миллионы лет».

Изабель почувствовала, как тяжесть наваливается на плечи. Не физическая – экзистенциальная. Тяжесть знания, которое нельзя отвергнуть.

– Сколько времени?

«Неизвестно. Может быть, тысячи ваших лет. Может быть – меньше. Скорость очищения непредсказуема».

– Но ты сказал, что мы – «вовремя». Вовремя – для чего? Что мы можем сделать?

Хранитель долго смотрел на неё. Его светящиеся «глаза» неподвижно фиксировались на её лице.

«Вы можете узнать. Понять. И, возможно... – пауза, – ...найти то, что мы ищем миллионы лет. Способ остановить их. Или хотя бы – пережить».

Следующие несколько часов – или то, что ощущалось как часы, – Хранитель показывал им историю.

Не словами – образами. Видениями. Прямой передачей информации в разум, которая обходила ограничения языка и культуры.

Изабель видела цивилизации. Сотни, тысячи цивилизаций – каждая уникальная, каждая развитая, каждая обречённая. Она видела их расцвет: города, которые затмевали воображение, технологии, которые казались магией, искусство, которое заставляло плакать. Она видела их падение: звёзды, гаснущие одна за другой, миры, растворяющиеся в небытии, последние корабли, несущиеся к Некрополю в отчаянной надежде.

Она видела беженцев. Существа всех форм и размеров – гуманоиды, инсектоиды, газовые облака с коллективным сознанием, кристаллические структуры, которые думали со скоростью света. Все они бежали. Все надеялись. Все – в конечном счёте – погибали.

Не погибали. Стирались.

Она видела, как это происходит. Как реальность размывается по краям, как причинно-следственные связи рвутся, как само существование отменяется. Видела последние мгновения тех, кто осознавал, что происходит, – и ужас в их глазах, который нельзя было передать словами.

Видела и тех, кто выбирал другой путь. Кто отказывался от тела, от материи, становился информацией, записанной в складках пространства-времени. Они не умирали – они трансформировались. Превращались в то, чем был сейчас Хранитель: сознание без плоти, память без носителя.

Это тоже было страшно. По-своему.

Когда поток образов прекратился, Изабель обнаружила, что сидит на полу платформы, прижавшись спиной к невидимой опоре. Рядом были остальные – такие же потрясённые, такие же опустошённые.

– Сколько... сколько времени прошло? – спросила Танака. Её голос был хриплым.

– Семь часов, – ответил Брандт, глядя на индикатор на запястье. – Воронов, наверное, с ума сходит.

– Связь с «Реквиемом» была невозможна во время передачи, – сказал Хранитель. – Теперь – восстановлена. Можете связаться.

Брандт немедленно активировал канал.

– «Реквием», это Брандт. Мы в порядке. Связь была... затруднена.

– Брандт? Боже, мы уже готовили спасательную операцию! – голос Воронова был напряжённым. – Что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.